Ч
Б-82

В. И. БОРКОВСКИЙ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОПОСТАВЛЯЕМЫЕ СО СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

66543

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

В. И. БОРКОВСКИЙ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СОПОСТАВЛЯЕМЫЕ СО СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1972

Ч
Б-82
ИЯ ЛИНГВИСТИКА
ИН-ТА СССР
20
66543

Предлагаемая книга — первая часть коллективной монографии, в которой в сравнительно-историческом плане рассматривается сложное предложение во всех трех восточнославянских языках. В книге использован обширный фактический материал русских, белорусских и украинских памятников XV—XVII вв., а также данные диалектов. Исследованы бессоюзные сложные предложения, которые употреблялись (многие типы употребляются и сейчас) в восточнославянских языках параллельно со сложноподчиненными.

Это первый в отечественном языкознании обобщающий труд по малоисследованной проблеме.

7-1-2
349-72

ОТ АВТОРА

Наша книга — первая часть подготовленного в секторе сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков Института русского языка АН СССР труда «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложное предложение». Вторую часть, посвященную сложноподчиненным предложениям, написали сотрудники сектора Р. Б. Кершиене, Л. Е. Лопатина, С. Е. Морозова, М. Н. Преображенская, В. К. Сорокина, В. Ф. Харпалева.

В отличие от вышедших в 1968 г. двух книг, в которых рассмотрены в сравнительно-историческом плане типы простого предложения (автор книги — В. И. Борковский) и члены предложения (авторы книги — Л. А. Глинкина, Е. И. Кедайтене, Р. Б. Кершиене, Л. Е. Лопатина, С. Е. Морозова, М. Н. Преображенская, В. З. Санников, В. Ю. Франчук, И. С. Ятрополо), обе части труда о сложном предложении построены на материале русских, белорусских и украинских памятников XV—XVII вв. (а не XI—XVII вв.).

Сделано такое ограничение вследствие вполне понятного желания авторов сосредоточить внимание на чрезвычайно важном периоде в истории восточнославянских языков, периоде, когда сложились синтаксические системы языков трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

Отметим также, что древнерусские памятники изучены со стороны синтаксиса лучше, чем старорусские, староукраинские и старобелорусские (в сравнительно-историческом плане).

В своей книге, рассматривающей бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными, мы использовали как картотеку сектора сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков Института русского языка АН СССР [1], так и личную картотеку по синтаксису восточнославянских языков, которая значительно пополнилась в последнее десятилетие благодаря выходу в свет новых изданий памятников.

Число цитируемых памятников XV—XVII вв. в данной книге большее, чем в нашем исследовании «Типы простого предложения».

Мы сочли необходимым дополнить список, включив в него в первую очередь публикации грамот, частных писем:

Актова книга Житомирського міського уряду кінця XVI ст. (1582—1588 рр.). Підготував до видання М. К. Бойчук. Київ, вид-во «Наукова думка», 1965;

[1] Раскладку картотеки сектора по темам сложного предложения (бессоюзного и союзного) выполняли: Р. Б. Кершиене, С. Е. Морозова, М. Н. Преображенская, В. К. Сорокина, В. Ф. Харпалева, Н. И. Хренова.

Грамотки XVII—начала XVIII века. Изд. подготовили Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., изд-во «Наука», 1969;

С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII в. М., изд-во «Наука», 1964;

Московская деловая и бытовая письменность XVIII века. Изд. подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., изд-во «Наука», 1968;

Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). Изд. подготовили С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., изд-во «Наука», 1965;

Українські грамоти XV ст. Підготовка тексту, вступна стаття і коментарі В. М. Русанівського. Київ, вид-во «Наукова думка», 1965.

Материал, содержащийся в названных книгах, позволил нам уточнить сферу употребления бессоюзных сложных предложений, сопоставляемых со сложноподчиненными, поскольку грамоты и частные письма дают возможность делать выводы о синтаксических конструкциях живой речи. Учтены и издания других памятников, которых нет в книге «Типы простого предложения».

Более полно представлены диалектные материалы, этот ценный, хотя и дополнительный, источник для истории языка. Мы придерживаемся при этом взгляда, что диалектные данные нельзя рассматривать как тождественные с данными старинных памятников, так как диалекты не остаются неизменными, проходят определенный путь развития.

Помимо работ по синтаксису восточнославянских языков, содержащих ряд показательных примеров, мы обратились непосредственно к записям живой народной речи, имеющимся в книгах:

Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі. Пад рэд. Р. І. Аванесава і М. В. Бірылы. Мінск, 1962;

Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

Как и в предыдущих наших работах, привлечен фольклорный материал, в частности из интересной книги известного белорусского ученого: Ф. Янкоўскі. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразелагізмы. Выданне другое, дапоўненае. Мінск, 1962.

Основная задача книги — рассмотреть бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными, в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках XV—XVII вв., определить их удельный вес сравнительно со сложноподчиненными, использование в разных жанрах письменности, в частности как элемент стиля, выяснить черты сходства и различия в зависимости от того, является памятник старорусским, староукраинским или старобелорусским.

Автора интересовал также вопрос, сохранился ли тот или иной тип бессоюзного предложения в литературных восточнославянских языках, стал ли он только достоянием диалектов или же не представлен и в современной диалектной речи.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, СОПОСТАВЛЯЕМЫХ СО СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ

Бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными предложениями, в древнерусских и старорусских памятниках (одновременно с этим и в диалектах, фольклоре) давно привлекали внимание историков русского языка и шире — восточнославянских языков.

Основное внимание было уделено бессоюзным определительным предложениям, поскольку этот тип бессоюзных сложных предложений, во-первых, отсутствует в современных литературных восточнославянских языках, во-вторых, вызывал и вызывает споры и самые различные толкования.

Еще в 1852 г. их отметил П. А. Лавровский, которому принадлежит следующее высказывание о предложениях без относительного местоимения: «Нередко опускалось и относительное местоимение *который*, причем придаточное предложение нисколько не изменяло своего вида, оставаясь тем же, чем должно оно быть и при местоимении: святи церковь арх. Гаврила, — създана Милонѣгомъ (Нов. 1. 20), или: поминковъ владыка явилъ: панагію сизову, — обложена златомъ (Нов. 2. 143)»[1]. Как видим, автор ошибочно полагает, что в приведенных им примерах опущено местоимение, но в то же время он заметил одну важную особенность — полное совпадение, за исключением местоимения, строения сложноподчиненного определительного предложения и сопоставляемого с ним бессоюзного предложения.

Ф. И. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка» (ч. II, изд. 2, М., 1863)[2] отмечает «словосочинение придаточного определительного, никакою грамматическою формою не соединенного с главным. Напр., в Юрид. акт. „на двѣ березы изъ од-

[1] П. Лавровский. О языке северных русских летописей. СПб., 1852, стр. 98.

[2] Первое издание под названием «Опыт исторической грамматики русского языка» вышло в Москве в 1858 г.; 5-е издание (последнее дореволюционное) — М., 1881; книга переиздана: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959 (в дальнейшем ссылаемся на это издание).

ного корени, *промежъ ими ива*“ 1498—1505 (=между которыми ива); и отъ того пня въ болото жъ на иву, *вверху суковата, безъ верху*“, 1631 (=на иву, суковатую и не имеющую верхушки)» [3].

Таким образом, ученым отмечены некоторые из типов бессоюзных определительных предложений, причем в параграфе, в котором говорится, что «независимо от литературного сочетания предложений, уже с древнейшей эпохи господствовало в нашей письменности разговорное, чисто народное» [4].

Характерно и то, что примеры взяты Ф. И. Буслаевым из юридических актов, где это «разговорное, чисто народное» сочетание могло проявиться в наибольшей степени. Однако не оставлены без внимания и памятники других жанров, в которых встретились сходные примеры, но в них уже не «опущение связи при сочетании предложений» [5], а «соединение двух предложений с помощью союзов сочиняющих *а* и *и*, в тех случаях, где по смыслу следовало бы одно предложение, как придаточное, подчинить другому. Напр., в лет. „того же лѣта постави преподобныи нареченыи владыка Еуѳимеи полату въ дворе у себе, *а двереи у неи 30*“, Новг. 111 (=в которой было 30 дверей, =с тридцатью дверями)» [6]. Здесь же еще два случая с определительными предложениями: «„меташа бо камнемъ полтора перестрѣла, *а* камень якоже можаху 4 мужа силніи подъяти“ 174 (=камнем, который могут поднять и проч.)“ (пример из Ипат. лет.)»[7]; «„Видѣхъ великъ звѣрь, *а главы не имѣетъ*“, Дан. Зат.» [8]. К последнему из примеров не дано толкования, но, очевидно, предполагается: который не имеет головы.

Ф. И. Буслаев, как видим, отметил в примерах, где соединяются предложения, отсутствие союза или употребление союзов (сочинительных), путем перевода зависимой части указал на то, что она соотносится с придаточным определительным.

Оставлены без внимания особенности зависимой части: наличие местоимения *онъ* (в примерах из юридического акта 1498—1505 гг., из Новг. лет.), повторение в зависимой части имени существительного главного предложения (в примере из Ипат. лет.), отсутствие местоимения или повторяющегося существительного (в примерах из юридического акта 1631 г., из Дан. Зат.).

Не отмечено и то, что в примерах без местоимения или повторяющегося существительного зависимая часть имела бы другое подлежащее, если бы оно было включено в определяющую часть. Вот почему зависимую часть в примере из юридического акта 1631 г. следовало бы перевести иначе, чем это сделано Ф. И. Буслаевым: *суковатую и не имеющую верхушки*. В переводе должно

---

[3] Ф. И. Буслаев. Указ. соч., стр. 556.
[4] Там же, стр. 553—554.
[5] Там же, стр. 556.
[6] Там же, стр. 555.
[7] Там же.
[8] Там же.

быть относительное местоимение: *которая сверху суковата и не имеет верхушки.*

Сходный пример (в другом параграфе) Ф. И. Буслаев переводит, употребив местоимение *который*: «„на березу, от земли голенасту, *вверхъ кудревата*“ (вм. *которая вверх кудревата*)» [9].

Несмотря на ошибочность положения, что в тех случаях, «когда при сочетании предложений нет связи, произошло опущение связи» [10], на отсутствие полной характеристики всех рассматриваемых определительных предложений, наблюдения Ф. И. Буслаева представляют несомненную ценность. Он фактически перечислил все типы бессоюзных определительных предложений, указал, что бессоюзные определительные предложения (в их числе и предложения с *а*, *и* в зависимой части) есть явление разговорное, чисто народное.

К разговорному, чисто народному сочетанию предложений отнесено сочетание и в следующих двух приведенных Ф. И. Буслаевым примерах: 1) из договорной грамоты Смоленского князя Мстислава, 1229 г.: «„аже тиоунъ оуслышить латинескыи гость пришелъ послати ѥмоу люди с возы пьревѣсти товаръ“ (т. е. если тиун услышит, что латинские (т. е. немецкие) купцы пришли, то должен послать людей с телегами перевезти товар)» [11]; 2) из пословиц XVII в.: «„добра не смыслишь, *и* ты худа не говори“ (=если не смыслишь добра, то. . . и проч.)» [12].

К сожалению, ни первый пример (в нем бессоюзное дополнительное предложение), ни второй (в нем бессоюзное условное предложение) не проанализированы. Первый просто приведен как образец разговорного языка, а второй — в числе случаев, когда два предложения (одно из них в качестве придаточного к другому) соединены с помощью сочинительных союзов *а* и *и*.

То, что в отношении бессоюзных определительных и бессоюзных дополнительных предложений не получило разъяснения у Ф. И. Буслаева, было с исчерпывающей полнотой исследовано и объяснено А. А. Потебней в третьем томе его замечательного труда «Из записок по русской грамматике», вышедшего в Харькове в 1899 г.[13]

А. А. Потебня полемизирует с Ф. И. Буслаевым, в еще большей степени — с Ф. Е. Коршем, труд которого «Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса» был издан в Москве в 1877 г.

---

[9] Ф. И. Буслаев. Указ. соч., стр. 453. — Здесь же еще несколько предложений с определяющей частью, глагольной и безглагольной, присоединенной без помощи относительных местоимений или сочинительных союзов *а*, *и*.

[10] Там же, стр. 556.

[11] Там же, стр. 554.

[12] Там же, стр. 555.

[13] Книга переиздана: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. М., 1968 (в дальнейшем ссылаемся на это издание).

Ф. Е. Корш совершенно справедливо отмечает, что нередко один и тот же язык колебался в выборе средств для выражения связи двух суждений в относительной конструкции. По мнению Ф. Е. Корша, «наш собственный язык, особенно простонародный, представляет в этом отношении необыкновенную пестроту» [14].

Ученый сделал ряд интересных наблюдений над способами относительного подчинения в восточнославянских языках в их историческом развитии, избегая в отдельных случаях решительных суждений. У Ф. Е. Корша отмечены способы относительного подчинения в древнерусском языке (и в ряде других языков): 1) без относительных местоимений, с повторяющимся определяемым существительным с указательным местоимением; 2) без относительных местоимений, с личным или указательным местоимением; 3) с вопросительными местоимениями в смысле относительных.

Несомненную ценность представляют выводы Ф. Е. Корша о том, что в истории синтаксического развития речи сочинение предшествует подчинению, что в ряде языков, создавших себе относительные местоимения в полном смысле этого слова, корни относительных местоимений восходят к указательным или вопросительным местоимениям. Ф. Е. Корш справедливо утверждает: «Так как в истории синтаксического развития речи сочинение предшествует подчинению, древнейшими способами следует признать присоединение к логически главному предложению другого, логически подчиненного, но грамматически вполне самостоятельного, с соединительным союзом или безо всякой внешней связи. Первый из этих двух способов чуть ли не еще древнее, чем второй, так как бессоюзие предполагает уже такое сильное развитие логического подчинения, которое неизбежно должно выработать для себя особенную внешнюю форму. Впрочем, как ни самостоятельно предложение с соединительным союзом, все-таки нетрудно отличить при такой связи предложение логически самостоятельное от логически подчиненного по самой его постановке» [15].

Все эти положения, повторяем, представляют несомненный научный интерес.

Считаем заслуживающим внимания и замечание Ф. Е. Корша, что не каждое логическое подчинение без всякой грамматической связи «можно признать древним по такому внешнему признаку» [16]. В то же время резко выделяется антиисторичное утверждение Ф. Е. Корша, что у славян случаи с определительными предложениями без относительного (или личного) местоимения «составляют, конечно, исключение, объяснимое небрежностью, — тем более, что и самая конструкция никогда не сознавалась ими как особенный, постоянный оборот, тогда как в ср.-в.-нем. наречии

[14] Ф. Е. Корш. Способы относительного подчинения. Глава сравнительного синтаксиса. М., 1877, стр. 15.
[15] Там же, стр. 16.
[16] Там же, стр. 18.

она получила право гражданства, а потому и приложение ее должно было расшириться, т. е. во многих случаях совпасть с функциями относ. местоимений» [17].

Ошибочность этого положения была доказана А. А. Потебней. Не небрежность славян в построении предложения, а определенная конструкция, выработанная в результате развития языков, причем, несомненно, «стройность есть и в паратактичности» [18].

А. А. Потебня приводит многочисленные примеры из восточнославянских языков образца: «прислалъ человека, Иваномъ зовутъ, N сказался села N крестьянинъ, Игнашкою зовутъ» — и приходит к выводу, что этот оборот вовсе не исключение, объясняемое небрежностью, и что нет оснований предполагать опущение относительного местоимения, или частицы *что*, или личного местоимения *его* [19].

Ученый справедливо замечает, что «в нижних слоях языка было и есть исконное течение, в течение веков не выступавшее наружу в церковнославянских и славянорусских переводных и подражательных памятниках, опять скрывающееся в новом книжном русском языке (как и в нововерхненемецком литературном, К о р ш, 50). При благоприятных условиях из этого течения мог бы быть внесен в литературный язык и закреплен в нем относительный оборот без относительного местоимения и союза» [20].

Таким образом, у А. А. Потебни получил другое толкование пример из белорусской песни, приведенный Ф. Е. Коршем в ряду примеров из других языков (не славянских), но в отличие от них, отнесенный к исключениям, объясняемым небрежностью: «Ёсь (=есть) у мене маладзец, Дамоюхны (=до дому) давядзець» [21]. По мнению А. А. Потебни, это обладающий стройностью оборот, характерный для исконного течения в нижних слоях восточнославянских языков.

А. А. Потебня называет предложения без относительных местоимений п а р а т а к т и ч н ы м и п р и д а т о ч н ы м и п р е д л о ж е н и я м и [22] и устанавливает три группы этих предложений, отмечая характерные признаки каждой из них. Такая характеристика не была дана Ф. И. Буслаевым, хотя приведенные им примеры могли быть распределены по определенным группам.

Признаком одной из групп является то, что «дополнение или подлежащее главного предложения указывает на подлежащее или дополнение придаточного паратактичного, в коем нет не только относительного, но и указательного местоимения» [23].

---

[17] Там же, стр. 49.
[18] А. А. П о т е б н я. Из записок. . , т. III, стр. 250.
[19] Там же, стр. 255.
[20] Там же.
[21] Ф. Е. К о р ш. Указ. соч., стр. 47—48.
[22] А. А. П о т е б н я. Из записок.., т. III, стр. 251.
[23] Там же, стр. 251—252.

Ко второй группе А. А. Потебней относятся предложения, в которых существительное главного предложения повторяется в придаточном (с указательным местоимением или без него, с соединительным союзом *и*, *а* при придаточном или без союза) [24].

К третьей группе причисляются предложения, в придаточном предложении которых не повторяется существительное главного предложения с указательным местоимением, а стоит местоимение (*и, онъ*).

Относительно этих предложений А. А. Потебня делает вывод: «Хотя такие обороты в славянских и других языках восходят в глубокую древность, но так как в них местоимение вполне заменяет существительное предыдущего предложения (что предполагает память о предшествующем акте мысли при совершении акта последующего, причем оба акта относительно тесно связаны), то эти обороты по характеру новее предыдущих, в коих в силу повторения существительного при местоимении связь последующего с предыдущим слабее, иначе — последующее более самостоятельно» [25].

Мы полностью присоединяемся к этому выводу А. А. Потебни, устанавливающему последовательность возникновения отдельных типов паратактичных определительных предложений.

Особое место занимают предложения, в которых придаточное паратактичное «относится не к имени (подлежащему, дополнению) главного, а к сказуемому (=дополнит.). Поэтому в придаточном предложении подлежащее должно быть налицо» [26]. А. А. Потебня приводит образец: «И увидѣлъ N, старецъ щепы гребетъ». Автор отмечает, что «образец этот от глубокой древности доходит в просторечии и до нашего времени, причем ныне, при развитии относительных частиц, он получает такой вид, как будто такая частица в нем опущена» [27].

Совершенно справедливое замечание.

В качестве первого примера на бессоюзное дополнительное предложение А. А. Потебня отмечает случай из Смоленской грамоты 1229 г., приведенный Ф. И. Буслаевым, но не получивший у него характеристики (см. выше).

Большой интерес представляет замечание А. А. Потебни об употреблении в бессоюзных предложениях форм времени в двух частях предложения. Это замечание вызвано постановкой в одной части формы прошедшего, а в другой — будущего простого в стихах былины, в частности в следующем тексте: *Пнет* ногой во двери железные, *Изломал* все пробои булатные.

По мнению А. А. Потебни, «большая самостоятельность предшествующих предложений с прошедшим совершенным соответ-

---

[24] При изложении взглядов А. А. Потебни сохраняем терминологию — главное предложение, придаточное предложение, несмотря на ее условность для бессоюзных предложений.

[25] А. А. Потебня. Из записок. . , т. III, стр. 258.

[26] Там же, стр. 259.

[27] Там же.

ствует большей медленности движения мысли, большему спокойствию изложения: живее сказать: „пнет ногой — изломал“, чем „пнул ногой — изломал“. Поэтому-то последние обороты более обыкновенны в книжном языке, чем первые» [28]. Об этом же примере несколько раньше: «Если б мы сказали: „пнет ногою“. . . „изломит“, тогда оба выраженные здесь действия не противополагались бы друг другу, а взятые вместе ожидали бы противоположения третьему, здесь не выраженному, действию» [29].

Таким образом, именно благодаря различию в употреблении времен показано отношение одного действия к другому и без постановки союза [30].

Рассматривая текст «*Скричат* калики зычным голосом, *Дрогнет* матушка сыра земля, С дерев вершины *попадали*», А. А. Потебня указывает на причинную зависимость, выраженную тоже без союза: «потому попадали, что вскричали; так сильно вскричали, что вершины попадали» [31].

Ценность исследования А. А. Потебни не только в обобщениях, имеющих теоретическое значение, но и в большом фактическом материале. Даны многочисленные примеры на все указанные типы как из древнейших памятников, так и из памятников XVI—XVII вв. (из этих памятников особенно много примеров, принадлежащих к первой группе), из народных говоров — русских, украинских, белорусских. Разработка А. А. Потебней вопросов исторического синтаксиса восточнославянских языков, в числе которых и «паратактичные придаточные предложения», оказала плодотворное влияние на дальнейшее сравнительно-историческое изучение славянских языков.

После появления исследования А. А. Потебни вопрос о бессоюзных сложных предложениях, сопоставляемых со сложноподчиненными предложениями, получил освещение во многих трудах по синтаксису восточнославянских языков. Однако специально бессоюзным предложениям работы, как правило, не посвящались, о них говорилось (очень кратко) в исследованиях по всем основным вопросам синтаксиса простого и сложного предложения или только сложного предложения, реже — в трудах, рассматривающих исключительно подчинение предложений.

Остановимся преимущественно на монографиях по историческому синтаксису восточнославянских языков, отметим и некоторые из статей по интересующей нас проблеме.

В первую очередь следует назвать изданные в 1912 г. в Варшаве «Очерки синтаксиса белорусского наречия», составившие третий выпуск второго тома («Язык белорусского племени»)

---

[28] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 112. — Соотносительному употреблению форм времени в русском и украинском языках посвящены стр. 108—116 названного труда.
[29] Там же, стр. 111.
[30] Там же, стр. 110—111.
[31] Там же, стр. 116.

замечательного труда акад. Е. Ф. Карского «Белорусы» [32]. Автор исходит из следующего положения: «Гипотезы, построенные теоретически, опирающиеся на незначительное количество фактов, часто случайных, со временем могут оказаться не имеющими под собой именно исторической почвы и, следовательно, лишенными цены, тогда как факты языка никогда не потеряют значения» [33]. Исключительная ценность «Очерков» в научной обоснованности выводов, сделанных блестящим знатоком белорусского языка, изучавшим в течение многих лет белорусские памятники письменности, живую речь белоруса, белорусский фольклор.

Ценный материал содержится по всем типам бессоюзных предложений, сопоставляемых со сложноподчиненными предложениями, хотя бессоюзным предложениям отведено и скромное место в книге, поскольку основное внимание уделено простому предложению.

Приведены примеры и из памятников старого западнорусского языка и из живых белорусских говоров, белорусского фольклора.

Отметим, что даны примеры на все три группы бессоюзных определительных предложений (см. выше об этих предложениях у А. А. Потебни), что в книге много показательных примеров на бессоюзные дополнительные предложения и особенно много на предложения вывода, следствия из сказанного ранее.

Из других работ Е. Ф. Карского по синтаксису назовем «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи», выдающегося памятника древнерусской письменности, имеющего точную дату написания (1377 г.) [34]. Дата написания очень важна для хронологии синтаксических явлений, однако, поскольку памятник сложный по составу, «теперь трудно решить, какие факты синтаксиса следует отнести к древнейшей эпохе, а какие к XIV в.» [35].

Из бессоюзных предложений, сопоставляемых со сложноподчиненными предложениями, уделено внимание предложениям причины и следствия. Характерно, что примеры преимущественно из прямой речи. Отметим, что эти примеры, как и другие на синтаксические явления в Лаврентьевской летописи, приведенные Е. Ф. Карским, были в дальнейшем широко использованы в вышедших пособиях по исторической грамматике русского языка.

---

[32] Второй том переиздан: Е. Ф. Карский. Язык белорусского народа, вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского языка. М., 1955; Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке; вып. 3. Очерки синтаксиса белорусского языка. М., 1956 (в дальнейшем ссылки делаются на это издание).

[33] Е. Ф. Карский. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 7 (предисловие автора ко второму выпуску).

[34] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи «Изв. по русском яз. и словесности АН СССР», т. II, кн. 1 (отдельный оттиск). Л., 1929.

[35] Там же, стр. 2.

В исследовании Е. С. Истриной «Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи» [36] главное внимание уделено простому предложению, но и те небольшие по объему параграфы, которые посвящены сложному предложению, тоже содержат интересные наблюдения. В частности, несомненно интересны замечания автора о конструкциях (временны́х), представляющих собой «переход между соединением предложений по способу подчинения и соединением их по способу сочинения» [37].

Из бессоюзных сложных предложений, сопоставляемых со сложноподчиненными предложениями, внимание исследователя остановили условные предложения с сочинительными союзами (отмечено, что соединение с помощью сочинительных союзов таких предложений, которые по значению своему находятся между собой в отношении подчинения, наблюдается в прямой речи) и случай с предложением без союза со значением причинности.

Выход в свет трудов Е. Ф. Карского и Е. С. Истриной способствовал появлению целого ряда работ по синтаксису отдельных памятников письменности, а также группы однородных памятников, а затем и исследований, в которых рассматривается та или иная синтаксическая конструкция на протяжении одного или нескольких столетий по памятникам различных жанров.

Большая монография напечатана Б. В. Лавровым — «Условные и уступительные предложения в древнерусском языке» (1941). Работа построена не только на материале памятников древнерусского языка XI—XV вв., при этом различных жанров, но также и произведений более позднего времени — с XVI в. до первой четверти XVIII в. включительно, широко привлекаются в ней и записи народного творчества.

Обзор конструкций с подчинительными союзами за такой большой период времени позволил автору проследить процесс замены одних союзов другими и постепенного, но еще не окончательного закрепления в литературном языке определенных союзов. Конструкции с подчинительными союзами — основная, главная часть книги, на что указывает и сам Б. В. Лавров: «В ходе работы, которая первоначально имела целью представить союзное подчинение, не сразу выяснилась невозможность обойти молчанием бессоюзное соединение. Поэтому материал по бессоюзному соединению представлен в работе с меньшей полнотой. Эта часть, особенно глава о соотносительных союзах, должна была бы служить предметом отдельной специальной работы» [38].

---

[36] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. «Изв. ОРЯС», т. XXIV, 1919; XXVI, 1921 (отд. оттиск — Пг., 1923).

[37] Там же, стр. 188.

[38] Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в русском языке. М.—Л. 1941, стр. 4.

И все же мы должны отметить, что бессоюзные условные предложения освещены с достаточной полнотой. Рассмотрены предложения без соединительных и без относительных союзов (примеры такого соединения в памятниках, как отмечает автор, очень редки) [39] и затем «три типа построения предложений, отошедших от первоначального строя „чистого" паратаксиса: 1) первое предложение (условие) имеет один из так называемых соединительных союзов, второе предложение (следствие) присоединено без помощи союза; 2) и первое и второе предложения имеют союзы: первое соединительный, второе — соотносительный; 3) только второе предложение имеет один из соединительных союзов (*и*, *а*, *да*) или один из соотносительных союзов (*ино*, *то*, *так*)» [40].

Бессоюзным уступительным предложениям отведена в книге только одна страница. Автор отмечает «почти полное отсутствие бессоюзного подчинения таких предложений. Могут быть приведены лишь немногие примеры такого подчинения, причем все они из фольклора или из говоров деревни» [41].

Работа Б. В. Лаврова показала продуктивность исследований, рассматривающих один круг вопросов на большом и разнообразном фактическом материале, не ограниченном узкими хронологическими рамками.

Из работ В. И. Борковского по историческому синтаксису русского языка, появлявшихся в печати с 1940 г., отметим второй том его монографии «Синтаксис древнерусских грамот»: «Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение» (М., 1958), где имеется глава, посвященная бессоюзным сложным предложениям [42].

Центральное место в этой главе занимают бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными предложениями с союзами и относительными словами. Примеры извлечены из 287 грамот, использованы данные русских народных говоров и фольклора. Исследованы все основные типы бессоюзных сложных предложений: обоснования, мотивировки, причины; пояснения; следствия, результата; цели; времени; условия; определительные [43].

Историческому синтаксису русского языка посвящен Т. П. Ломтевым большой труд — «Очерки по историческому син-

---

[39] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 12—13.

[40] Там же, стр. 14.

[41] Там же, стр. 116.

[42] Особая глава «Бессоюзное сложное предложение» дана в кн.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2, доп. М., 1965 (раздел «Синтаксис» написан В. И. Борковским).

[43] Дополнением к главе о бессоюзных сложных предложениях может служить статья: В. И. Борковский. Бессоюзные сложные предложения в берестяных грамотах. «Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Slavica Pragensia», IV. Praga, 1962.

таксису русского языка» (1956). Бессоюзному сложному предложению здесь уделено мало внимания, поскольку автора интересовали предложения с отчетливо выраженной грамматической связью между частями сложного предложения. Отдельные замечания о предложениях без добавочных грамматических средств выражения смысловых отношений находим в разделах, посвященных сложноподчиненным предложениям с придаточными цели, условия и уступления, с придаточными определительными (здесь ряд примеров, когда вторая часть предложения выступает «на положении придаточных определительных») [44].

Многочисленные статьи Э. И. Коротаевой по историческому синтаксису русского языка (преимущественно по союзному подчинению) составили в дальнейшем, при этом в более полном виде, основную часть ее книги, законченной еще в 1950 г., — «Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века».

Синтаксис чрезвычайно важного периода в истории русского языка (XVII в.) до работ Э. И. Коротаевой был мало изучен. Труд Э. И. Коротаевой, построенный на данных 100 памятников XVII в. различных жанров (учтены и многие более ранние памятники), русского фольклора и диалектов, восполнил таким образом существенный пробел в изучении синтаксиса русского языка.

В книге Э. И. Коротаевой имеются высказывания о бессоюзном подчинении при отношении второй части к первой как определяющей к определяемой (гл. II — «Роль соотносительных слов в развитии подчинительных конструкций»), а также при отношении первой части ко второй как обусловливающей к обусловленной (гл. V — «Условное и уступительное предложение»). Приведены многочисленные примеры из памятников XVII в. разных жанров.

В этих местах монографии получили известное отражение выводы Э. И. Коротаевой в статье «К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке» [45]. Помимо бессоюзных определительных и условных предложений, рассмотрены также дополнительные бессоюзные предложения и предложения, вторая часть которых содержит пояснение (тот тип этих предложений, в которых вторая часть раскрывает конкретное значение указательного местоимения в первой части).

Исследовав различные по своей структуре бессоюзные предложения, Э. И. Коротаева совершенно справедливо отмечает: «И не только союзные предложения приходят на смену старого бессоюзия, но и обратно — различные виды бессоюзных предложе-

---

[44] Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 549.

[45] Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.—Л., 1964; Она же. К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова. Серия филол. наук», 1949, № 97, вып. 14.

ний, как более тонкие и сложные синтаксические конструкции, вытесняют устаревшие формы союзных предложений» [46].

Значительное количество примеров с бессоюзными определительными предложениями из Жития протопопа Аввакума приведено в другой статье Э. И. Коротаевой: «Наблюдения над синтаксисом Григория Котошихина, протопопа Аввакума, Симеона Полоцкого» [47]. В отличие от более поздней своей работы (монографии 1964 г.) и ранних работ (названной выше статьи 1949 г. и статьи 1952 г. «Союзное подчинение в русском литературном языке второй половины XVII столетия») [48] примеры с бессоюзными определительными предложениями включены здесь в число так называемых вставных конструкций, интонационно обособленных, расчленяющих предложение в любом месте, но обычно на границе синтагмы.

Синтаксису украинских летописей XVII в. посвящен труд С. Ф. Бевзенко «Спостереження над синтаксисом українських літописів XVII ст.» [49]. Центральное место в данной работе, в основу которой положена Летопись Самовидца, занимает простое предложение. Тем не менее, хотя и кратко, рассмотрены все основные типы сложного предложения, поскольку «в деяких літописах, наприклад в літописі Самовидця, складне речення — це переважний, основний тип речення» [50]. Специально выделены «Складнопідрядні речення без сполучників». Им отведено около половины страницы. Отмечены предложения причины, следствия и времени [51]. Отметим вывод автора в результате наблюдений над союзными и бессоюзными предложениями: «Що стосується оформлення підрядних речень, то слід відзначити абсолютну перевагу сполучникових підрядних речень над безсполучниковими. Безсполучникові підрядні речення зустрічаються зовсім рідко» [52].

В книге М. А. Соколовой «Очерки по языку деловых памятников XVI в.» (1957) говорится преимущественно о синтаксических явлениях указанного периода. Поэтому мы называем этот труд в числе работ, посвященных специально синтаксису. Главное внимание уделено синтаксису памятника бытового характера — «Домостроя». М. А. Соколова уделила внимание и сложным пред-

---

[46] Э. И. Коротаева. К вопросу о развитии бессоюзного предложения, стр. 49.

[47] Э. И. Коротаева. Наблюдения над синтаксисом Григория Котошихина, протопопа Аввакума, Симеона Полоцкого. «Начальный этап формирования русского национального языка». Изд. Ленинградского ун-та, 1961, стр. 68—70 (о вставных конструкциях).

[48] «Вестник Ленинградского ун-та. Серия филол. наук», 1952, № 8, стр. 119—121.

[49] С. П. Бевзенко. Спостереження над синтаксисом українських літописів XVII ст. «Наукові записки Ужгородьского державного університету», 1954, т. IX.

[50] Там же, стр. 225.

[51] Там же, стр. 237—238.

[52] Там же, стр. 238.

ложениям, «языковые связи которых покоятся на бессоюзном сочетании, но логические отношения между компонентами находятся в более сложном и зависимом положении. Таким образом, имеются случаи неоформленного гипотаксиса» [53]. На двух страницах текста отмечены предложения, в которых выражены связи условно-временно́го характера и следствия, изъяснительные связи, а также предложения, в которых вторая часть содержит причину или объяснение того, о чем говорится в первой части.

Я. А. Спринчак, автор ряда работ по историческому синтаксису русского языка, опубликовал учебное пособие (в двух частях), в основу которого положен специальный курс исторического синтаксиса, прочитанный автором для студентов-филологов: «Очерк русского исторического синтаксиса (простое предложение)». Киев, 1960; «Очерк русского исторического синтаксиса (сложное предложение)». Киев, 1964.

В последней книге имеется § 11 — «Из истории бессоюзного сложноподчиненного предложения» (стр. 37—44), где приведены все основные типы бессоюзных предложений: дополнительные, причины, условные, временны́е, следствия, цели, определительные. Поскольку книга — учебное пособие, характеристика этих типов, сопровождаемая примерами из древнерусских и старорусских памятников, отличается своей лаконичностью. Особо остановился автор на бессоюзных предложениях с пояснительной связью, отметив мнение Л. А. Глинкиной о том, что следует выделить несколько разновидностей данных предложений в зависимости от степени абстрактно-указательного значения поясняемого слова [54].

Бессоюзным определительным предложениям уделено внимание и в § 12 — «История относительного подчинения в русском языке», где конструкции сложного предложения без относительных местоимений и наречий рассматриваются как первый этап в историческом развитии относительного предложения.

Большое внимание синтаксическим явлениям русского языка XIV—XVI вв. уделил А. Н. Стеценко как в своих статьях, так и в двух обобщающих трудах: «Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв.» (Томск, 1960); «Сложносочиненное предложение в древнерусском языке» (Томск, 1962). В обеих книгах выводы делаются на основе анализа примеров из важнейших памятников не только XIV—XVI вв., но и XVII в., причем особенное внимание уделено деловой письменности.

Первая часть книги «Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв.» посвящена бессоюзным сложным предложениям, выражающим логически зависимые отношения. Автор

[53] М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л., 1957, стр. 82.

[54] Л. А. Глинкина. К вопросу о бессоюзном сложном предложении в языке древнерусских памятников XVI—XVII вв. «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка». М., 1961, стр. 258.

66543

указывает на совпадение многих своих наблюдений над синтаксисом сложного предложения с нашими наблюдениями в исследовании «Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение» (работа А. Н. Стеценко над монографией была уже закончена, когда был опубликован названный труд) [55]. Очевидно, что в какой-то степени это указание распространяется и на бессоюзные сложные предложения, выражающие логически зависимые отношения. В книге А. Н. Стеценко исследованы все основные типы этих предложений.

В одном разделе рассматриваются автором бессоюзные сложные предложения, вторая часть которых поясняет первую часть, и те, в которых вторая часть дополняет первую. Автор считает, что эти последние тоже имеют пояснительное значение, являясь в то же время дополнением к сказуемому первой части, выраженному переходным глаголом. Отметим вывод А. Н. Стеценко, вполне обоснованный, что ему не удалось установить строгую закономерность в употреблении глагольных форм в их соотнесенности между частями бессоюзного сложного предложения [56].

Большой материал содержится в разделе о бессоюзных условных предложениях. Как и следовало ожидать, большинство примеров из памятников деловой письменности, поскольку именно в этих произведениях определялись правовые нормы и обязанности.

Обстоятельно рассмотрены и другие типы бессоюзных сложных предложений. Объем того или иного раздела обусловлен или степенью употребительности данного типа предложений, или наличием научных работ, его освещающих. Последним обстоятельством вызван лишь краткий обзор бессоюзных сложных предложений со значением определения в зависимой части (имеется ряд работ по этим предложениям).

Отметим один из основных выводов А. Н. Стеценко: «Бессоюзные сложные предложения по сравнению с союзными сложноподчиненными предложениями занимают в русском языке XIV—XVI вв. сравнительно скромное место» [57].

В 1968 г. вышла в свет работа В. Л. Георгиевой «История синтаксических явлений русского языка» (М., «Просвещение»). Как отмечает сам автор, этот труд не претендует на сколько-нибудь полный охват явлений исторического синтаксиса. Наиболее сжато изложен вопрос о бессоюзных сложных предложениях: им уделено около шести страниц.

К 1968 г. относятся и публикации Г. И. Устиновой. Г. И. Устинова вторую часть своей кандидатской диссертации «Бессоюзные сложные предложения в языке Лаврентьевского списка летописи (1377 г.)» посвятила описанию семантико-синтаксических типов

[55] А. Н. Стеценко. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв. Томск, 1960, стр. 6 (примечание).
[56] Там же, стр. 22.
[57] Там же, стр. 59.

бессоюзных сложных предложений, которые, по терминологии автора, выражают «подчинительные отношения» [58].

Заслуживает внимания замечание Г. И. Устиновой, что бессоюзные сложные предложения, выражающие подчинительные отношения, стоят на первом месте по сравнению с бессоюзными сложными предложениями, выражающими сочинительные отношения [59]. Подсчеты различных типов предложений с «зависимой частью» позволили автору сделать вывод, что наибольшим числом примеров представлены в данной летописи предложения «с зависимой причинно-следственной частью» [60] и «зависимой пояснительной частью» [61].

Значительным достижением белорусских языковедов явился выход в свет в Минске в 1957 г. учебного пособия «Нарысы па гісторыі беларускай мовы. Дапаможнік для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў». Эта книга написана коллективом авторов. Поскольку синтаксису отведено большое место, является необходимым специально на ней остановиться.

Авторы главы «Синтаксис» М. Г. Булахов, А. И. Журавский и Б. С. Лапов не только использовали материалы из работ других исследователей исторического синтаксиса восточнославянских языков, но и привели много подобранных ими самими примеров (из памятников старинной письменности, из произведений современных писателей и устного творчества). Несомненный интерес представляют выводы авторов о степени распространенности той или иной синтаксической конструкции в современном литературном белорусском языке, в диалектах белорусского языка.

Бессоюзным сложным предложениям, сопоставляемым со сложноподчиненными, отведено немного места. О них говорится в небольшом по объему § 279 — «Бяззлучнікавыя сказы» (отмечены предложения причины, следствия, пояснения, дополнительные). О судьбе бессоюзных предложений, сопоставляемых со слож-

[58] Г. И. Устинова. Бессоюзные сложные предложения в языке Лаврентьевского списка летописи (1377). Автореф. канд. дисс. Л., 1968; см. также: Она же. Бессоюзные сложноподчиненные предложения в языке Лаврентьевского списка летописи (1377 г.). «Программа и краткое содержание докладов к X научно-метод. конференции северо-западного зонального объединения кафедр русского яз. пед. ин-тов (22—27 января)», ч. II. Л., 1968, стр. 20—22; Она же. Бессоюзные сложные предложения, вторая часть которых раскрывает содержание первой, в языке Лаврентьевской летописи. «Юбилейная научно-метод. конференция северо-западного зонального объединения кафедр русского яз. Программа и краткое содержание докладов (27 января—1 февраля 1969 г.)». Л., 1968, стр. 190—192.

[59] Г. И. Устинова. Бессоюзные сложные предложения в языке Лаврентьевского списка летописи (1377 г.), стр. 6 и 11.

[60] Там же, стр. 13.

[61] Там же, стр. 15; см. также: Г. И. Устинова. Бессоюзные сложные предложения, вторая часть которых раскрывает содержание первой, в языке Лаврентьевской летописи, стр. 192. — Автор отмечает, что бессоюзные сложные предложения, вторая часть которых раскрывает содержание первой, «по сравнению со всеми другими типами бессоюзных сложноподчиненных предложений занимают первое место».

неподчиненными, кратко сказано в § 280 — «Кароткія выводы аб развіцці складана-злучаных сказаў».

В книге делается вывод, что «колькасць складана-залежных сказаў у працэсе гісторычнаго развіцця беларускай мовы значна павялічылася за лік пераафармлення адносін унутры бяззлучнікавых сказаў» [62].

Хорошее учебное пособие по историческому синтаксису украинского языка написал А. П. Беспалько: О. П. Безпалько. Нариси з історичного синтаксису української мови. Посібник для факультетів мови і літератури педагогічних інститутів. Київ, 1960. Сделанные выше замечания в осношении главы «Синтаксис» в учебном пособии по исторической грамматике белорусского языка с полным основанием могут быть отнесены и к этому полезному пособию.

Об интересующих нас сложных предложениях весьма кратко говорится в § 53 — «Складнопідрядне безсполучникове речення», кроме того, специально о бессоюзных определительных предложениях сказано в связи с соответствующими им сложноподчиненными предложениями в § 66 — «Підрядні означальні речення».

Ограниченное количество сведений, которые мы получаем из обеих названных выше книг о бессоюзных сложных предложениях, сопоставляемых со сложноподчиненными, объясняется тем, что к моменту выхода той или другой книги этот вопрос был недостаточно разработан в белорусском и украинском языкознании. Основное внимание уделялось простому предложению, а из сложного предложения исследователей интересовало преимущественно сложноподчиненное предложение, меньше — сложносочиненное и еще меньше — конструкции, в которых без помощи союзов и относительных слов выражались те же отношения, что и в сложноподчиненных предложениях.

В небольшой по объему, но интересной монографии У. Я. Едлинской «Питання історичного синтаксису української мови. На матеріалі листів Богдана Хмельницького» (Київ, 1961) освещены исключительно вопросы простого и сложноподчиненного предложения.

Нескольким типам бессоюзных сложных предложений, сопоставляемым со сложноподчиненными предложениями, посвящены работы Е. П. Васильевой и Л. А. Глинкиной. Е. П. Васильева остановила свое внимание на условных, дополнительных и определительных предложениях в памятниках XVII столетия. После опубликования автореферата кандидатской диссертации «Бессоюзное подчинение в литературном языке XVII столетия (условное, дополнительное, определительное предложение)» были напечатаны ее статьи: «Условное бессоюзное предложение в литературном языке XVII столетия [63]; «Дополнительное бессоюзное

[62] «Нарысы па гісторыі беларускай мовы». Мінск, 1957, стр. 400.

[63] Е. П. Васильева. Бессоюзное подчинение в литературном языке XVII столетия (автореф. канд. дисс.). Л., 1955: Она же. Условное бес-

предложение (на материале литературного языка XVII столетия) [64].

В помещенной в сборнике «Slavistické štúdie jazykovedné» (Bratislava, 1969) статье Е. П. Васильевой «Бессоюзное определительное предложение (на материале литературного языка 17 столетия)» рассматриваются, как и в автореферате кандидатской диссертации, почти исключительно предложения, которые другими историками русского языка относятся к пояснительным.

Построенная на ограниченном материале работа «Конструкции типа ἀπό, κοινοῦ в литературном языке 17 столетия» («Československa rusistika. Časopis pro jazyky a literatury slovanských národů SSSR», roč. V, číslo 1. Únor, 1960) повторяет положения, высказанные в автореферате: данные конструкции широко употребительны в исследованном материале, преимущественно в памятниках, близких к живому народному языку, в народном языке XVII столетия.

Л. А. Глинкина исследовала три типа бессоюзных предложений (есть замечания и о других типах, но им уделено значительно меньше внимания): бессоюзные предложения, выражающие причинно-следственные, целевые и пояснительные отношения. Наиболее полно изучены первые и последние из названных выше предложений. Выводы Л. А. Глинкиной, сделанные на основе анализа памятников XVI—XVII вв., опубликованы в ее работах: «К вопросу о бессоюзном сложном предложении в языке древнерусских памятников XVI—XVII вв.»; «О бессоюзных сложных предложениях в древнерусском языке XVI—XVII веков» [65]; «К вопросу о бессоюзном сложном предложении в языке древнерусских памятников XVI—XVII веков (бессоюзные предложения с пояснительной связью частей)» [66]; «Бессоюзные сложные предложения, выражающие причинно-следственные отношения в древнерусском языке XVI—XVII вв.» [67]

союзное предложение в литературном языке XVII столетия. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова. Серия филол. наук», 1959, № 277, вып. 55. Исследования по грамматике русского языка, II.

[64] Е. П. Васильева. Дополнительное бессоюзное предложение на материале литературного языка XVII столетия. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова. Серия филол. наук», 1962, № 302, вып. 61. Исследования по грамматике русского языка, III.

[65] Л. А. Глинкина. К вопросу о бессоюзном сложном предложении в языке древнерусских памятников XVI—XVII вв. (автореф. канд. дисс.). М., 1962; Она же. О бессоюзных сложных предложениях в древнерусском языке XVI—XVII веков. «Вопросы истории и диалектологии русского яз. Труды 2-й зональной конференции кафедр русского яз. пед. ин-тов Урала». Магнитогорск, 1961.

[66] Л. А. Глинкина. К вопросу о бессоюзном сложном предложении в языке древнерусских памятников XVI—XVII веков (бессоюзные предложения с пояснительной связью частей). «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка». М., 1961.

[67] Л. А. Глинкина. Бессоюзные сложные предложения, выражающие причинно-следственные отношения в древнерусском языке XVI—XVII вв. «Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка», 1963, т. XXII, вып. 5.

Как видим, работы одного автора дополняют исследования другого автора, но у первого — памятники только XVII в., а у второго — XVI—XVII вв.

Остановимся на некоторых выводах Е. П. Васильевой относительно условных и дополнительных предложений. Учитывая, что условные отношения при бессоюзии оформлены несколько иначе, чем в союзных условных предложениях, автор выясняет в своих работах (в автореферате и в статье об условных бессоюзных предложениях), каково соотношение форм глагола-сказуемого в обусловливающей и обусловленной части. Е. П. Васильева отмечает соотношение форм сослагательного наклонения, повелительного наклонения, инфинитива, изъявительного наклонения, устанавливает, соотношение каких форм наиболее характерно для бессоюзия, определяет, когда условие особенно четко выражено.

При рассмотрении дополнительных бессоюзных предложений автор исходит из того бесспорного положения, что в этих предложениях каждая из частей является неполной без другой и неполнота выявляется благодаря наличию переходного глагола, при котором нет прямого дополнения. Е. П. Васильева специально останавливается на выражении сказуемого первой части предложения; что касается соотношения форм наклонения и времени, то автор отмечает лишь «некоторые закономерности» в их употреблении, поскольку соотнесенность «отсутствует в строгом смысле слова» [68].

Сходные с Е. П. Васильевой задачи поставила перед собой и Л. А. Глинкина. Главная цель ее работ — «показать ранообразие структурных типов бессоюзных сложных предложений на древнерусском языковом материале XVI—XVII вв., указав при этом на значение различных морфологических, лексических и чисто синтаксических средств связи частей бессоюзного сложного целого» [69].

При анализе бессоюзных сложных предложений с пояснительной связью Л. А. Глинкина учитывает степень абстрактности поясняемого слова, а также то, какой частью речи является поясняемое слово, принимает во внимание и лексическое значение глагола первой части. Она считает необходимым детально проанализировать бессоюзные предложения со значением пояснения имени существительного и потому намечает наиболее употребительные семантические группы поясняемых имен существительных. Вполне понятно, почему такое большое место в работах Л. А. Глинкиной заняло поясняемое слово, его лексическое и грамматическое значение: «. . . в рассмотренных пояснительных предложениях основную роль в связи частей играет отдельное слово, выделенное из структуры первой части. Иначе говоря, основным

[68] Е. П. Васильева. Дополнительное бессоюзное предложение (на материале литературного языка XVII столетия), стр. 98.

[69] Л. А. Глинкина. О бессоюзных сложных предложениях в древнерусском языке XVI—XVII веков, стр. 14.

показателем связи является лексическое значение стержневого слова» [70].

Классификацию бессоюзных сложных предложений, выражающих причинно-следственные отношения, Л. А. Глинкина намечает «в зависимости от грамматического выражения модальности первой части в языке памятников XVI—XVII вв.» и устанавливает шесть структурных типов: с модально-предикативным словом в первой части (с инфинитивом или без него), с независимым инфинитивом, с повелительным наклонением глагола, с глаголом изъявительного наклонения, с составным именным сказуемым, с вопросительной структурой в первой части [71]. Такая классификация позволила автору определить различные оттенки причинности в зависимости от выражения модальности в первой части.

В то же время Л. А. Глинкина полагает, что можно дать и более широкую группировку исследованного материала, а именно — разделить все разновидности причинно-следственных предложений на две группы: а) с отрицательной и б) с положительной структурой [72].

Благодаря трудам Е. П. Васильевой и Л. А. Глинкиной значительно пополнились наши сведения о бессоюзных сложных предложениях (в XVII в. или шире — в XVI—XVII вв.).

Как было сказано выше, большое внимание уделено русистами бессоюзным определительным предложениям, которые рассматриваются в связи со сложноподчиненными определительными предложениями.

Относительному подчинению (союзному и бессоюзному) посвятили работы Н. А. Широкова [73], А. И. Сумкина [74], Г. А. Качевская [75],

[70] Л. А. Глинкина. К вопросу о бессоюзном сложном предложении в языке древнерусских памятников XVI—XVII веков (бессоюзные предложения с пояснительной связью частей), стр. 257.

[71] Л. А. Глинкина. Бессоюзные сложные предложения, выражающие причинно-следственные отношения в древнерусском языке XVI—XVII вв., стр. 405.

[72] Там же, стр. 410.

[73] Н. А. Широкова. Относительное подчинение в русском литературном языке XVII века. «Уч. зап. Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина», 1952, т. 112, кн. 6. Сб. работ кафедры русского языка.

[74] А. И. Сумкина. К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. (автореф. канд. дисс.). М., 1952; Она же. К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1954, т. V.

[75] Г. А. Качевская. К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным (по данным памятников русской письменности XVI в.). «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1954, т. V; Она же. Из истории сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XVI века (автореф. канд. дисс.). Л., 1952; Она же. Наблюдения над архаическими конструкциями сложного предложения в памятниках русского языка XVI века». «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова. Серия филол. наук», 1957, № 197, вып. 23. Очерки и исследования по истории яыка; см. также: Она же. Старое и новое в синтаксических конструкциях XVI века (по материалам Стоглава и Судебника Ивана Грозного 1550 года.) «Начальный этап формирования русского нац. языка». Изд. Ленинградского ун-та, 1961.

Е. С. Хмелевская [76]. Более позднему периоду посвящена кандидатская диссертация М. Н. Вьюковой [77].

Статья Н. А. Широковой «Относительное подчинение в русском литературном языке XVII века» представляет собой сжатое изложение глав диссертации, законченной в 1947 г. Использованы произведения различных жанров, но основным источником послужили памятники делового языка, отражающие язык московских приказов. Проанализированы различные типы «паратактических придаточных» предложений, исследованных А. А. Потебней, отмечена степень самостоятельности зависимой части предложения: наименьшая степень в предложениях, где во второй части не содержится ни повторяемого имени, ни заменяющего его местоимения (определяемое существительное выступает в роли общего члена для обеих частей предложения), бóльшая степень — с местоимением во второй части и самая большая при повторении существительного, сопровождаемого указательным местоимением. Отметим один из выводов автора о связи паратактических и сложноподчиненных предложений: «Привлеченный нами материал, сопоставленный с литературными данными, приводит нас к заключению, что непосредственной связи между этими двумя типами синтаксического построения установить не удается. Паратактические обороты оказали некоторое влияние на формирование относительного предложения, но это влияние было, так сказать, вторичным» [78].

А. И. Сумкина привлекла в своих работах не только данные памятников XIII—XVII вв., но и современный диалектный материал. Автор разграничивает предложения, где связь между частями выражена путем их сопоставления (эти предложения делятся на безглагольные конструкции и глагольные конструкции)[79], и предложения, где связь между частями выражена путем повторения имени в «зависимой» части или заменой его указательным местоимением. А. И. Сумкина отмечает, что распространение конструкций без союзных слов сравнительно невелико в исследованных ею памятниках, подавляющее большинство их в языке тех деловых документов, где «непосред-

---

[76] Е. С. Хмелевская. Синтаксис сложноподчиненного предложения грамот Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. (относительные и условные конструкции). Автореф. канд. дисс. Минск, 1955; Она же. Конструкции с относительным подчинением предложений в грамотах Северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. «З даследаванняў па беларускай і рускай мовах». Дзяржаўнае вучэбна-педагагічнае выдавецтва Міністэрства асветы БССР». Мінск, 1961.

[77] М. Н. Вьюкова. Относительные предложения в русском литературном языке XVIII века (автореф. канд. дисс.). Томск, 1958.

[78] Н. А. Широкова. Указ. соч., стр. 71.

[79] Здесь в числе глагольных конструкций приведены и примеры, сходные по своей структуре с теми, которые Н. А. Широкова рассматривает как «обороты, построенные по принципу соположения двух предложений, при отсутствии показателей связи между ними» (указ. соч., стр. 68).

ственно отражалась устная народная речь» [80]. В отношении бессоюзных конструкций автор делает весьма осторожный вывод, что «не все исследуемые конструкции можно назвать относительными в полном смысле слова. Однако можно говорить об элементе относительной связи, который имеет место во всех рассмотренных предложениях в большей или меньшей степени» [81].

Г. А. Качевская относит паратактичные относительные предложения к архаическим конструкциям. По ее мнению, эти предложения и другие архаические сложные предложения свидетельствуют о том, что процесс формирования сложноподчиненного предложения не был закончен еще и во второй половине XVII в.[82] Г. А. Качевская считает архаические сложные предложения «остатками языка более раннего этапа развития» [83]. Как отмечает автор, паратактичные относительные предложения встречаются преимущественно в памятниках с меньшей сложностью логических отношений — в паломнической литературе [84].

Как видим, не учитывается то обстоятельство, что в паломнической литературе широко представлено описание, для чего могли быть использованы паратактичные относительные предложения. Эти предложения не вышли окончательно из употребления еще и в XVIII в., хотя их место прочно заняли гипотактичные относительные предложения [85].

Е. С. Хмелевская исследовала паратактичные относительные предложения в 660 различных по своему содержанию актах, значительная часть которых частные акты. Это позволило ей с полным основанием опровергнуть мнение Г. А. Качевской [86], что грамотам совершенно неизвестны паратактичные относительные предложения [87]. В то же время Е. С. Хмелевская отмечает, что «нормой литературного языка жанра деловой переписки периода XIV—начала XVI в., как свидетельствуют материалы исследуемых грамот, являются относительные конструкции, в которых связь между частями осуществляется при помощи относительных местоимений *кто*, *что*, *который*, *кой*» [88].

---

[80] А. И. Сумкина. К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. (статья), стр. 142 (см. также сходный вывод на стр. 152—153).
[81] Там же, стр. 152.
[82] Г. А. Качевская. Наблюдения над архаическими конструкциями сложного предложения в памятниках русского языка XVII века, стр. 3.
[83] Там же, стр. 3.
[84] Там же, стр. 14.
[85] М. Н. Вьюкова. Указ. соч., стр. 4—6.
[86] Г. А. Качевская. К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным (по данным памятников русской письменности XVI в.), стр. 208.
[87] Е. С. Хмелевская. Конструкции с относительным подчинением предложений в грамотах Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., стр. 145—146.
[88] Там же, стр. 148.

Паратактичным относительным конструкциям уделено внимание и в следующих статьях, в которых использован материал восточнославянских памятников: І. Г. Чередниченко. До історії розвитку конструкцій з відносно-узгоджуваним підпорядкуванням підрядних присубстантивних у східнослов'янських мовах. «Славістичний збірник». Видавництво АН УРСР. Київ, 1963; Я. О. Спринчак. До порівняльно-історичного вивчення структурних типів означальних підрядних речень у східнослов'янських мовах (Там же).

Задача обеих статей — показать процесс формирования в восточнославянских языках придаточных определительных предложений.

Интерес к паратактичным конструкциям не угасает и в последние годы. Об этом, в частности, свидетельствует вышедшая недавно книга В. И. Троицкого «Относительное подчинение в языке русской письменности XVI—XVII веков», в которой уделено значительное внимание бессоюзным определительным предложениям. Автор, вслед за А. А. Потебней, справедливо утверждает, что паратактичные придаточные не превращались в придаточные гипотактичные, а просто заменялись, вытеснялись ими из языка и только в этом смысле могут быть названы их предшественниками [89]. На многочисленных примерах из памятников различных жанров В. И. Троицкий устанавливает критерии, позволяющие отнести то или иное предложение без относительного слова к сложным предложениям с определительными отношениями между его частями: «Определительные отношения между частями сложного предложения создаются в случаях, когда вторая часть следует непосредственно за именем существительным, названным в первой части (или за поясняющими его словами), а действие, обозначаемое перфектом или формой настоящего времени глагола в сказуемом второй части, служит по смыслу средством характеристики предмета или лица, о котором говорится в первой части» [90].

Как известное обобщение большинства примеров этот вывод, сходный с мнением ряда синтаксистов, не вызывает возражений. Следует, однако, отметить, что в памятниках наблюдаются примеры с относительными отношениями частей бессоюзного сложного предложения, в которых вторая часть следует не непосредственно за определяемым существительным или поясняющими его словами.

Свой вывод В. И. Троицкий не распространяет на примеры из кировских говоров (примеры многочисленны): «Определительное значение присоединяемой части в примерах из кировских говоров не зависит от положения ее по отношению к общему члену: присоединяемая часть бывает отделена от общего члена сказуемым и другими членами первой части, не зависит определительное

---

[89] В. И. Троицкий. Относительное подчинение в языке русской письменности XVI—XVII веков. Изд. Казанского ун-та, 1968, стр. 34.

[90] Там же, стр. 62.

значение присоединяемой части и от того, какие слова начинают ее» [91].

Отметим, что В. И. Троицкому принадлежит и статья «Бессоюзное сложное предложение в „Розыскных делах о Федоре Шакловитом и его сообщниках“» [92], опубликованная значительно раньше названного выше исследования — в 1957 г. Здесь рассмотрены все виды бессоюзных предложений, причем сделана попытка разграничить формы, свойственные деловой письменности, и формы, характеризующие лишь разговорный язык. Заслуживает внимания замечание автора, что «бессоюзные конструкции попадаются в „Розыскных делах“ (относятся преимущественно к 1689—1694 гг.) лишь эпизодически, на фоне общей союзной связи предложений» [93].

Мы остановились выше исключительно на работах по восточнославянским языкам. Несомненный интерес представляет статья А. Г. Руднева, посвященная бессоюзным предложениям в старославянском памятнике — в Супрасльской рукописи: «Проблема бессоюзных предложений в историческом аспекте (постановка вопроса)» [94]. Памятник относится к XI в., тем не менее и в нем параллельно со сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями представлены бессоюзные сложные предложения, среди которых имеются предложения «с богатым разнообразием придаточных предложений» [95].

Рассмотренные нами исследования дают в целом достаточно полную картину употребления бессоюзных предложений, сопоставляемых со сложноподчиненными в восточнославянских языках. Однако большинство трудов посвящено русскому языку, при этом, как правило, в них не привлекается материал украинского и белорусского языков.

Наша задача — дать сравнительно-историческое исследование бессоюзных сложных предложений, сопоставляемых со сложноподчиненными, во всех восточнославянских языках. Мы устанавливаем, на основе своих работ и работ других ученых, что́ перешло в старорусский, староукраинский и старобелорусский языки из предшествующего состояния, т. е. из древнерусского языка, выясняем, что́ является новым (или видоизменением унаследованного) в этих языках, отделяя факты множественные, бесспорные от фактов единичных, случайных, и присуще ли это новое и в какой степени всем восточнославянским языкам или отдельным из них.

---

[91] Там же, стр. 45.

[92] В. И. Троицкий. Бессоюзное сложное предложение в «Розыскных делах о Федоре Шакловитом и его сообщниках». — «Уч. зап. Кировского гос. ун-та им. В. И. Ленина», 1957, вып. 11 (факультет историко-филол.).

[93] Там же, стр. 128.

[94] А. Г. Руднев. Проблема бессоюзных предложений в историческом аспекте (постановка вопроса). «Уч. зап. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1965, т. 268. Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка.

[95] Там же, стр. 128.

Нами учитывается одно чрезвычайно важное обстоятельство: благодаря историческим связям трех братских народов — русского, украинского и белорусского — близкородственные языки этих народов находились во взаимодействии, влияли один на другой, причем влияние сказалось и в синтаксической системе каждого из восточнославянских языков.

Исследование построено, как нами отмечено выше, на материале памятников XV—XVII вв., использованы, где это представилось возможным, данные восточнославянских диалектов, разговорной речи, поскольку «можно сказать, что все изменения языка, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накопляются в кузнице разговорной речи. . . никакие отступления от нормы не страшны в разговорной речи; их в буквальном смысле никто не замечает — ни говорящий, ни слушающий. В монологической речи они немыслимы»[96].

---

[96] Л. В. Щ е р б а. Избр. работы по русскому языку. М., 1967, стр. 116. — Статья «Современный русский литературный язык» была впервые напечатана в журнале «Русский язык в школе» (1939, № 4).

ТИПЫ БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, СОПОСТАВЛЯЕМЫХ СО СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ С СОЮЗАМИ И ОТНОСИТЕЛЬНЫМИ СЛОВАМИ

Вводные замечания

В восточнославянских памятниках бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными, встречаются, за исключением отдельных их типов, реже, чем предложения, части которых соединены с помощью союзов и союзных слов.

Этот бесспорный факт подтверждается в отношении древнерусских памятников и подсчетами, которые сделаны В. З. Санниковым [1]. Если перевести цифры, приведенные автором[2], в проценты, то окажется, что бессоюзные конструкции составляют по отношению к общему числу бессоюзных, союзных предложений и конструкций с относительными словами 10,7%.

Следует в то же время подчеркнуть, что и в древнерусских и в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках бессоюзные сложные предложения разнообразны по смысловым связям между частями предложения.

Несомненно, что в устной речи, где большую роль играет интонация, рассматриваемые нами бессоюзные сложные предложения уже в древнейшую пору были весьма распространены, значительно шире, чем в письменной речи [3]. Об этом, в частности, свидетельствуют берестяные грамоты, где встретились все типы этих бессоюзных сложных предложений, характерные для синтаксиса современных восточнославянских языков (некоторые из них — лишь для синтаксиса диалектов) [4].

Степень употребительности того или иного типа зависела в значительной степени от жанра памятника [5]. Так, условные

---

[1] В. З. Санников. Об употребительности коррелятов, подчинительных союзов и союзных слов в древнерусских памятниках XI—XIV вв. «Филол. науки», 1969, № 1, стр. 76 и 77.

[2] Учитываем данные на стр. 77 (они не вполне совпадают с цифрами на стр. 76).

[3] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 55.

[4] В. И. Борковский. Бессоюзное сложное предложение в берестяных грамотах. «Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Slavica Pragensia», IV. Praga, 1962, стр. 275—280.

[5] Поэтому сопоставление цифр, говорящих о распространении различных типов сложноподчиненных предложений и соответствующих бессоюзных предложений в старорусских, старобелорусских и староукраинских па-

бессоюзные предложения занимают видное место в древнерусской деловой письменности, в некоторых памятниках более поздней письменности, как увидим ниже, они даже преобладают над сложноподчиненными предложениями с союзом условия.

В письменной речи, где отсутствует такой важный признак смысловой зависимости одной части предложения от другой, как интонация, в бессоюзных сложных предложениях, сопоставляемых со сложноподчиненными, важную роль играет порядок размещения частей предложения, а в ряде случаев — и порядок главных членов «подчиненного» предложения. Смысловая зависимость одной части бессоюзного предложения от другой, как правило, обнаруживается в письменной речи довольно ясно, хотя и не так четко, как в устной. В отношении «подчиненного» предложения не возникает сомнений, что «данное предложение образуется не само для себя, но для другого предложения, с которым оно сочетается» [6].

Нам приходилось отмечать, что придаточные предложения причины встретились нам в древнерусских грамотах в значительно меньшем числе, чем бессоюзные сложные предложения, во второй части которых говорится о причине действия, явления, названного в первой части [7].

Если бы смысловая зависимость в бессоюзных предложениях причины была недостаточно ясной, эти предложения не получили бы широкого распространения в деловых документах.

Возможно, такое господство этих бессоюзных предложений объясняется в известной степени и тем, что не все причинные союзы имели четкое причинное значение, поскольку они употреблялись не только в придаточных предложениях причины, что в составе союзов придаточного предложения причины происходили большие изменения.

Мы полагаем, что нет необходимости искать генетическую связь между бессоюзными сложными предложениями и теми сложноподчиненными, с которыми они могут быть сопоставлены. И те и другие проходили свой определенный путь развития (от соединения простых предложений), в то же время сходный во многих своих чертах, в частности благодаря тому, что смысловые отношения в бессоюзных предложениях, сопоставляемых со сложноподчиненными, и в соответствующих сложноподчиненных совпадают. Вот почему отличие бессоюзных предложений от сложноподчинен-

---

мятниках, с цифрами по древнерусским памятникам, не представляется правомерным, если учитывается только количественная сторона (объем памятников, общее число предложений) и не принимается во внимание жанр памятников. Как известно, в более позднее время распространяются жанры, не характерные для раннего периода, возникают новые жанры, использование бессоюзных предложений становится осознанным приемом стиля.

[6] Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языкознание. Общий курс. — Избр. труды, т. I. М., 1956, стр. 188.

[7] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение, стр. 160.

ных главным образом в отсутствии в них подчинительных союзов и в твердом порядке главной и зависимой частей. Впрочем, в говорах (см. ниже) находим и нарушения такого порядка (например, во временны́х предложениях). Видо-временно́е соотношение форм сказуемого в бессоюзных предложениях в большинстве то же, что и в соответствующих сложноподчиненных предложениях.

Решая вопрос о том, куда отнести в спорных случаях (из-за возможности различного понимания смысловых отношений) то или иное бессоюзное сложное предложение (к условным, временны́м и т. д.), исследователь синтаксиса древнерусского, старорусского, староукраинского и старобелорусского языков сталкивается со многими трудностями.

Метод постановки союза между частями бессоюзного сложного предложения — лишь вспомогательный прием, полезный, казалось бы, в спорных случаях. Однако именно в спорных случаях бывает допустима постановка различных союзов (например, условных и временны́х). Видо-временны́е соотношения глагольных форм сказуемых тоже не всегда помогают выяснению смысловых отношений между частями бессоюзного сложного предложения, ибо одни и те же видо-временны́е соотношения могут быть в различных бессоюзных предложениях.

Случаи, когда определенные видо-временны́е соотношения характерны только для данного типа бессоюзных предложений, немногочисленны. Их больше в современных восточнославянских языках, чем в памятниках прошлого этих языков. Имеем в виду такие, например, предложения, как условные предложения с условной или повелительной формой глагола в обусловливающей части и условным наклонением в обусловленной части (*Пришел бы он* немного раньше, все *было бы* по-другому; Щепотки волосков Лиса *не пожалей — Остался б* хвост у ней. — И. А. Крылов. Лиса), с инфинитивом в обеих частях (Волков *бояться* — в лес *не ходить*).

При исследовании памятников приходится поэтому принимать во внимание и частоту употребления тех или иных форм сказуемого в отдельных типах предложений в данном жанре произведений. Так, в условных предложениях (как союзных, так и бессоюзных), встретившихся в договорных грамотах, сказуемое обусловливающей части обычно выражено глаголом в будущем времени, обусловленной части — инфинитивом [8]. Эта частота позволяет предполагать, что в сходных примерах — условное предложение.

Выясняя смысловые отношения между частями бессоюзного сложного предложения, исследователь неизбежно учитывает весь контекст, в который включено встретившееся в нем бессоюзное предложение, стремясь к тому, чтобы намечаемое толкование бессоюзного сложного предложения не находилось в противоречии с предшествующим и последующим текстом.

[8] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение, стр. 70.

Поскольку бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными, представляют в пословицах законченную давно сложившуюся конструкцию, наполненную определенным конкретным содержанием [9], они не имеют этого предшествующего и последующего текста. Вот почему при толковании бессоюзных предложений в пословицах возникают наибольшие трудности, в первую очередь при решении вопроса, является данное предложение условным или временны́м.

В памятниках деловой письменности, где широко распространены стереотипные формулировки, например в частной переписке XVII в., в одной и той же формулировке можем встретить то бессоюзное сложное предложение, то союзное сложное предложение того же значения. В этом случае не может быть колебаний в определении смысловых отношений между частями бессоюзного сложного предложения.

Учитывая всю сложность решения вопроса о смысловых отношениях между частями бессоюзного сложного предложения, мы в дальнейшем приводим преимущественно те примеры, которые не допускают различного толкования.

Следует подчеркнуть, однако, что большинство бессоюзных сложных предложений, сопоставляемых со сложноподчиненными, в старорусских, староукраинских и старобелорусских памятниках отличаются четкостью своего построения, ясностью смысловых отношений. В ряде произведений, например в сочинениях протопопа Аввакума, они служат художественным средством воздействия на читателя, элементом стиля, который воспринимается и людьми нашего поколения как стиль утонченный.

К бессоюзным предложениям в этих произведениях вполне относятся следующие слова Л. А. Булаховского о легкости и изяществе стиля: «Отсутствие или бедность союзов и союзных слов может быть в языке или признаком примитивности структуры, или же, на фоне развитой системы союзов, когда употребление их сокращается сознательно и заменяется другими средствами, в особенности культивируемыми приемами тонирования, — чертой стиля утонченного, обработанного в сторону разговорной легкости и изящества» [10].

---

[9] Этим обстоятельством объясняется тот факт, что в дальнейшем бессоюзная конструкция не была вытеснена в пословицах конструкцией с союзом. Интерес представляет вывод Л. П. Даниленко: «Подчинительные союзы, оформляющие предложения, в языке пословиц употребляются сравнительно редко: в сб. „Пословицы русского народа“ В. И. Даля (М., 1862) сложноподчиненные предложения составляют приблизительно десятую часть всех сложных конструкций» (Л. П. Даниленко. Особенности употребления союзов в языке пословиц. «Юбилейная научно-метод. конференция северо-западного зонального объединения кафедр русского яз. Программа и краткое содержание докладов 27 января—1 февраля 1969 г.». Л., 1968, стр. 207).

[10] Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века, т. II. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Киев, 1948, стр. 271.

Бессоюзные сложные предложения со значением причины или пояснения во второй части

Рассмотрим употребление бессоюзных сложных предложений, в которых вторая часть указывает на о б о с н о в а н и е, м о т и в и р о в к у, п р и ч и н у того, о чем говорится в первой части, а также тех, в которых вторая часть п о я с н я е т, р а с к р ы в а е т содержание первой части. Отметим, что вторая группа преобладает над первой и в древнерусских памятниках и в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках XV—XVII вв. И те и другие предложения стали достоянием и современного русского, белорусского и украинского языков, как литературных, так и диалектов.

Бессоюзные сложные предложения, в которых вторая часть указывает на обоснование, мотивировку, причину того, о чем говорится в первой части, находим в старорусских произведениях самых различных жанров. Можно в то же время сделать вывод о склонности того или иного автора к употреблению этих предложений. В первую очередь это относится к протопопу Аввакуму. Разговорники XVII в., в которых бессоюзные сложные предложения причины представлены многими примерами, говорят в пользу мнения, что в живой речи этого времени данные предложения были весьма распространены.

Приведем примеры из памятников различных жанров (примеры из сочинений протопопа Аввакума даем особо ниже): да пришли сороцицю. *сороцицѣ* забыле (Берест. гр. рубежа XIV—XV вв., Арц., № 43) [1]; Што ѥси ѡдода деревенеку климицу ѡпарину а мы ѥго не хътимо *не сусѣднеи* человѣко волено бъ деіты (Новг. берест. гр. рубежа XIV—XV вв. Арц. и Борк. № 311) [2]; а нынеце ѥсмѣ гне погибли *верешь* поздблд сѣкти гне нечего (Новг. берест. гр. рубежа XIV—XV вв. Арц., № 361); а в тѫ поскотискотинѫ (вместо *поскотинѫ*. — *В. Б.*) скота не пѫщали *поскотина* оу нихъ своѧ и тѧгло у нихъ свое с кнѧжьостровци (Двинская гр. XV в. Шахм. Исслед. № 81); А послу Псковскому, и Княжь Местерову, и Арцибискупову, отъ подворья найму не платити, *то* отложихомъ на обе стороны (Моск. гр. 1531 г. РЛА № 17); а ходять на гору день по единому человѣку, *дорога* тѣсна, поити нелзя (Хож. Аф. Ник., л. 373) [3]; азъ же отъ многыя беды поидохъ до Индѣи, занже

---

[1] Первое слово второй части каждого из примеров выделяем курсивом.

[2] Бессоюзным сложным предложением является главное предложение сложноподчиненного предложения.

[3] После предложения причины *дорога тѣсна* идет предложение следствия, результата: *поити нелзя*.

ми на Русь поити нѣ с чемъ, *не осталося* товару ничево (Там же, л. 383 об.—384); Господи боже мой! На тя уповахъ, спаси мя господи! Пути не знаю, иже камо пойду изъ Гундустана: *на Гурмызъ* поити, а отъ Гурмыза на Хоросанъ пути нѣт, ни на Чеготай пути нѣтъ, ни на Катаболряимъ пути нѣту, ни на Ездъ пути нѣту (Там же, л. 386 об.); И не оклеветаите другъ друга, братіе: *оклеветая* или осуждая брата своего, оклеветаетъ законъ и осуждаетъ законъ (Письма Ив. IV, л. 136); И да не мни мене молчаща ти о семъ: *до скончанія* моего буду непрестанно вопіяти со слезами на тя пребезначальнои Троицѣ, въ неяже вѣрую (Письма Курб., с. 5); а вины своеи явные предъ вами не вѣмъ: *ималъ былъ есми* денги у васъ и язъ и заплатилъ, а нынѣча не хотѣлъ же долженъ быти вашему преподобію (Там же, с. 405); что царьская щедрость до воинниковъ, то его і мудрость; *щедрая* рука николи же не оскудѣет і славу себѣ велику собираетъ (Пересветов, с. 65); А службы твои государевы всякіе служу, с Москвы на службу, а с службы к Москвѣ, а в помѣстье, в' твоем, государь, жалованіи, не дадут пожити ни часу недрузи: *нас*, государь, приѣзжихъ людей, не любят (Там же, с. 80); і блгїи чл҃колюбецъ бг҃ъ не терпѧ въ чл҃цѣхъ такиҳ ѕлыхъ нравовъ и ѡбычаевъ, и всѧкїихъ неподобныҳ дѣлъ, ѩкоже чадолюбивыи ѡтецъ скорбьми спасаетъ, и ко спасенїю приводиҭ, показ8ѧ и наказ8етъ за премногїѧ грѣхи наша смерти же скорыѧ не предастъ, *не хоще* смрҭи грѣшничи, но ѡжидаеҭ покаанїѧ еже ѡбратитисѧ и жив8 быти ем8 (Домострой, с. 22); а коли дѣшево ино и с лишкомъ к8пить *свою* н8ж8 исполнить на свои ѡбиходъ а лишнее в пор8 продастъ (Там же, с. 39); И дѣвка дала Бове два хлебца, и Бова хочет хлебцы ясти, и девка прослезися и почела говорить: „Государь, храбрый витезь, Бова королевич, не моги ты, государь, те хлебцы скоро съести, а скоряне тово умреш: *мати* твоя, а государыня моя прекрасная королева Милитриса месила она те хлебцы своими руками во пшеничном тесте на змеином сале“ (Сказ про Бову, с. 467); И повѣдано бысть об немъ скиѳетродержателю, и повелѣ его кроль привести во царствующій градъ Краковъ, *вид҃ти* его восхотѣ (Пов. Кат.-Рост., с. 570); Старость есть человеком недобрая: *не христианскою* смертию мнози человеци от тебе умирают (Сатиры о пьянстве, с. 79); „Господине окуне, не пригожуся я в понятых ити, *брюхо* у меня велико, ходить не могу, и глаза у меня малы, далече не вижу, губы у меня толсты, говорить не могу“ (Пов. о Ерше, с. 149); За что казакъ гладокъ, *по҃чи* да на бо (Пословицы XVII в., л. 347); Послал ѧ к тебѣ гсдрю волчью косу одну и то насилу здѣлал *мастеров* гсдрь нѣтъ высланы всѣ в Сѣверскъ да и дѣлать не 8мѣютъ (С. Богданов А. И. Безобразову. — Памятники XVII в., № 78, с. 49); и от нихъ детеи боярских от Исая Шелимова с товарыщи мнѣ холопу твоему і твоим гсдрь крстьяном проѣзду і проходу нѣт *бьют* і грабятъ (Неустановленное лицо А. И. Безобразову. —

Памятники XVII в., № 224, с. 116); Не бои сѧ *еще* ѧ никово пиѧново напоил (Лудольф, с. 52); и ѧ лѹтче люблю сладко, неже горко, *горко* не ѹнимаетъ жаждѹ (Там же, с. 52); вычисти платїе моѧ и въпраги лошадь, *надобе* здвора ѣхатъ (Там же, с 55); шѹба не готова *много* работы емѹ на праздники (Там же, с. 561); ѧ не водилъ сѧ сними, *красние* не гладили на менѧ, и не желалъ познатъ сѧ съ дѹрними (Там же, с. 60—61); Анца: Нѣтъ ещо яз не ѣдал, *ещо* рано, а ты уж ли зав'трокалъ? (Разговорник 17 в., с. 16); Маря: Петръ николи тамъ не садит'ца, *ему* здѣсь сидѣти, то ево мѣсто (Там же, с. 23); Анца: Батюшко, яз не мог скорѣе тово ит'ти, *много* там людей были, а я все бѣгъ (Там же, с. 30).

Большой интерес представляет пример из Повести о Ерше. В нем три предложения причины: брюхо у меня велико; и глаза у меня малы; губы у меня толсты. Каждому из этих предложений соответствует предложение следствия, результата: ходить не могу; далече не вижу; говорить не могу. Именно эти предложения результата, следствия являются доказательством в пользу утверждения, что «не пригожуся я в понятых ити».

Среди встретившихся нам в памятниках XV—XVII вв. бессоюзных предложений, в которых вторая часть указывает на обоснование, мотивировку, причину, значительное место занимают предложения, в первой части которых что-либо отрицается: не хътимо (Берест. гр. № 311); не пущали (Двинская гр. № 81); не платити (Моск. гр. 1531 г.); поитѝ нѣ с чемъ (Хож. Аф. Ник.); не оклеветаите (Письма Ив. IV); не мни мене молчаща (Письма Курб.); а вины своеи. . . не в мъ (Письма Курб.); не хотѣлъ же долженъ быти (Письма Курб.); смерти же скорыѧ не предастъ (Домострой); не моги. . . съести (Сказ. про Бову); не пригожуся я в понятых ити (Пов. о Ерше); проѣзду і проходу нѣт (Памятники XVII в., № 224); не бои сѧ (Лудольф); ѧ не водилъ сѧ с ними (Лудольф); яз не ѣдал (Разговорник 17в.); Петръ николи тамъ не садит'ца (Разговорник 17 в.); яз не мог скорѣе тово ит'ти (Разговорник 17 в.).

Как мы отметили выше, широко использованы бессоюзные сложные предложения, в которых вторая часть указывает на обоснование, мотивировку, причину, в сочинениях протопопа Аввакума. Они, как правило, удивительно четки, лаконичны: Бог их простит в сии век и в будущий: *не их* то дело, но сатаны лукавого (Аввакум, Житие, с. 66); Все на брюхе лежал: *спина* гнила (Там же, с. 72); Как поехали, лошади под нами взоржали вдруг, и коровы тут взревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли; *ужас* на всех напал (Там же, с. 80—81); да по писанию и надобе так: *бог* любит тех детей, которые почитают отцов (Там же, с. 82); Паки на Иртыше реке собрание их стоит: *ждут* березовских наших с дощеником и побить (Там же, с. 87); А дружище наше старое Феодор Ржищев, тот и шесть десят рублев казначею своему велел в шапку мне су-

нуть; а про иных нечева и сказывать: *всяк* тащит да несет всячиною! (Там же, с. 92); Везли не дорогою в монастырь — болотами да грязью, чтоб люди не сведали. Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: *омрачил* дьявол, — что на них и пенять! (Там же, с. 94—95); Пускай их, миленьких, мучат: *небеснаго* жениха достигнут (Там же, с. 95—96); И впредь приезжайте к нам учитца: *у нас*, божиею благодатию, самодержство (Там же, с. 101); Христос и лутче их был, да так ему, свету нашему, было от прадедов их, от Анны и Канафы; а на нынешних и дивить нечева: *с образца* делают! (Там же, с. 102—103); И я по нем всегда плачю; *жаль* мне сильно ево (Там же, с. 104); Таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченная, на земле лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно. Мне — су и самому сие чюдно: *бездушная* одушевленных обличает! (Там же, с. 106—107); У мена же, грешника, в той нужде умерли два сына, *не могли* претерпеть тоя гладныя нужды (Аввакум, Письма, с. 188); И не покручинься, царю, что тако глаголю ти: *ей, истинна* так. Господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть божий (Там же, с. 195—196); Не кручинься на Марковну: *она* ничего сего не знает; простая баба, право (Там же, с. 208); Марья Герасимовна! Не перекуйте же вы пред старицею тою с Евдокею тою: *она* ведь ангельский чин содержит, а вы веть простые бабы, грех вам пред нею перековать (Там же, с. 214); Евдокия Прокопьевна! Чаю, уже великоньки детушки те у тебя, светы мои! Да что же делать? Не больно кручинься о них: *бог* о всяком человеке промышляет (Там же, с. 214); С Федором там себе у Христа ликовствуют, — *сподобил* их бог! А мы еще не вемы, как до берега доберемся (Там же, с. 217); Дети бедные к монастырю приезжают, да получить меня не могут: *всяко* крепко от страха, насилу и домой уедут (Там же, с. 218); Давн[о] рубахи надобно: *часто* наг хожу (Там же, с. 220); Да уже насилу дышать стал, *так* ево употчивал пономарь-[ет] (Там же, с. 231); Про все пиши, а про старцово житье мне не пиши, не досажай мне им, *не могут* мои уши слышати о нем хульных глагол ни от ангела (Там же, с. 235—236); О Христе Исусе питайся наш брат, живой мертвец, воздыханием и слезами, донеле же душа в теле. А егда разлучится, ино и так добро: *жив* погребен (Там же, с. 242); Разве пост соборной, среда и пяток, — и вы ягодок или медку за любовь Христову полижите, да и меня поминайте: *я* люблю мед-от (Там же, с. 251); И он говорит мне: «не могу-де никак тово сотворити: *беси* грозят, удавить хотят?» (Там же, с. 262); Читали ли в житии Андрея Юродивого? Егда с черным Велиаром брався, а белоризцы позороваху. Как учал Андрея вертеть хохлата-ет чорт, так белоризцы те миленькия испужалися, *жаль* им Андрея тово (Там же, с. 280); Иван эксарх пишет: еретики-де и Григория Нисскаго правила развратили многия, их-де и чести не подобает. А и Климентовы книги, помнишь в Кормчей напечатано, не велено их

чести, *развращены* от еретик (Там же, с. 285); Мне веть неколи плакать: *всегда* играю со человеки, таже со страстьми и похотьми бьюся, окаянный (Там же, с. 292).

Закрепленное за предложением причины место в сложном предложении (второе) способствовало определению смысловой связи частей сложного предложения как результата — причины (при перестановке смысловая связь обратная: причина — результат).

Как правило, начинает вторую часть бессоюзного сложного предложения слово, на котором стоит логическое ударение. В сочинениях протопопа Аввакума особенно ярко проявляется отмеченная особенность. Слова с логическим ударением на них относятся к различным членам предложения. Чаще всего, однако, это подлежащие или сказуемые (последние господствуют). Бесспорно, выделены логическим ударением слова: 1) спина (Житие, с. 72), бог (Там же, с. 82); всяк (Там же, с. 92), бездушная (Там же, с. 107), бог (Аввакум, Письма, с. 214), беси (Там же, с. 262); 2) ждут (Житие, с. 87), омрачил (Там же, с. 94—95), жаль (Там же, с. 104); не могли претерпеть (Письма, с. 188), сподобил (Там же, с. 217), не могут слышати (Там же, с. 235—236), жаль (Там же, с. 280), развращены (Там же, с. 285).

Видо-временны́е соотношения форм сказуемого в обеих частях рассмотренных нами предложений так многообразны, что не представляется целесообразным устанавливать какие-либо соответствия. Не эти соответствия, а смысловая связь, порядок частей позволяют отнести то или иное предложение к предложениям со значением причины во второй части.

Мы полагаем в то же время, что смысловая связь между частями бессоюзного сложного предложения зависит в известной степени и от грамматической формы сказуемого в первой части предложения. Она наиболее заметна в тех случаях, когда сказуемое первой части — повелительное наклонение глагола или инфинитив (со значением долженствования). Требование, долженствование (с отрицанием или без него) создает смысловую неполноту первой части, поскольку, как правило, нуждается в обязательном обосновании этого требования, приказа.

При употреблении в первой части форм изъявительного наклонения глагола объяснение не всегда представляется необходимым, многое зависит от лексического значения глагола или, точнее, от всего контекста первой части. Если утверждение или отрицание в первой части кажется нелогичным, вызывающим сомнение, вторая часть совершенно необходима, читатель ждет ее.

Напомним примеры из сочинений протопопа Аввакума: Везли не дорогою в монастырь — болотами да грязью, чтоб люди не сведали. Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьявол, что на них и пенять! (Житие, с. 94—95); Пускай их, миленьких, мучат: небеснаго жениха достигнут (Там же, с. 95—96).

Итак, повторяем, главное при решении вопроса, следует ли отнести данное бессоюзное предложение к предложениям причины, — смысловые отношения как следствие (первая часть) и причины (вторая часть).

Подчеркнем исключительную структурную близость бессоюзных предложений со значением причины к соответствующим сложноподчиненным предложениям с постпозитивной придаточной частью. Эта структурная близость так велика, что дает возможность любое из бессоюзных предложений, ничего в нем не меняя, превратить в союзное, включив лишь причинный союз.

Е. Ф. Карский приводит один пример с бессоюзным сложным предложением причины из старобелорусского памятника: то оучиниль есми, стерегль есми своее головы, почюлъ. . . (2б Увар.) [=стерега головы своеи (440б Вил.)] [4]. В то же время отмечаются многочисленные случаи предложений с *бо* [5], с союзами *понеже*, *занеже*, *зане*, *иже*, *же*, единичный случай с *што* (рядом несколько примеров из живой белорусской речи) [6]. Тем самым подчеркивается, что бессоюзные сложные предложения причины занимают в старобелорусских памятниках сравнительно скромное место.

Наши наблюдения подтверждают правильность этого положения. Как нами отмечено выше, бессоюзные сложные предложения причины встречаются реже, чем бессоюзные сложные предложения с поясняющей второй частью.

В некоторых памятниках преобладание вторых над первыми особенно заметно. Так, в летописи конца XVI—начала XVII в. — в так называемой Баркулабовской летописи, где много описаний явлений природы, при 29 примерах с бессоюзными сложными предложениями, в которых вторая часть поясняет первую, только четыре с бессоюзными сложными предложениями причины: И приехалъ панъ воевода троцкий, панъ канцлеръ, панъ подканцлерий и шли на упокой до княжати. По годинѣ маютъ быть у княжати, прислалъ до кола, ижъ хочутъ ихъ милость быти у в(ашей) м(илости), а то вже было смеркшисе; *чекали* на нихъ килка годинъ. Втомъ образившысе тымъ вси, ижъ такъ долго на нихъ чекаютъ, кгдыжъ не вемъ, о чомъ намовы сами з собою чинятъ: *зде* идетъ о всихъ насъ и сумненя нашого (Лет. Баркул., л. 148 об.) [7]; Року 1600, месяца августа 8 дня с понеделка на второкъ, панъ Левъ Сапега, канцлеръ великого князства Литовского, староста могилевский, албо тежъ за росказаньемъ его милости слуги его милости панъ Голубицкий, врядникъ Печерский, Янъ Рожнов-

---

[4] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 459.
[5] Там же, стр. 465—466.
[6] Там же, стр. 485—487.
[7] В тексте два бессоюзных сложных предложения причины.

ский Требухи до замку Могилевского привернули, а тое имене было от вековъ на манастырь Печерский Святыя Богородицы надано отъ княжатъ Буйницкихъ по самую речку Дубровню, — *то* все Буйницкий кгрунтъ былъ (Там же, л. 162); Такъ же гречихи, конопель знаку не было, — *все* морозъ побилъ (Там же, л. 167).

Приведем еще ряд примеров из других памятников: а теперь рачьте ваша милостъ, рокъ подобный намъ положити: *мы* хочомъ тыи судьи верхумененыи межи собою и теперь вести на тыи земли (Берест. гр. 1518 г. Лит. метр. т. I, кн. 3, № 24); Коснемъ же ся богонаучен'ныхъ словесъ святаго Григория Двоеслова или Беседовника, папы Римского, егожь Римляне зовутъ Розмов'цою. Сеи, нѣкогда по камен'ному шествуя мосту, и со усер'діемъ молитву крѣпку душелюбцу Богу о прощеніи грѣховъ Трояна царя сотвори. И гласу отъ Бога принесшуся ему: «и прощеніе Трояну даю; ты жь не ктому приложи молитвы о нечестивыхъ приносити». Сіе правдиво и незазорно есть сказаніе: *свѣдитель* не точію Римъ, но востокъ весь и западъ (Спис. пр. лютеров, с. 125—127); Милость же и помочь, егда хто требуетъ, чинятъ. Сродникомъ же своимъ не мощно имъ дати: *без повеленія* строитель не смѣютъ (Там же, с. 178); Фарисеи же именуются закон'ноправедни: *всяку* вещь на Бога возложатъ, и на судъ и правду и кривду сущую воздаютъ (Там же, с. 182).

И в староукраинских памятниках бессоюзные сложные предложения причины встречаются гораздо реже, чем бессоюзные сложные предложения, в которых вторая часть поясняет, раскрывает содержание первой части. Крайне редко находим бессоюзные сложные предложения в произведениях полемической религиозной литературы XVI—XVII вв. Их авторы явно предпочитали прибегать к сложноподчиненным предложениям причины.

Приведем ряд примеров из памятников различных жанров: Они тыхъ копѣй до рукъ своихъ брать не хотѣли, *тые* копѣи у ворота манастырскіе панъ маршалокъ уволтнулъ (Киев. гр. 1597 г. АЮЗР, т. II, № 16); и послаша ко гражаномъ рекоуще. предаитеса *кнѧзь* вашь ѥгѡ бы (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 247 об.); се же оуслышавъ Левъ кнѧзь. посла Семена своего Дадьковича ко снови своемоу с прочними. рѣчьми река емоу. поѣдь вонъ из города не погоуби землѣ. *братъ* мои послалъ возводить Татаръ (Там же, л. 305 об.); а войско з войскомъ на Деснѣ спотикалося, бо юже король Десну переправилъ билъ, а рѣка юже почала псоватися — *наступало* тепло (Лет. Сам., с. 83); И такъ юже на своеволю почали <запорожцѣ> знову заробляти запомнѣвши такъ великую ласку царскую ку себѣ, же онимъ слалъ соболями, сукнями, грошми, борошномъ; которое ихъ злое дѣло без карности минулося: *его* царское величество пробачил. Але юже ненависть почала рости на Украину за такую своволю: *нарушили* ласку его царского величества (Там же, с. 94); [8] И серпы и косы ковали

на оружие, и не дармо земля тряслася: *трясли* и ляхи козаков (Хм. лет., с. 78); Тамъ <Исидоръ митрополитъ Рускій> вдячне отъ папы принятъ, і кардиналомъ учиненъ, и до Константинополя на патріаршество упоромъ и гордостью Римскою выправленъ былъ. Але тамъ и тот не много попасовалъ: *и* не принято, ани слухано его (Ист. о Флор. соборе, с. 468—469); отъ розличного в'здыханья голосовъ и болѣзни народовъ сердечный крикъ и непостоанный шумъ всю вселенную исполнилъ: *не толко* старыхъ, молодыхъ, отцевъ и матерей, чадъ и питателницъ боголюбивыя сердца отъ жалости и стогнаній падаются, але стены, каменіе, самые елемента движутся (Отв. клир. Острож., с. 404); Прето прошу тя, любимый мой брате, потръпи мя мало: *хочу* с тобою о том побеседовати и тебе от тое прелести освободити, да избѣжиши гнѣва и суда божиа за тое твое ругание и смѣяне (Виш. Книжка, с. 25); Не дивуйся тому и не соблажняйся, возлюбленный брате, православный християнине, *было* то прежде, есть и будет (Виш. Ответ Скарге, с. 173); И Іисуса Навина, единого слугу Моисеева, противъ тридцати кролевъ <Богъ> выставилъ: *лѣпшій* единъ творяй волю Господню, нежели много беззаконниковъ (Переторога, с. 228); О, незбожности! А еднакъ то въ очахъ отступницких мало: *чужый* порохъ поретъ имъ очи, а своего бервена чути не хотятъ! (Палин. Копыст., с. 934); Отже Хмельницкій може, — Поможи ему, боже! — Тих куркоідів бити. . . Юж утікають з валів: *Бояться* самопалів, Волять татарскои юки, Ніж козацкої руки (Вирши о Желт. битве).

Бессоюзные сложные предложения причины сохранились и в современных литературных восточнославянских языках и в диалектной русской, белорусской и украинской речи. Многочисленные примеры из русских диалектов приводятся в трудах А. Б. Шапиро [9], В. И. Собинниковой [10] и других наших диалектологов. Есть основание сделать вывод, что в русских говорах бессоюзные сложные предложения причины занимают в процентном отношении к сложноподчиненным предложениям причины большее место, чем в литературном русском языке. Широко распространены бессоюзные сложные предложения причины и в белорусских и украинских говорах.

Приведем ряд примеров из образцов живой белорусской диалектной речи [11] и из белорусского фольклора [12]: 1) А йа и саўс'ім

---

[8] В тексте два бессоюзных сложных предложения причины.

[9] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953, стр. 54—55.

[10] В. И. Собинникова. Строение предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского р-на Воронежской обл.). Воронеж, 1958, стр. 143.

[11] Записи помещены в кн.: «Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі». Пад рэд. Р. І. Аванесава і М. В. Бірылы. Мінск, 1962.

[12] Ф. Янкоўскі. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы, Выд. 2, дап. Мінск, 1962.

н'а вучы́ўс'я: ба́ц'ка н'а пус'ц'и́ў, бо н'а было́ чаго́ абува́ц' (Минская обл., с. 159); У йа́гады н'и хадз'и́ла — раса́ (Гомельская обл., с. 233); Ус'и̯е ру́к'и пакало́ла — йачм'и̯ен' в'ажу́ (Брестская обл., с. 276); 2) Не пазыча́й: пазыча́й — злы абыча́й (с. 59); Панскіх груш не руш: як пагніюць, паны самі дадуць (с. 62); Кашляй паночак: вам можна (с. 69); Не смейся брат: будзеш сам салдат (с. 73); Бацька няхай едзе араць: яго коні знаюць, а я пайду у карчму: мяне там чакаюць (с. 132); Не паглядай на чужых жонак: ці скасееш, ці здурнееш (с. 143); Не вучы кульгаць: і так ногі баляць (с. 196); Пла́чте о́чы пла́чте ка́ры — та́ка ва́ша до́л'а (Брестская обл.)[13].

Несколько примеров из живой украинской диалектной речи[14]: а ў шко́ли йа ни одно́йй зими́ не буў || ба́т'ко ни пуска́ли || бага́то було́ това́ру па́сти | а пастухе́ найма́т' ни хоти́ли || (Ровенская обл. с. 232); Ус'і книжки́ йа заво́д'у у шши́ток — йе обйаза́тілна постанова (Винницкая обл., с. 256); йа така́ росстро́йіна || учо́ра ходи́ла за ним | хот'і́ла забра́т' до се́бэ | а воно́ мэне́ йак угле́д'ит' і да́л'ше тіка́ || хло́пэц' напу́чений || (Полтавская обл., с. 274); а на боло́т'і було́ стра́шно | води́лэс' воўки́ || ча́сто кра́ли ў л'уде́й посл'і́дн'у худо́бу | і Оле́на р'іши́ла пэрэбра́ц'ц'а на бого́р || (Сталинская обл., с. 299).

Характерно употребление бессоюзных сложных предложений причины в тех случаях (см. приведенные выше примеры из белорусского фольклора), когда народную мудрость, жизненный опыт необходимо передать в предельно сжатой и в то же время выразительной форме. Это преимущество бессоюзных сложных предложений перед сложноподчиненными особенно заметно в устной речи, поскольку интонация позволяет не только обойтись без союза, но и четко выделить каждую из двух частей сложного предложения.

Как мы уже отметили выше, бессоюзные сложные предложения, в которых вторая часть предложения поясняет, раскрывает содержание первой части, встречаются чаще, чем бессоюзные сложные предложения, вторая часть которых указывает на обоснование, мотивировку, причину того, о чем говорится в первой части.

Значительную группу составляют предложения, в которых вторая часть раскрывает, на какой предмет, явление указывает (даже и в тех случаях, когда не имеет указательного значения) местоимение или образованное от местоимения наречие и, следовательно, какое конкретное содержание имеет благодаря этому поясняемое слово. Приведем примеры из старорусских памятни-

---

[13] «Хрэстаматыя...», стр. 301 (пример из песни).

[14] Записи помещены в кн.: Ф. Т. Ж и л к о. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

ков, выделив слова, начинающие вторую часть предложения: а на семъ на все гне кнзь великии борисъ ѡлександрови. челуи крт҃ъ ко все велико ногоро *а старыи* гне кнзь великии рубе земли и во. даи промежи тферью и кашиномъ. и новгорочкои ѡтцинѣ. и торжко. и бѣжичкы м верхо м (Новг. гр. 1426—1461 г. Шахм. о языке, № 18); было то такъ *какъ* бра (описка, вместо *брата.* — *В. Б.*) его убивъ слуга тую жь ноць жбегле (Псковская гр. 1463—1465 г. Шахм. Грамота); что же убо изреку отъ тебѣ нарицаемыхъ мученикъ доброхотство къ себѣ? тако убо: *аки* плѣнника всадивъ въ судно, везяху съ малѣишими людьми сквозе безбожную и неверную землю! (Письма Ив. IV, л. 152 об.); Иное сподобно есть: *почто* и еще не престаете гонити? (Там же, л. 156); Аще убо вы и раны многи претерпѣсте, но побѣды никоея же не сотвористе [15]; Тако же убо и подъ градомъ Невлемъ: *пятіюнадесять тысящи* 4000 не могосте побити, и не токмо убо побѣдисте, но и самъ отъ нихъ ничто же успѣвше, едва возвратишася (Там же, л. 172—172 об.); И воистинну и азъ глаголю: льстецъ онъ былъ, коварецъ, и благокозненъ, понеже ялъ тя, исторгнувши, отъ сѣтеи діявольскихъ и отъ челюстеи мысленного льва, и привелъ было тя ко Христу Богу нашему. То же воистинну и врачеве премудрые творятъ, *дикіе* мяса и неудобь цѣлимые гагрины бритвами рѣжутъ. ажъ до живаго тѣла, и потомъ наводятъ по малу, и исцеляютъ недужныхъ (Письма Курб., с. 128); А недругъ нашъ древніи иная умышляетъ: *и началниковъ* вашихъ и пастыреи подходитъ и нѣкоихъ отъ нихъ гордостемъ и жительству растлѣнному научаетъ, и соль земли въ буиство претворяетъ, яко имъ бѣ должно негиблющими брашны и пребывающими всѣхъ питати и свѣтъ миру быти (Там же, с. 388); Воистинну сіе не токмо предивнѣише, но и тысущу кратъ горше: *учениковъ* Павла Самосацкого и ѳотинуса, древнихъ еретиковъ, давно уже проклятыхъ и попраныхъ, церкви Божіи, во православныхъ дохматехъ сіяюще, тако и такъ презлыхъ, обронительми и защитниками поставляти! (Там же, с. 464); Вопросъ аї. о поломеникахъ. И о семъ достоитъ попеченіе сотворити веліе: *плѣненыхъ* привозятъ на окупъ изъ ордъ бояръ. и бояринь. и всякихъ людей, а иные сами выходятъ должные безпомѣстные. и здѣсь окупитися не чѣмъ, а никто не окупитъ (Стоглав, с. 45); Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на цепь посадил за сие: *некий* человек с дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и, не наказав мужика, отпустил (Аввакум, Житие с. 68); Да и иное кое-что ей сказано в те поры было: *как* указ по нас будет и сколько друзей первых на Руси заедем, — все так и сбылося (Там же, с. 91); А то думали со дьяволом книги перепечатать, вся пере-

[15] В предыдущем тексте перечисляются действия Курбского, порочащие его как военачальника.

менить — *крест* на церкви и на просвирах переменить, внутрь олтаря молитвы иерейские откинули, ектеньи переменили, в крещении явно духу лукавому молитца велят (Там же, с. 109); Благохитрый же бог инако ея наказал: *задремала* в правило, да и повалилась на лавке спать, и три дни и три ночи не пробудяся спала (Там же, с. 117); Да нам надобе помнить сие: *не нас* ради, ни нам, но имени своему славу господь дает (Там же, с. 120); И не то, государь-свет, надежда наша, едино; но в десеть лет много тово было: *беды* в реках и в мори, и потопление ми многое было (Аввакум, Письма, с. 188); И помяни дни Ноевы: много ли осталось благочестивых пред потопом? Веси, только осмь душ. И в скончании века тако будет: *мало* Христово стадо, много ж сатанино и антихристово воинство будет (Там же, с. 197); Якож присылал ко мне Юрья Лутохина, и рекл он, Юрье, усты твоими мне на Угреше: «рассудит-де, протопоп, меня с тобою праведный судья Христос». И я на том же положил: *буди* тако по воли твоеи (Там же, с. 199); Овы кормятся от земли, а иныя живот животом. Их же родов несведомое множество есть: птицы зерноберные есть, друзии плотоядцы суть, а инии травою и древом питаются. Тако же и зверие: *овии* мясоедцы суть, еже же и плижущеи по земли, и по воздуху паряще, и мухи большие и малые, и комарие от тины ся ражающе (Там же, с. 272); Читали ли в житии Андрея Юродиваго? Егда с черным Велиаром брався, а белоризцы позороваху. Как учал Андрея вертеть хохлата-ет чорт, так белоризцы те миленькия испужалися, жаль им Андрея тово. Как справился Андрей и брякнул чернова о камень лбом, так белоризцем радость велия и веселие. Так то и ныне: *победа* бывает невидимо нам радость небесная, а то много радости в той час, егда кто мучится за Христа (Там же, с. 280).

Среди приведенных нами примеров имеются предложения, начинающиеся словами *тако же* (Письма Ив. IV, л. 172—172 об.; Аввакум, Письма, с. 272); *то же* (Письма Курб., с. 128); *тако* со значением 'так же' (Аввакум, Письма, с. 197); *на том же* (Аввакум, Письма, с. 199); *так то* со значением 'так же то' (Аввакум, Письма, с. 280).

Эти слова ссылаются на предыдущий текст, их значение в известной степени определено этим предыдущим текстом. Именно в известной степени, но не полностью, поскольку лишь последующий текст — вторая часть бессоюзного сложного предложения — установит, есть ли абсолютно точное совпадение сказанного раньше с тем, о чем говорится дальше, или только сходство, весьма значительное и потому позволяющее употребить *тако*, *то* с частицей *же* (реже без нее). В примере из Новгородской грамоты 1426—1461 гг. с указательным местоимением, имеющим обобщенное значение, которое нуждается в раскрытии, конкретизации, вторая часть бессоюзного сложного предложения является столь же обязательной, как и в рассмотренных выше случаях. Если значение *семь* в какой-то мере раскрыто в первой части предложения,

вторая часть лишь уточняет то, что в общей форме известно из первой части. Приводим пример из грамоты XIV в.: на семь кнаже цѣлоуи кртъ къ всему новоугороду. на чемь цѣловалъ дѣдъ твои ꙗрославъ *новъгоро* держати ти въ старои пошлинѣ (Новг. гр. 1325—1327 гг. Шахм. О языке, № 15).

При отсутствии придаточного предложения (*на чемь цѣловалъ . . .*) в первой части, местоимение *семь* раскрывается только во второй части, которая поэтому является совершенно необходимой. Таковы примеры из новгородских грамот того же XIV в.: на *семь* гне новгородъ всь. хрьстъ цѣлуеть. *кнажение* твоѥ чтьно дьржати. по пошлинѣ. безъ ѡбиды (Новгородская гр. между 1305—1308 гг. Шахм. О языке, № 6; см. также Новг. договорную гр. между 1305—1308 гг. Шахм. О языке, № 7, Новг. договорную грамоту 1371 г. Шахм. О языке, № 8).

Характерно последовательное употребление *на семь* в самом начале предложения как в новгородских договорных грамотах XIV в., так и в тех же грамотах XV в.[16]

Как видно из примеров, приведенных выше, а также тех, которые отмечены Э. И. Коротаевой [17], местоимение, наречие, требующие разъяснения, могут стоять в конце первой части бессоюзного предложения, что позволяет выделить их логическим ударением, подчеркнуть значение того, о чем сказано в поясняющей части.

Приведем еще ряд примеров с бессоюзными предложениями, в которых вторая часть поясняет, раскрывает, конкретизирует содержание первой части (отдельного слова или словосочетания). В отличие от предыдущих примеров поясняемое слово (преимущественно существительное, реже глагол и другие части речи) имеет самостоятельное значение, и в ряде случаев первая часть предложения и без поясняющей части не представляется неполной. Однако именно добавление поясняющей части вносит полную ясность в контекст: ньмного ѡсподинь. ржи на твою часть: *два* ѡвина. цьтвьрти (Новг. берест. гр. XV в. Арц., № 23); А которои чюжеземець на чюжеземце чего взыщет, ино того воля, на ком ищут, *хочет* отцелуется, что в том виноват, или у креста положит чего на нем ищут, и истец поцеловав крест, да возмет (Суд. 1497 г., л. 11); Тое же зимы въ 6 генваря на крещение господне рать великого князя прииде в землю Черемисскую, и многа зла учиниша земли тои, *люди* иссѣкоша, а иных в полон поведоша, а иных изожгоша, а кони их всякую животину, чего нелзѣ с собою имати, то все иссекоша, а что было живота их, то все взяша, и повое-

---

[16] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 57—58.

[17] Э. И. Коротаева. К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия филол. наук», 1949, вып. 14, стр. 46—47.

вавше всю землю ту досталь пожгюша, а за один день до Казани не доходили (Моск. лет. св. конца XV в., л. 391); И по указу великих государей ему, Федьке, за измену и единомысленником ево Аброске с товарыщи за воровство их великих государей указ учинен: *кажнены* смертью, посечени быша главы их септевриа в 12 день (Летописец 1619—1691 гг., л. 735); Разумно же да буди: *первый* архиепископ Феодосий зло пострада от воровских казаков, и самого ево оставиша жива, токмо людей ево побиша и дом разграбиша (Лет. сказ. Петра Золотарева, л. 102); и бѣ далъ ей Господь исцѣленіе: *хроміи* и больніи гробу ея бьютъ челомъ и исцѣляются (Пут. Зосимы, с. 62); И видѣхомъ азъ грѣшныи многи сущи еретики, пришедши ту, и дивихся, како ся створяютъ зѣло срамное. . . . . *трясутся* и плещутъ руками попы ихъ, со Евангеліемъ и съ трисолнечники (Там же, с. 64); А дворъ же его чюденъ велми, *все* на вырезѣ да на золотѣ, и послѣднии камень вырѣзанъ да золотомъ описанъ велми чюдно; да во дворѣ у него суды розныя (Хож. Аф. Ник., л. 376 об.— 377); И оттолѣ ходятъ ко Іерусалиму въ два пути: *единъ* путь Бѣлымъ моремъ, а другій путь сухій (Пут. моск. купцов, с. 137); А уже бѣды ихъ пасоша птица крилати, *под облакы* летають, ворони часто грають, а галицы своею речью говорять, орлы восклегчють (Сл. о Кулик. битве, с. 36); не хотѣніемъ убо сія творя, ни желая, но по нужди: *злаго* ради ихъ преступленія и наказаніе имъ бываетъ (Письма Ив. IV, л. 175); А нынѣ къ тому приложилъ еси и другую срамоту прародителемъ своимъ, срамотнѣишую и тысяща кратъ беднѣишую: *градъ* великіи Полоцка со всею церковью, сирѣчь со епископомъ, и клиросомъ, и воинствомъ, и съ народомъ, предалъ еси, преобличіемъ твоимъ. егоже было досталъ еси персьми своими, уже не глаголю, тѣшачи тебя, нашими вѣрными службами и многими труды (Письма Курб., с. 151); и си отвѣтъ премудрыи Иване, не твоего разума, ко отвѣщанію истинны недоумения полонъ: *нѣсть* бо кому мошно обрѣсти на небеси, имѣюще догматы богословія разтлѣнны (Там же, с. 366); А того ради прозбу и моленіе братское къ вашеи милости простираю: *союза* ради любовнаго Христа нашего, тако же и раба его старца твоего, а моего отца, святаго преподобнаго Артемія, яви любовь ко единоплемяннои Росіи, ко всему Словенскому языку! (Там же, с. 417—418); и потомъ же злодѣй еще лицемѣрство учинилъ: *яко* шуменъ былъ и безъ памяти говорилъ; и у великаго святителя и у незлобиваго учителя прощеніе испросилъ (Пов. о Рос. царстве, с. 205—206); И царство свое, порученное ему отъ Бога, раздѣли на двѣ части: *часть* ему собѣ отдѣли, другую же часть царю Семіону Казанскому поручи; и устрои его на Москвѣ царемъ (Пов. Кат. — Рост., с. 561); Радость будет: *отпустит* вам государь наш турецкой царь и паши его все ваши казачи грубости прежние и нонешние и взятье азовское (Пов. об азов. взятии, с. 64); После тово уже нам от них полехчало, — *приступу* уже не было к нам (Там же, с. 78); <А будетъ патриарха, или. . .> или сынъ боярской городовой, или иноземецъ, или дворовой чело-

вѣкъ, а по суду или по сыску сыщется про то допряма; и имъ за такое бесчестье чинити указъ: *за патриарха* бити батоги, за митрополита посадити въ тюрму, за архиепископа и епископа въ тюрьму же посадить (Улож. 1649 г., с. 30); А нам, богомольцам твоим, и так не сладко: *ретка* да хрен, да чашник старец Ефрем (Сатиры о пьянстве, с. 121); И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что у нашего архимарита вдруг ума не стало: *мыши* с хлеба опухли, а мы с голоду мрем (Там же, с. 121); В прошлых, господа, годех было то Ростовское озеро, реки и источники за нами сиротами, а тот ерш лишил нас того Ростовскаго озера, *расплодился* тот ерш по рекам и озерам (Пов. о Ерше, с. 148); И потому я тебя осудила за твои великия грехи, *повинен* ты еси смерти (Пов. о куре и лис., с. 195); Хлеб соль великое дело, *без него* человек не может жить ни единаго часу (Там же, с. 195); Агаѳонникъ невоникъ *что* ему даду то и вометъ (Пословицы XVII в., л. 325); Дивное судно корыто. *вѣкъ* живе не покрыто (Там же. л. 339 об.); Одно взять *либо* дѣти води либо днги копи (Там же, л. 362 об.); Мачиха пасынку на вое волю дала *нагъ* ходи либо бе рубашки (Пословицы XVII—XVIII в., л. 9 об.); Прошꙋ гсдрь твоеи млсти за винного члвка твоего за Івашка Щербачонка дѣло учинилос безхитросное не пьянством и не иным чѣмъ *похотѣлося* в теплѣ поспать да лошад потерял (В. Семенов А. И. Безобразову, 22 октября. — Памятники XVII в., № 168, с. 93); и ѕа грѣх мои послал гсдь гнѣвъ свои *учинился* пожар и дворишко мое с всѣмъ ѕгорѣло (Челобитная 23 мая 1646 г. — Моск. дел. и быт., № 48, с. 66).

Большое место среди встретившихся нам примеров указанного типа — со словом в первой части, имеющим конкретное лексическое значение, занимают примеры из сочинений протопопа Аввакума. Протопоп Аввакум весьма часто прибегает к этим бессоюзным предложениям, как бы предвосхищая положение М. В. Ломоносова, подчеркивавшего преимущества бессоюзия, но не отрицавшего и значения союзов: «Союзы не что иное суть, как средства, которыми идеи соединяются; итак, подобны они гвоздям или клею, которыми части какой махины сплочены или склеены бывают. И как те махины, в которых меньше клею и гвоздей видно, весьма лучший вид имеют, нежели те, в которых споек и склеек много, так и слово важнее и великолепнее бывает, чем в нем союзов меньше. Однако не должно в нем оставлять таких щелей, по которым бы оно могло вовсе развалиться» [18].

Протопоп Аввакум удивительно искусно обходился без «гвоздей» или «клею»: А в нашей России быть знамение: *солнце* затмилось в 162 году, пред мором за месяц или меньши (Аввакум, Житие, с. 56); А после учинились добры до меня: *у царя* на сенях

[18] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VII. Труды по филологии 1739—1758 гг. М.—Л., 1952, стр. 375—377.

со мною прощались; а брату моему меньшому бояроня Васильева и дочь духовная была. Так-то бог строит своя люди (Там же, с. 62); Таже ин начальник на мя рассвирепел: *приехав* с людьми ко двору моему, стрелял из луков и из пищалей с приступом (Там же, с. 62); Тут у церкви великия беды постигоша меня: *в полтора* годы пять слов государевых сказывали на меня, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс (Там же, с. 68); Но милостив господь: *наказав*, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст (Там же, с. 69); Что собачка, в соломке лежу: *коли* накормят, коли нет (Там же, с. 72); Бес-от веть не мужик: *батога* не боится; боится он креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бежит от тела Христова (Там же, с. 76); И нынеча мне жаль курочки той, как на разум прийдет. Ни курочка, ни што чюдо была: *во весь год* по два яичка на день давала; сто рублев при ней плюново дело, железо! (Там же, с. 78); Перемена ему пришла, и мне грамота: *велено* ехать на Русь (Там же, с. 83); Зело у Федора тово крепок подвиг был: *в день* юродствует, а нощь всю на молитве со слезами. Много добрых людей знаю, а не видал подвижника такова! (Там же, с. 99); И я из Пустозерья послал к царю два послания: *первое* невелико, а другое больши. Кое о чем говорил (Там же, с. 104); И за вся сия присланы к нам гостинцы: *повесили* на Мезени в дому моем двух человеков, детей моих духовных, — преждереченнаго Федора юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабов Христовых (Там же, с. 105); Егда исполнилися два годы, иное чюдо: *в три дни* у него язык вырос совершенной, лишь маленько тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля бога и отступников порицая (Там же, с. 107); а в моем дому в то время учинилось нестройство: *протопопица* моя со вдовою домочадицею Фетиньею меж собою побранились, — дьявол ссорил ни за што (Там же, с. 114); Ей, государь, не помнит бога: *или поп*, наш брат, или инок — всех равно губит и мучит, огнем жжет и погубляет (Аввакум, Письма, с. 190); А в церкве стою, паки внутренняя беда: *бесчинства* в ней не могу претерпеть (Там же, с. 231); Аще ли просто положишь, бóльшую беду на себя наведешь: *без руки* будешь, и без ноги, и без глаз, и глуха, и оструплена, яко Елисей. Я ли затеваю? Да не будет (Там же, с. 290).

Как и в бессоюзных предложениях причины, в рассмотренных нами бессоюзных предложениях пояснения видо-временны́е соотношения глаголов-сказуемых весьма многообразны. Чаще всего, однако, встречаем глагол-сказуемое в форме прошедшего времени в обеих частях предложения. Тем не менее, именно многообразие видо-временны́х соотношений, а не какое-либо весьма ограниченное число определенных соответствий является характерной особенностью данных бессоюзных сложных предложений.

Выше мы отметили, что бессоюзные сложные предложения, в которых вторая часть поясняет, раскрывает содержание первой части, встречаются в старобелорусских памятниках чаще, чем

бессоюзные сложные предложения, вторая часть которых указывает на обоснование, мотивировку, причину того, о чем говорится в первой части.

Как и в старорусских памятниках определенную, четко выделяемую группу составляют случаи с местоимением или образованным от местоимения наречием в первой части, требующими разъяснения во второй части: и мы о томъ такъ врадили: *владыцѣ* и бояромъ закладневъ зъ собою въ мѣстѣ Полоцкомъ не надобѣ мѣти, нижьли только одного подворника по своимъ подвѣрьемъ въ городѣ, а на мѣстѣ по давному, какъ здавна бывало (Троцк. гр. 1456 г. или позже, АЗР, т. I, № 60); Ино штобы есте ѡ томъ ся доведали: *естли* бѫдет(ь)· въ панее Щастное половица больша боꙗръ и люде᾽ и земль, и вы бы то межи ними поровнали, неха᾽ бы подъ нею, Щастною, половица была, а подъ кнегипею Тѫровою и под(ъ) ее сестрами дрѫгая, — ажъ бы ѡбе тыи половицы были ровны (Берест. гр. 1511 г., Лит. метр., т. I, кн. 2, № 163); Ино мы, зъ ласки нашое то вчинили: *тое* именье Кокоричи и съ тымъ дворцомъ Воробъевичи кнегини Семеново᾽ Миха᾽ловича кнегини Настас(ь)и дали вечно е᾽ и ее детемъ и ихъ ближънимъ и потомъ будѫчимъ ихъ исчадкомъ, со всими людьми путными и тꙗглыми того имен(ь)я, и со всими землями пашными и бортными, и с(ъ) сеножат(ь)ми, и зъ боры и лесы и зъ дѫбровами и зъ гаи, и съ ѡзеры и зъ реками (Город. гр. 1509 г., Лит. метр., т. II, № 76); Частократъ бо они то чинили: *идоломъ* кланяхуся, сыны и доч᾽ки своя ризали на ж᾽ртву, о чомъ досытъ Давидъ у псалмехъ, и у Деяню зач[ало] 17 причитаютъ (Спис. пр. лютеров, с. 49); Глаголеть же нѣкіи отъ премудрыхъ святыхъ, яко начало рати противу греха подвига человѣку постъ. И самъ Господь собою сие показалъ: *постися* 40 днiи (Там же, с. 159).

Как видим, местоимение и наречие стоят в конце первой части предложения, но не непосредственно перед второй частью, а в препозиции к глаголу-сказуемому, от которого зависят или к которому примыкают.

Отметим особо пример, однородный с теми приведенными нами выше примерами из старорусских памятников, в которых слова, начинающие бессоюзное сложное предложение, ссылаются на предыдущий текст, устанавливая известное сходство сказанного дальше с тем, о чем говорилось прежде: А ку вбогому вельможь не ровняй, яко тому прикладне и апостолъ пишетъ: «ина слава солнцу, ина слава мѣсяцу, и ина слава звездамъ, звезда бо звезды превышаетъ во славѣ». Таже маемъ разберати и во человѣцехъ: *ина* слава простому людину, и ина слава и проводъ поважному стану (Спис. пр. лютеров, с. 137) [19].

В старобелорусских грамотах находим большое число примеров, в которых во второй части предложения раскрывается, о какой

[19] Текст из абзаца, восстановленного по рукописи А. Н. Попова («Чтения Московского об-ва истории и древностей Российских», 1879, кн. 2).

правде (в значении 'правда, истина'), о каком *обычае* (в значении 'способ, образ действия') [20] идет речь. Многочисленны примеры со вторым словом, лексическое значение которого, в соединении с относящимся к нему местоимением, приближается к значению местоименного наречия *так*, требующего обязательного разъяснения. Нуждается в разъяснении и *правда*, но это слово в то же время дает и оценку сказанного во второй части.

Приведем ряд примеров с тем и другим словом: 1) Правда, пановѣ, ест(ь): *грабили* насъ тыи люди Кщоновы Неверовича ещо за пана Михайла Кезъкг(о)йловича, воеводꙋ Виленского, и мы, противъ того ихъ грабежа [21], пограбили есмо тыхъ его людей Ѳндрюша а Петра (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн, 1, № 35); И Войтко рекъ: правда ес(т)ь, право томꙋ было: *мой* человекъ ѿ того злодейства ѿтягался Стабутей (sic!), а винного тобѣ сына Стабутова судьи и[зъ] суда подали: шиею, и тепер(е) въ тебе тотъ сынъ Ст[я]бутовъ, на имя Мартинъ (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 43) [22]; правда есть, *пришли* ѡни на дворъ панее ее милости ночнымъ ѡбычаемъ, и тыи вепри паробка пани ее милости вынесли лицомъ (Негневич. гр. 1520 г., Лит. метр., т. I, кн. 3, № 133); 2) И ѡни ѿбывали его передъ нами тымъ ѡбычаемъ: *мы* де зъ веку мешчане Житомиръские; нижъли де҃ ѡц҃ъ нашъ приехалъ до Слуцка, змешкалъ несколько летъ, и потом де҃ зася пошолъ с(ъ) Слуцка до Житомир(я) жь (Троц. гр. 1507 г., Лит. метр., т. I, кн. 2, № 44); И во҃тъ и бурмистры и радцы тотъ судъ сво҃ намъ ѿказывали тымъ ѡбычаемъ: *штожъ* его сꙋдили съ тымъ Юрьемъ Пашомъ ѡ соль; и ѡнъ де҃ в-ын(ь)шо҃ соли знался, а въ которо҃ не знался (Городн. гр. 1507 г., Лит. метр., т. I, кн. 2, № 49); Жаловалъ намъ Викторъ Кг(о)бриѩловичь на Юр(ь)ѩ Млечка тымъ ѡбычаемъ: *ручилъ* ми рубль грошей на Войтѣхꙋ Петрашевичꙋ и теперь ми не заплатилъ тыхъ пѣнязей (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I, кн. 1, № 2); Жаловалъ намъ чл҃вк(ь) господарьский Рудоминское волости, на имя Сутко, на Буйка на Рꙋдоминского намѣстника тымъ ѡбычаемъ: *пограбилъ* въ мене ѩловицу безвинно (Вил. гр. 1510 г., Лит. метр., т. I. кн. 1, № 17); И Еско ѿказалъ до насъ тымъ ѡбычаемъ: ѩ дей при той купли не былъ, ани тому есми звѣдомъ, ани печати своей къ тому листу не прикладывалъ (Слоним. гр. 1518 г., Лит. метр., т. I, кн. 3, № 20); Жаловали намъ земянѩ (sic!) Берестейского повѣта Лычь Ивашковичь и зъ братьею своею, Токоревскии, на Курила а на Сенька Гуровичовъ тымъ ѡбычаемъ: *держать* подъ собою поля и сеножати и дубровы наши ѡчизныи (sic!)

---

[20] Ср.: у И. И. Носовича: «О б ы ч а́ й, ю, с. м.: 1) способ, образ действия. *Жадным обычаем его не можно уговориць*; 2) обычай, привычка. *Я обычаю такого не маю*» («Словарь белорусского наречия». СПб., 1870, стр. 356).

[21] В подлиннике: «гр(о)беж(овъ)».

[22] Двойное утверждение точности события: *правда, право* (*право* — со значением 'действительно, в самом деле').

ѡловыничи (Берест. гр. 1518 г., Лит. метр., т. I, кн. 3, № 24); Жаловалъ намъ панъ Ѳедоръ Колонтаевъ тымъ ѡбычаемъ: которое именье Полоную далъ ми господарь его милость на вечность, ино того именьꙗ села моего Борятина чл҃вкъ мой згинулъ, на имя Сем(я)ндяй Андрѣевичь Куневича, зъ жоною и зъ детьми; и гинулъ тотъ чл҃вкъ неколькос(ь)надцать летъ (Слоним. гр. 1520 г., Лит. метр., т. I, кн. 3, № 169).

Многочисленны примеры с поясняемым словом, имеющим самостоятельное значение, причем в ряде случаев, как и в старорусских памятниках, первая часть предложения не представляется неполной и без поясняющей части: И мы положили рокъ князю Кильдишу — ѹ *вилею* святого Миколаꙗ, въ середѹ, передъ нами стати и тыи листы господарьскии положити (Слоним. гр. 1520 г., Лит. метр., т. I, кн. 3, № 169); змѣну подъ нами паномъ своимъ учинили, *столицу* панства Московского и людей нашихъ тамъ въ столицы будучихъ облегли, и што разъ большей ихъ до громады збираютсе (Вил. гр. 1611 г., АЮЗР, т. II, № 42); Тыхъ часовъ, мѣсяца Апрѣля 11 дня, въ обедъ, здѣсе до Орши пр҃iѣхалъ посланецъ отъ воеводы Смоленского, дворянинъ князя великого на имя Иванъ Звѣровъ, который далъ мнѣ листы зашитые, за печатьми самого князя великого, *одинъ* листъ писаный до ихъ милости пановъ радъ коруны Польской, а другiй листъ писаный до вашей вельможности пановъ радъ великого князства Литовского (Вестовые отписки Кмиты, 1573—1574 гг., АЗР, т. III, № 58); б(ж)иею силою тоу. не мало чюдо створи(с). *избито бы(с)* вои. мн(о)го мно(ж)ство кн҃зеи и боꙗръ. но и самого великаго кн҃зꙗ Свꙗцьслава оубиша (Лет. Увар., 18 об. — 19; см. также Лет. Акад., л. 181); В лѣ(т) ѧ҃ѕ ц҃ є҃і бы(с) знамение на Поръхѣ *иде* кровъ ѿ иконы ст҃ыꙗ Бц҃и (Там же, л. 61); Тогое же зимы бысть чюдо ѹ гроба. ст҃го Петра митрополита *жена* нѣкаѧ в҃ лѣ(т) без ногѹ лежала и бысть прощена (Лет. Акад., л. 149; см. также Супр. л., л. 37 об. — 38); В лѣ(т) ѧ҃ѕ ѡ҃ѻ҃н по многи нощи быша знамение *по небѹ* ꙗко столпы тог(д)а оупользнѹ снего ѹ Новѣгородѣ за стымь Бл҃гвщение(м) и засыпа дворы з лю(д)ми (Лет. Акад., л. 154); пото(м) пакъ корѡ(л) По(л)скы(и) Ꙗкгаило поча(л) кн҃зѧ вѣлико(г) Вито(в)та брата свое(г) проси(ти). рекоу(чи) брате милыи да(л) тобѣ Бг҃ъ тѹю честь добы(л) еси земли По(до)льское. оучини те(ж) мнѣ честь *даи* ми половинѹ земли По(до)льское в пѣнѧзе(х) (Лет. Крас., л. 83—83 об.); и тое (ж) зимы вода была вѣ(л)ми вѣликаѧ в Смоле(н)скѹ. *все* мѣсто была понѧла. мало нѣ дошла вода. до Покровъское горы (Там же, л. 90 об.); Пото(м) па(к) стала(с)ѧ новина *пры(и)де(т)* кн҃зь А(н)дрѣ(и) Поло(ц)ки(и) з во(и)скомъ Неме(ц)кимъ и (з) Иѳлѧ(н)ты и со всею Латыголою; и воевали и пожъгли много селъ и мѣстъ, а городо(м) Лито(в)ски(м) ничого не вчынили и ве(р)нулъсѧ ѹ свою землю (Лет.

Рачин., с. 254); И ту(т) не малое ѹчинилосѧ диво *побито* мно-же(с)тво кнзеи и боѥ(р) и самого кнзѧ Светославѧ ѹбили и сына его кнзѧ Ю(р)ѧ зрубали (Там же, с. 255 об.); В лето ≠ѕ ц мѕ. Бы(л) голо(д) велики(и) по села(м) и по городо(м) *звѣры* люде(и) еда(ли) а в городе Смоленску по мѣсту и по ѹлица(м) собаки люде(и) едали головы ру(ки) и ноги члвчые псы по ѹлица(м) волочывали (Там же, с. 271); Лѣта Бо(ж)его нароже(н)ѥ ≠а ф мв месеца ѡ(к)тѧбра і днѧ, инъди(к)та первого з овто(р)ка на середу чет-ве(р)тое годины в ночъ бы(с)ть знаменье на небеси. ѥвилисѧ столъпы свѣтлые ѥкъ ѡгонь многие ходи(ли) много збиралисѧ ѹв ѡди(н) столъпъ велики(и). и розы(ш)лисѧ ѡдны пошли на полъ-ночъ и та(м) погибли, а другие пошли на полудень и тые ѡшедъшы погибли (Там же, с. 287); Того жъ року множества страш-ныхъ и великихъ чудесъ Господь Богъ оказати рачилъ: *перуны* и грады великия, сухость, морозы маль не через все лето были у Литве (Лет. Баркул., л. 141); а потомъ на четвертой недели по святе в ночи были немилостивые страхи: *великие* дожды кгвалтовные домы подрывали, верхи позносили, яко черезъ всю тую ночъ не засыпали люде, по полямъ у пастуховъ статки градомъ побило, а въ лесе деревемъ, у князя Головчинского много стиртъ з житомъ перунъ пожогъ, по селамъ статки мало не вси побивъ градъ по полямъ (Там же, л. 142—142 об.); На томъ же сейму Варшавскомъ ничого доброго не усеймовали, бо межи панами была великая невзгода: *поляки* вотовали на Максимиліана, цесаря християнского, Литва вотовала на князя Московского, кролевая вотовала на кролевича швецкого, и затым розехалися, не постановили ничого доброго (Там же, л. 142 об. — 143); Якожъ тотъ рокъ 92 былъ урожайный: *жита*, овса, гречихи, хотя жъ неросла, але добра, пшеницу иржа побила. Цена житу была таней: *чверт* по грошей пяти, мера жита по грошей двадцати (Там же, л. 152—152 об.)[23]; Лета Божого Нарож. 1597 было Благовещеніе в пятокъ великий. Тотъ рокъ велми былъ недобрый: *были* хоробы, болести розмайтые, многие, великие; зима была люта, снежна, на санехъ ездили по святе Велебномъ недели две (Там же, л. 155); И святыи Афанасіе, папа Александреискыи, сказуеть, яко Жидова у граде Вирите надъ иконою Хрістовою поруганіе чинили, и якые чуда отъ нея были: *кровъ* и вода вышла изъ дощки образа Хрі-стова, и исцеленіе стало велико хоримъ, мажущимся кровию тою (Спис. пр. лютеров, с. 67—69); Мы бо на три части креста Хрі-стова разумѣемъ: *ино* есть креста образъ, ино деяніе креста, [и ино слава креста] (Там же, с. 81); ѠЖнаѧ пани с того была велми смутна и пошла къ Либруну и рекла: Дождали есмо жа-лости и легкости: *прыехали* два рыцеры, а стали передъ городомъ,

[23] В примере два бессоюзных сложных предложения, в которых вторая часть поясняет первую.

а шлют ко мне говоречы: Выиди вон из града, имаэт с тобою ѡдинъ з насъ любовъ мѣти (Пов. о витязях, с. 124); Были тыи то стопни дивною справою ве ми мисте не справлены, *пе вы стопе* бы зъ аматисту, втори з змарагдѹ, трети з топазиана, четверты з кгранату, шаты зъ адаманту, шосты з зчирого золота, семы цеглою положоны (Александрия, с. 73).

Видо-временны́е соотношения глаго́лов-сказуемых в бессоюзных предложениях, в которых вторая часть поясняет первую, многообразны, тем не менее можно говорить о господстве такого соотношения, когда и в первой и во второй части глагол-сказуемое (как правило, совершенного вида) имеет форму прошедшего времени.

В живой диалектной белорусской речи бессоюзные сложные предложения, в которых вторая часть поясняет первую часть, чаще употребляются тогда, когда в первой части есть числительное, местоимение, наречие, т. е. слова, не обозначающие определенный предмет, вследствие чего необходимо раскрыть их содержание (иногда эта необходимость как бы подчеркивается постановкой *вот*, см. примеры: Гродненская обл., с. 126 и с. 155) [24]: Ло́в'им удвайо́х: адз'и́н стайи́ц' пас'аро́д и дз'аржы́ц' за кан'е́ц, а друг'и́ заграба́йиц' (Витебская обл., с. 8); Йе́тый стаў по́зна гъвар'и́ц: тр'и гады́ було́ (там же, с 38); Вот йак до́бра ц'ап'е́р раб'и́ц' у калхо́с'а: саб'е́ ўсе ра́зам, ско́ра и до́бра (Гродненская обл., с. 126); Агаро́т вот ба́чыц'а йак'и́: гуро́чн'ик ужо́ вял'и́к'и, ал'е́ гурцо́ў н'ама́ йашче́ (Там же, с. 155); Засталос'я йх дво́йа: адна́ ку́рачка, а друг'и́ мо́жа и п'атушо́к (Минская обл., с. 186); Было́ у м'ане́ тро́йа дз'яц'е́й: дз'в'е' дачк'и́ и адз'и́н сын (Там же, с. 186); По-мо́йму так: йак раб'и́ц', дак раб'и́ц', шчы́ра (Там же, с. 193); (Там же, 193); У на́шого отца́ було́ с'е́м'еро дз'ец'е́й — тры́ браты́ и чаты́ры с'естры́ (Гомельская обл., с. 250); Тап'е́р ко́н'и зан'а́ты, во́з'ат жы́то калхо́зне, пшен'и́цу, йечм'е́н' (Брестская обл., с. 281).

Приведем несколько примеров из белорусского фольклора, в которых вторая часть бессоюзного сложного предложения поясняет, раскрывает содержание первой части [25]. Ранейшае жыццё было такое: ураднік забярэ, суддзя абдзяре, гандляр абкрадзе (с. 35); Лён расце двойчы: раз на полі, а другі — на сцелішчы (с. 39); Багаты — рага́ты: усё глядзіць, каб каго збіць (с. 50); Дажіліся нашы бра́ты: ні хлеба, ні хаты (с. 53); Ядзім хлеб траякі: чорны, белы і ніякі (с. 66); Зямелька—матка наша: і корміць, і поіць, і адзявае нас (с. 80); Ажаніцца — не ўпасці: не ўстанеш, не атрасешся (с. 131); Багаты Аўдзей: поўна хата дзяцей (с. 131); Хароши сынок: бацька тапіўся, сын глядзеў

[24] Примеры из записей, помещенных в кн.: «Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі».

[25] Ф. Я н к о ў с к і. Указ. соч.

і не бараніў, бо ў новых ботах быў (с. 151); Жадаю табе разам трое: шчасця, долі і здароўя (с. 376).

В связи со сказанным выше особый интерес представляют примеры 1, 2, 5 и 9, в которых вторая часть бессоюзного сложного предложения является совершенно обязательной, поскольку необходимо разъяснить, на что указывают слова *такое*, *двойчы*, *траякі*, *трое*. Отметим, что все приведенные слова стоят в самом конце первой части бессоюзного сложного предложения.

Бессоюзные сложные предложения, в которых вторая часть предложения поясняет, раскрывает содержание первой части, широко представлены в различных жанрах староукраинской письменности. Особенно многочисленны случаи употребления этих предложений в памятниках полемической литературы.

Приведем ряд примеров, в которых вторая часть предложения раскрывает, на какой предмет, явление указывает местоимение или образованное от местоимения наречие в первой части:

Володимеръ же кнѧзь оуказалъ бѧшеть свои воеводамъ тако. *Василкови* и Желиславоу. и Доупаеви не распѹщати воеватъ но поити всимъ к городоу (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 294 об.); Берестьяни же. началницѣ коромолѣ. бѣжаша по Юрьи. до Дорогичина. цѣловалъ бо к нимъ крътъ на томъ *не выдамъ* васъ стрыеви своемоу (Там же, л. 306); Кто сут лжепророци? То ест пастыри и наставници. Яко же их велиш устеречи? Ото так: *если* и в одежди овчей и смиренной приходят, але от зубов волчих познаете их; от мудрования праваго или сопротивного зрозумѣете их; от новин и вымыслов, от себе, а не от закона, изнесеных, явны будут вам, а до того и от жития, нехристиянски проходячого, ощупаете их (Виш. Книжка, с. 63); А коли их познаемо, што нам подобает учинити? Тое: *внимати* собѣ от них, не слухати их, ниже послѣдовати им (Там же, с. 63); Яко же до того пришел? Ото так, повѣм ти: *рѣчьми* сладкими и бесѣдами прельстил девицу и тѣм словесным похлѣбством цноту девицы ведоме украл (Виш. Ответ Скарге, с. 135); Але, приступуючи <отступницы>, о Никифорѣ такъ ся стало: *домогалися* у пана воеводы Кіевского, абы Никифора яко здрайцу выдалъ, повѣдаючи, же Янѣй его поволываетъ, ижъ онъ отъ него былъ зъ листы посланый за границу (Переторога, с. 217); А тымъ часомъ, оны два привели патріарха на то: *удаючи* себе, же оны хотятъ исправитися, а на иншихъ розные и великіе вины повскладали и намовили патріарха, же злѣтивши епископу Луцкому дозоръ собору, самъ поихалъ до Волоховъ, тоей надѣи будучи, же митрополитъ южъ оные первшіе листы въ рукахъ своихъ маетъ (Там же, с. 208); Таковъ есть промыселъ Божіи съ початку свѣта о человѣческомъ родѣ нашомъ: *завжды* справедливыхъ людей напротивъ несправедливыхъ выставляетъ (Там же, с. 228); Бовѣмъ Константинъ предъ смертю своею роздѣлъ царства своего сыномъ тромъ такой учинилъ: *Константіеви* далъ Константинополъ и весь востокъ, Константинови — Францію и Вретанскіе

островы ажъ до Вечернего Окіана, а Констансови — Римъ, Влохи, Венетію и низшую Галлію (Палин. Копыст., с. 324—325); А штожъ была за вѣра? Тая: *ты* естесь Христосъ Сынъ Бога живаго (Там же, с. 343); А напродъ описаніе патріархи таково естъ: *патриарха* естъ Христовъ живый и одушевленный образъ, дѣлы и словы въ себѣ выображаючій правду (Там же, с. 1151); <Ад>: И тепер я тим клопочу голову свою: *Бою ся*, жеби мнѣ не бути в неволи с тобою (Сл. о збур. пекла).

Особого замечания требуют примеры: Пересторога, с. 228, Палин. Копыст., с. 324—325, с. 343 и с. 1151. В них не просто раскрывается значение местоимений, но через вторую часть предложения, относящегося к этим местоимениям, поясняется, уточняется значение существительного: промыселъ Божіи (Пересторога, с. 228); розделъ царства (Палин. Копыст., с. 324—325); вѣра (Там же, с. 343); описаніе патриарха (Там же, с. 1151).

Мы отметили в старорусских и в старобелорусских памятниках случаи, когда наречие или местоимение отсылает к предыдущему тексту, устанавливая сходство сказанного дальше с этим предыдущим текстом.

Такие же примеры находим и в староукраинской полемической литературе (ср. с примерами из писем Ивана IV, Курбского, протопопа Аввакума, из Списания против лютеров): Не все бо пшеница в посѣяню ся знаходит, але знайдеш другую ниву, которая болшей куколю, нижли пшеницѣ народит. Також и межи иноки: *в доспѣянню* на звытяжство того чрева мало их ест (Виш. Книжна, с. 38); А если признали, яко церковь восточная матка есть, чем же той сын маткин с костелом римским над матку свою, церковь восточную, старшим чинит? Не явная ли то есть ложь? Не прирожение ли учиш? Яко старшая — матка от детей; перво матка, потом детищь. Так же и тут: *перво* восточная церковь благовѣрием ся о Христѣ основанна, потом сына — римский костел породила (Виш. Ответ Скарге, с. 158); И мовите: гды пришолъ патріархъ до панства тутошного, учинилъ у людехъ только якоесь братство, и поповъ и казнодѣевъ наставилъ. И Христосъ также учинилъ: *архіереовъ* обличивши и люды до себе собравши и учениковъ, змежи нихъ учительми починилъ. Такъ и патріархъ, обличивши митрополита Кіевского Онисифора, двоеженца, и Тимоѳея Злобу архимандрита Супрасльского о убийства судилъ, а митрополита Михаила посвятилъ, и листами унѣверсалными всюду кождого злость обличилъ и на судъ зготовилъ (Пересторога, с. 222).

Интерес представляют многочисленные примеры употребления в староукраинских памятниках сочетания *то есть*. Л. А. Булаховский говорит о нем в параграфе о пояснительных союзах и отмечает: «У старому письменстві (в канцелярській мові XVI—XVIII ст.) іноді зустрічається також з етимологічного боку ясне *то єсть*, напр.: „. . .за которую сумму пустили єсьмо ему в спокойное уживанье маетности пана Грузевича, *то єсть*, чотыри

села, Бугаювку, Берковo. . . Масаны и Борщовку. . .“ (унів. гетьм. Хмельницкого, 1655 р.)» [26].

Встретившиеся нам случаи с этим сочетанием свидетельствуют о том, что *то есть* в роли союза встречается не только в деловой письменности и что *то есть* может выступать еще и не в роли союза.

В памятниках конца XVI в. — первой четверти XVII в., преимущественно в произведениях религиозно-полемической литературы, широко распространено употребление сочетания *то есть* в роли пояснительного союза при поясняющих или уточняющих словах [27]. Обычно поясняется имя существительное, но в отдельных случаях поясняются и другие знаменательные части речи. Может пояснятьcя незнакомое неукраинское слово, тот или иной троп из книг священного писания, неясный читателю, может не только поясняться, сколько уточняться сказанное ранее.

Приведем несколько примеров из различных памятников с союзом *то есть* при поясняющих или уточняющих словах: пла(т)я белого того(ж) часу побрано, то єсть: кошу(л) хлопскихъ коле(н)скихъ — чотыри, коштовали копъ две гроше(и) литовски(х), просты(х) кошу(л) — десе(т), коштовали копъ по(л)торы гроше(и) ли(тов)скихъ, убра(н)я полоте(н)ны(х) — шєстеро, коштовали копу грше(и) ли(тов)скихъ (АКЖ, Акт № 65); Так вѣдайте, не только очи здоровые ока гнилого усмотрити и осудити могут и власт имают, але и само тѣло церковное, то ест простые християне, по Христову гласу сквернoначалника изверечи, осудити и прокляти власт имают, да не с тым блазненым оком, или пастырем, в геенну внийдут (Виш. Книжка, с. 75); Ато чему? Для того, иж истинна в них сѣдит, для того, иж бранты: золото, срѣбро, камѣня дорогое, то ест щирост, суд и правда, в них царствует (Там же, с. 90); А если кто во земном небеси, то есть в церковном согласии и единости, не снуется и зиждет, тот в небесном царствии и мешканию вѣчному жития и обители вѣчной имѣти не может (Виш. Ответ Скарге, с. 140); А потомъ, яко бы на Флорентскомъ соборѣ, предъ полторасты лѣты, то есть, по року тысячномъ чотыраста пятдесятъ девятомъ альбо десятомъ згоду съ собою учинити мѣли (Пересторога, с. 204); и овшемъ самовластнѣ до Острога, по приватной справѣ своей альбо потребѣ пріѣхалъ, то есть, для науки дѣтокъ (Там же, с. 216); Въ книгѣ I, [ре] тракт, гл. 21,

[26] Л. А. Булаховский. З історичних коментаріїв до української мови. Сполучники і сполучні групы (речéння). Синтаксичні особливості при них. «Наукові зап. Київського державного університету», 1946, т. V, вып. 2, стр. 40.

[27] Такое употребление находим и в старорусских памятниках. Приведем пример из картотеки «Древнерусского словаря XI—XVII вв.»: Флорида область новой Гишпании, то есть Нового свѣта, имя имеет потому, что надвѣчное воскресение найдено (Космография 1655—1667 гг. по списку 1670 г. — «Книга, глаголемая козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих». СПб., 1878—1881, стр. 413).

иншую теды речь сей учитель розумѣлъ значити имя «Петръ», а иншую имя «пе́тра», то естъ камень (Палин. Копыст., с. 381); И зась тамъ же Петръ Сына божія вызналъ, а для того блаженнымъ естъ названъ. Объявленье то естъ отцевское, то естъ церкве фундаментъ, то естъ безпеченство вѣчности (Там же, с. 346); Іеронимъ св. (въ выкладѣ на главу св. Ісаіи пророка): «той, мовитъ, домъ, то естъ Церковъ, збудованъ естъ на фундаменте апостоловъ и пророковъ» (Там же, с. 365); Были, заправды, и иншіи овцы, то естъ погане, але тыи не были зъ овчарни Христовы (Там же, с. 434); Къ тому придаю и то, же килка оказій, то естъ причинъ подавалося Іисусу Христови Петра по собѣ одного самого пастыремъ головнымъ и найвышею въ Церкви головою быти показати (Там же, с. 461); Ижъ патріархове и всѣ заровно епископове суть всѣхъ апостоловъ сукцессорами, то естъ наступниками (Там же, с. 506—507); Поневажъ одно всѣ епископство маютъ, одну церковъ, одно стадо, которое вси обще, якъ одинъ пастыръ, пасутъ, то естъ радятъ нимъ и справуютъ (Там же, с. 521).

Крайне редко союз *то есть* присоединяет придаточное предложение. Следует предварительно заметить, что эти сложные предложения (с придаточным, поясняющим главное предложение) в еще большей степени, чем в современном русском языке, где сохранился союз *то есть*, близки к сложносочиненным, однако, как мы полагаем, не являются ими. Вторая часть интересующих нас предложений находится в зависимости (она подчеркнута употреблением пояснительного союза) от первой, независимой, части, следовательно, имеет место подчинение, а не сочинение. Поэтому А. М. Пешковский с полным основанием рассматривает пояснительные союзы (к ним автор относит *то есть*, *не то что*, *не то чтобы*, *именно*, *как-то*) в главе «Подчинение предложений» [28].

А. Г. Руднев предлагает для предложений с пояснительными союзами специальный термин придаточное приложение, сближая тем самым придаточное приложение с обособленным приложением.

Поскольку в группу придаточных приложений включаются А. Г. Рудневым и примеры, далекие по своей структуре от примеров с союзом *то есть* [29], мы предпочитаем употреблять термин придаточное пояснительное предложение.

Приведем встретившиеся нам примеры с придаточным пояснительным предложением: <поганинъ. . .позволилъ> дань певную, то есть, по червоному от особы давши, вольнѣ не только небоженства, але и ремесла съ кгрунтов, съ которыхъ поживеніе маетъ хто,

[28] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 486—487.

[29] А. Г. Руднев. Синтаксис современного русского языка. М., 1968, стр. 278. — Напомним, что термин придаточное приложение был употреблен А. А. Шахматовым, но в несколько другом значении, чем у А. Г. Руднева, с примерами на приложение, предшествующее господствующему слову (см.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Редакция и комментарии Е. С. Истриной. Изд. 2. Л., 1941, стр. 280—281).

абы заживалъ каждый (Пересторога, с. 205); Которые послове отъ православныхъ идучи за тыми езуитами, вездѣ свѣдчилися и оповѣдали, же жадное згоды не учинили и овшемъ митрополита и владыковъ отступныхъ у клятву вложили, то есть протосинкгель патріаршій ихъ отъ духовныхъ врядовъ водлѣ права духовнаго обнажилъ (Там же, с. 214—215); Уважай же, ижъ Павелъ одину толко причину мѣлъ до Петра ити, то есть абы познался зъ нимъ (Палин. Копыст., с. 459); Била погода, да воєвода Руський знать війську даєть, То єсть о хані і о гетьмані Королю ознамляєть (Дума о Берест. звыч.).

В предпоследнем примере, кроме союза *то есть*, имеется еще и союз цели *абы*.

Наряду со случаями, когда сочетание *то есть* является неразложимым целым, выступает в роли союза, находим и случаи его употребления в своем исконном значении — как местоимения и согласованного с ним глагола.

Отметим в первую очередь примеры, относящиеся к теме нашей работы, т. е. примеры с бессоюзными сложными пояснительными предложениями: А то є(ст) меновитє сторона: [*А*](*н*)*дрея* Чєкановского пострєлили <,>, а боя(р) єго м(л). Яцка Малашешевича на сме(рт) з ручници пострели(ли) и забили и тѣло єго до себе взяли, а А(н)дрея Бєрезниковича на выле(т) с пу(л)гагу проби(ли), с которого пострєле(н)я и смерть принялъ (АКЖ, Акт № 61); Григорий Богословъ: «Мудрость правдивая то естъ: *пробачати* мудрость, которая в словахъ и въ стосованью мовы належитъ. Не той бо мне, который в' словахъ мудръ, мудрымъ есть; ани тотъ, который языкъ маетъ вымовный, а душу ненаучену, яко гроби зверху оздобне украшены, а внутръ смроду полны» (Отв. клир. Острож., с. 378); Что ест «внийдут»? То ест: *силою*, помощию, хитростю, человѣкоугождением и лихоимством влѣзут, вдерутся, вкрадут и втиснут кгвалтом в началство (Виш. Книжка, с. 76); Будование того роду то есть: *будует* Скарга Вавилон — Рим; становит и именует Науходосором короля польскаго; Навходоносор ставит выше своего достоинства одушевленнаго идола папу; посылает проповѣдники езувиты, абы все поклонилися папѣ (Виш. Ответ Скарге, с. 141); «. . .Надо всѣми же восприемше щит вѣры, в нем же возможете вся стрелы лукаваго раждеженныя угасити и шлем спасения восприимете и мечь духовный, еже есть глагол божий». То есть первый знак правдивое церкве божие: *на ню* вставичная борба от лукавых духов и знак им послѣдуючих человѣк (Там же, с. 144).

Во всех приведенных нами примерах, как и в некоторых названных нами ранее (Пересторога, с. 228, Палин Копыст., с. 324—325, с. 343 и с. 1151) с местоимениями *таковъ*, *такой*, *тая*, *таково*, через посредство местоимения *то* вторая часть бессоюзного сложного предложения раскрывает, уточняет значение существительного (АКЖ, Акт № 61, Отв. клир. Острожского, с. 378, Виш. Ответ Скарге, с. 141, с. 144), глагола (Виш. Книжка, с. 76).

В сходном примере части сочетания *то есть* отграничены друг от друга благодаря тому, что включена частица *бо* и местоимение *их*: То бо их есть и ремесло: поганское науки баснословием, орациями, похвалами и похлѣбствы смачными слабоумных и ненаказанных прельщати (Виш. Ответ Скарге, с. 135).

В «Книжке» И. Вишенского находим ряд примеров с сочетанием *то есть* в простом предложении без поясняющих слов, являющихся приложением к предыдущему слову. Это подтверждает справедливость положения: *то есть* употреблялось в конце XVI—первой четверти XVII в. и как союз, и как местоимение с согласующимся с ним глаголом.

Приведем несколько примеров: Что ест «внемлѣте себѣ»? То ест «стережѣтеся». От кого? От лжепророк. Кто сут лжепророци? То ест пастыри и наставници (Виш. Книжка, с. 63); Что <ест> — «волци тяжци»? То ест: начальствуемые мнимые пастыре, дрепежници, лихоимци, идолопоклонници сребролюбия и невѣрием еретици (Там же, с. 76). Рядом сходные примеры, в которых на месте *то* стоит *се*: . . . но «соборное послание Петрово». Что же ест «соборно»? Се ест: не единой части, странѣ или языку рымскаго предѣла, но многым (Виш. Книжка, с. 105); Что ест тля? Се ест изчезновение, безплодная жизнь, свинское питание и скотское несмыслство о будущих (Там же, с. 113); Что ест дух? Се ест чистота, пост, воздержание, молитва, внимание, память божия, боязнь суда, мысль смертная (Там же, с. 113—114).

Бессоюзные предложения, в которых поясняемое слово имеет самостоятельное значение, встречаются в староукраинских памятниках еще чаще, чем предложения, в которых раскрывается, на какой предмет, явление указывает местоимение или образованное от него наречие.

Приведем примеры из памятников различных жанров: и посемь вложи Бъ̄ во ср̂це. мысль блг̄оу кнд̄зю володимерови. *нача* собѣ доумати. абы кде. за Берестьемь поставити городъ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 290 об. — 291); Того жъ року саранча барзо великая на усей Украинѣ была и барзо шкоди великіе починила, *збожя* поз'едала и трави, же не било гдѣ сѣна косити (Лет. Сам., с. 17); Але еднакъ гетманъ Хмелницкій собою не звонтпилъ: *далъ* добрій бой обомъ тимъ войскамъ коронному и литовскому, же оныхъ много пало, и от козаковъ трудность великую о водѣ мѣли, а от орди о живность за-для коней (Там же, с. 27) [30]; Тамъ же князь Долгорукій мѣлъ потребу того лѣта с Чернецкимъ, але розная война была: *Могилевъ*, воеводу убивши, ляхомъ поддался, и такъ же и Вилня учинило (Там же, с. 62); Итакъ юже гетмановъ два козацкихъ справовало: *одинъ* на королевскую руку,

[30] С. П. Бевзенко относит этот пример к бессоюзным сложноподчиненным предложениям причины (С. П. Бевзенко. Спостереження над синтаксисом українських літописів XVII ст. «Наукові зап. Ужгородського державного університету», 1954, т. IX, стр. 237.

а другій на московскую руку, и Запорожже при его царскомъ величеству держалися (Там же, с. 90); Того жъ року орда барзо шкоди много начинила по за Днѣпромъ, по самий городъ Киевъ: *людей* побрали, порубали купцовъ коломийцов (Там же, с. 164); Трудно ся убогому человѣку поживати, поки до нового. А въ новое тежъ малая была утѣха: *жита* рвали и за диво единъ щобъ обачивъ хто снопъ жатый: бо тои весны три мѣсяцы не было дожду (Хм. лет., с. 78); А гетманъ ихъ <ляховъ> облюгъ, бо войско мѣлъ потужное: *козаковъ* было по пять сто тисячей, а татаръ с царемъ ганомъ и беемъ было по три кроть сто тисячей (Там же, с. 80); Шестьдесятъ епископовъ а полтораста призвитеровъ, синкгеловъ, протосин'кгеловъ и діаконовъ в' темніцахъ замкнувши, розмаитые мукы задавали: *одныхъ* голодомъ пятнадцать день морили, иншихъ огнемъ пекли, другихъ душили, давили (Ист. о Флор. соборе, с. 464); Або яко пилный господаръ стережетъ: *на которой* землѣ которое насѣнье лѣпше ся родитъ, тамъ оное и роз'сѣваетъ (Отв. клир. Острож., с. 385); Бы далъ Богъ отцу владыце побывати въ Кримѣ, въ Перекопѣ и у Очаковѣ, обачилъ бы тамъ, яко Русь, Москва, Грекове, Поляцы, Влоши, Нѣмцы — всѣ неволницы: *байрамъ* Татарскій одностайне съ Татарами обходити по неволи мусятъ (Там же, с. 408); Се естъ пръвая причина того клобука. Вторая причина: *посромочуетъ* красоту и пестроту мираугодных и красоту любячих своею шпетностю и нѣкчемностю (Виш. Книжка, с. 26); За тым пораду вам, православным, даю: *поревнуйте* по своей благочестивой и православной вѣрѣ, и найболше по своем спасении, жебы бѣг живота вѣка сего в забавѣ ходатай вам был спасению, а не погибели (Виш. Зачапка, с. 177); Заразъ теды двоѣ непріязни наступили: *одна* отъ пана гетмана на пана воеводу Кіевского, другая отъ строптивыхъ владыковъ на протосинкгела (Пересторога, с. 217); а за тымъ церкви Божіи зъ ихъ окрасами на лупъ приходили: *золото*, сребро и оное дорогое каменье и книги забрано, яко то на око обачишъ (Там же, с. 204); Учителе церковныи отмѣну имене въ Сѵмонѣ на имя Петра уважаютъ двояко: *едни* взглядомъ самой отмѣны просто и отдѣльне; другія — взглядомъ значенья, иле до фундаменту и овой обѣтницы «на томъ камени збудую церковь мою» (Палин. Копыст., с. 388); И стался декретъ первому подобный по Цеціліану. Отъ которого Донатове, якъ и отъ первого, зась до Константіна цесаря аппелловали. Который аппелецію ихъ и тую принялъ: *самъ* за нею справу тую судилъ, Донатистовъ винними быти декретовалъ, а Цеціліана невиннимъ (Там же, с. 599); Речь правдивая: *Фотій* волѣлъ въ безмолвномъ монастыру живота докончити, нежели на столици патріаршеской седѣти (Там же, с. 755); Стецко:. . . тась и здрадил Мене в торгу: *котась* всадзіл В міх, та, же лисіцю маеш, Казаў-ес, що ю продаеш (Инт. Гаватовича); Динис; Ось бѣда: *зійсти* казалі Пирог, та ся розгнівалі! (Там же); Люципер (мовит до святого Іоана Хрестителя): А за тое им обфитную ласку покажу: *Не єдного* в огонь пекелнїи усажу, и покажу им за тое

обфитную ласку, Не єдин бо им дам килиф пекелного кваску (Сл. о збур. пекла); Ад (до Люципера мовит): Моя рада такая И голова старая: *Душѣ* Христовой не берѣте Анѣ єи стережѣте, Щоб для єдного Не утратити много (Там же); — Що, небож хане, як знаєш стане Лях по Пилявецькому: Не утекаєть, от наступаєть к бунчуку юж ханському (Дума о Берест. звыч.).

Как и в старорусских и в старобелорусских памятниках, видовременны́е соотношения глаголов-сказуемых в староукраинских памятниках весьма многообразны. Чаще всего и в этих памятниках глагол-сказуемое в обеих частях предложения стоит в форме прошедшего времени.

Заканчивая рассмотрение бессоюзных сложных предложений, в которых вторая часть предложения поясняет, раскрывает содержание первой, приведем несколько примеров из живой украинской диалектной речи [31]: мойá лáнка следи́ла за кóжним бураком || опóл'ували | перес'і̂екали по п'йат' раз на л'і̂ето | проривáли по два рáзи || (Ровенская обл., с. 260); алé й урожáй буў на слáву || з гектáра уз'алú по п'йаццóт мéтроў бураќў || (Там, же, с. 260); до войнú багáтий буў наш колгóсп | дв'і машúн'і булó | пáс'іка булá дýжə вəлика | (Днепропетровская обл., с. 294).

Бессоюзные сложные предложения со значением следствия во второй части

Основная характерная особенность бессоюзного сложного предложения следствия, как и соответствующего сложноподчиненного предложения, — постпозиция части, указывающей на следствие, результат действия, о котором говорится в первой части.

Смысловые связи обеих частей бессоюзного сложного предложения следствия (действие — результат) весьма отчетливы. Показательны в этом отношении примеры из грамот, в частности из берестяных [32].

В старорусских памятниках не происходит значительных изменений в структуре рассматриваемого бессоюзного предложения. Можем отметить только, что выходят из употребления бессоюзные сложные предложения, в начале второй части которых стоит *а* (но *и* в значении усилительной частицы встречается чаще, чем в памятниках XI—XIV вв.), что сами предложения становятся более компактными, что в некоторых произведениях, в первую очередь в сочинениях протопопа Аввакума (примеры из этих сочинений приводим отдельно), бессоюзные сложные предложения следствия

---

[31] Записи помещены в кн.: Ф. Т. Жилко. Указ. соч.

[32] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 60—63; Он же. Бессоюзное сложное предложение в берестяных грамотах. «Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Slavica Pragensia», IV. Praga, 1962, стр. 277—278.

использованы с определенными стилистическими заданиями[33]: землѧ готова *надобь* сѣмѧна (Новг. берестяная гр. начала XV в. Арц., № 17); а слобо д и се кнзи великие. съступилисѧ великому новꙋгородꙋ. *на новогороскои* зели м се не ставити (Новг. гр. 1471 г. Шахм. О языке, № 20); в шевцеви пожнѧ рѣпѣще. пониже фомины ꙋрамои земли и пожни. кутець весь и с притеребомъ. то ми с федомъ (вместо *федоромъ* — *В. Б.*) по половинамъ. и заложили есмѧ ту пожню с федоромъ. петру родивонову въ .л. бѣлах до кунъ. *и вы* выкупите ее стму николи (Двинская духовная гр. XV в. Шахм. Исслед., № 7); С рожества же Христова снегов было вельми много и мразы велики зело, *в дорозех* люди помирали (Летописец 1619—1691 гг., л. 732 об.); И тое государеву грамоту он святитель, пришед в соборную церковъ, велел сохранить; *и ныне* та государева грамота в соборной церкви (Лет. сказ. Петра Золотарева, л. 64); И язъ такие досады стерпѣти не могъ, — *за себя* есми сталъ. (Письма И. IV, с. 121); А кто у царя противъ недруга крѣпко стоит, играет смертною ігрою, полки недруга разрываетъ, вѣрно служитъ, хотя от меншаго колѣна, і онъ его на величество поднимаетъ, і имя ему велико даваетъ, и жалованія ему много прибавливаетъ, *ростит* сердце воинникомъ своимъ (Пересветов, с. 76); И Дружнева рече старцу: «Что ты старец, меня смущаеш? Государь был Бова велми лепообразен; *от Бовины* бы красоту во всю конюшню осветила (Сказ. про Бову, с. 464); а чево безхитростно или недогаткою, или неразꙋмиемъ не гораздо здѣлалъ или попортилъ што, и в томъ словомъ наказати передо всѣми *все* бы того береглисѧ и вины ѿдати (Домострой, с. 57); а входъ у тѣхъ палатъ сдѣланы по стѣнкамъ, *можно* человѣку идти со пшеницею, одному сверхъ идти, а другому де напротивъ (Пут. Гагары, с. 118); А Турецкіе воеводы въ нихъ не живутъ: *стоятъ* тѣ палаты пусты и донынѣ (Там же, с. 118); И Божіею благодатію не смѣяше трапезѣ прикоснутись, *стоить* цѣла и донынѣ (Пут. моск. купцов, с. 145); Ты кесарь, ты король, ты князь, ты арцухъ, ты градъ, ты вольной господинъ, ты шляхта, ты помѣщикъ, *вамъ* быти государемъ (Уч. и хитр. ратн. стр. 24—25); Ин же чюдеса и того дурнее вопиет: яз вас всех пьяние был, пришед домов, жену свою перебил, детеи своих розгонял, суды все притоптал, *не ис чего* стало пити, ни ести, и купити нечем (Сатиры о пьянстве, с. 74); и чють он архимарит монастырь не запустошил, *некому* впредь заводу заводить, чтоб пива наварить и медом насытить, и на достальные деньги вина прикупить и помянуть умерших старых пьяных (Там же, с. 119); «Господине окуне, не пригожуся я в понятых ити, брюхо у меня велико, *ходить* не могу, и глаза у меня малы, *далече* не вижу, губы у меня толсты, *говорить* не могу» (Пов. о Ерше, с. 149); Ананїа з Сапѳирою солгали и *оба* пропали (Пословицы XVII в., л. 323); Повадился кꙋвшинъ по водꙋ ходить *та* м ме і голова поло-

[33] Выделяем курсивом первое слово во второй части предложения.

жить (Там же, л. 366); Бздил Емеля *еще* ждать ево недѣля (Там же, л. 381); ты члвкь доброі *так* тебѣ добрые люди и надобѣ (И. С. Ларионову от И. Хованского, 1694 г. — Источники XVII—XVIII вв., № 3, с. 64)[34]; грязно *санми* ѣхатъ не можемъ (Лудольф, с. 55); моѧ памѧть не добра, *трѫдно* мнѣ изъ ѓстъ ѓчитъ сѧ (Там же, с. 67); Рихар(дъ): Б(о)гъ далъ всего здѣ полно *есть* у чего веселится (Разговорник 17 в., с. 26); Д(а)в(ы)дъ: Мы не хотимъ фонаря, на н(е)бе свѣтло, *намъ* не надобен фонарь (Там же, с. 39).

Приведем примеры из сочинений протопопа Аввакума: Говорить о том полно; в день века познано будет всеми; *потерпим* до тех мест (Аввакум, Житие, с. 57); Возвратилося солнце к востоку сиречь, назад отбежало, и паки потече, *и бысть* во дни том и в нощи тридесеть четыре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло (Там же, с. 57); Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; *и бысть* по воли божии тако (Там же, с. 60); Он же бросил ея (пищаль.— *В. Б.*) на землю и из другия паки запалил так же, *и та* пищаль не стрелила (Там же, с. 61); И я сопротив тово: «чюдно! давеча был блядин сын, а топерва — батюшко! Большо у Христа тово остра шелепуга та; *скоро* повинился муж твой!» (Там же, с. 63); И я поднял и положил ево на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, *и бысть* здрав (Там же, с. 63); А напоследок, по многом страдании, изнемог бедной, — *принял* три перста, да так и умер (Там же, с. 65); Он ее пищаль на землю и бросил. Малой, подняв, на сторону спустил; *так* и выстрелила! (Там же, с. 81); Я ему про вечерни и завтрени сказал, *и он* и стал так делать (Там же, с. 91); И в нощи против вторника прииде к нему муж во образе моем, с кадилом, в ризах светлых, и покадил ево и, за руку взяв, воздвигнул, *и бысть* здрав (Там же, с. 97); Простите, — еще вам про невежество свое побеседую. Ей, сглупал, отца своего заповедь преступил, *и сего ради* дом мой наказан бысть; вни[май] бога ради, како бысть (Там же, с. 110); Аз же крестом ея благословя, и с тех мест простил, *и бысть* здрава душею и телом (Там же, с. 119); А та землица без аманатов и досталь запустела, *государевым* людям быть не у чево, лише государеве казне напрасная проторь (Аввакум, Письма, с. 191); Несть мы лутши древних мученик и исповедник — *добро* так нам валятися на земли (Там же, с. 198); Марья Герасимовна! Не перекуйте же вы пред старицею тою Евдокеею тою: она ведь ангельский чин содержит, а вы веть простые бабы, *грех* вам пред нею перековать (Там же, с. 214); Разве пост соборной, среда и пяток, — *и вы* ягодок или медку за любовь Христову положите, да и меня поминайте: я люблю мед-от (Там же, с. 251).

Во многих приведенных выше примерах вторая часть предложения начинается союзом *и*, имеющим, как нами отмечено выше, значе-

---

[34] Благодаря употреблению частицы *так* подчеркивается значение следствия как результата сказанного в первой части предложения.

ние усилительной частицы. Мы полагаем, что соединительный союз *и* (а также и союз *а* в роли соединительного союза), хотя и занимает позицию подчинительного союза, не подчиняет одну часть предложения другой части: значение следствия, результата возникает исключительно на основании последовательности частей предложения и смысловых связей, союз не несет на себе этого значения и только помогает установлению границы между частями сложного предложения. На основании изложенного примеры с *и*, *а* мы и привели в работе о бессоюзных предложениях.

В древнерусских грамотах [35], а также и в старорусских грамотах (см. приведенные выше примеры) сказуемое второй части рассматриваемого бессоюзного предложения обычно выражается повелительной формой глагола или инфинитивом, таким образом, действующее лицо побуждается к исполнению действия, подчеркивается необходимость, обязательность его выполнения. В примере из Новгородской берестяной грамоты № 17 с тем же значением необходимости, обязательности выступает модальное слово *надобь*.

Однако в грамотах мы не находим преобладания повелительной формы глагола и инфинитива в качестве сказуемого второй части предложения. Если сказуемое выражено не повелительной формой или инфинитивом, то из факта наличия определенного порядка в прошлом или в настоящем, того или иного события, действия делается вывод, к какому следствию, результату это привело, приводит, приведет, привело бы.

Отметим, что в сочинениях протопопа Аввакума преобладают примеры с формами прошедшего времени, поскольку в «Житии» идет повествование о событиях, имевших место в прошлом. Примеры с другими глагольными формами находим преимущественно за счет «Писем».

Интерес представляют случаи, когда в роли сказуемого выступает модальное слово (об одном примере — с *надобь* сказано выше). Имеем в виду примеры из писем протопопа Аввакума, где употреблены модальные слова *добро* (стр. 198) и *грех* (стр. 214). Модальные слова дают оценку действия как следствие, результат факта, о котором сказано в первой части [36].

Как нами отмечено выше (стр. 12), в труде Е. Ф. Карского «Белорусы» особенно много (по сравнению с другими бессоюзными сложными предложениями, сопоставляемыми со сложноподчиненными) показательных примеров на предложения вывода, следствия из сказанного ранее. Без союзов приведены лишь два примера (один из старобелорусского памятника, другой—из диалектной

---

[35] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение, стр. 62.

[36] Ср. примеры с модальными словами, приведенные А. Б. Шапиро из русских говоров (А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953, стр. 56; там же (стр. 55—57) ряд других примеров с бессоюзными сложными предложениями со значением следствия во второй части).

речи): ѡто ѳдари[х] в скалу выплынули воды (65б Псалт. XVII в.); alè niszto rabić, wyłàzić z kalaski (Федер. II, 216 Гнезна)[37]. Отмечен и ряд примеров (из старобелорусских памятников и из диалектной речи) с союзом *и*, несколько примеров (только из старобелорусской письменности) с союзом *а*[38]. В этих примерах, как и в примерах, которые нами приведены выше (из старорусских памятников), соединительный союз не указывает на результат, следствие, не подчиняет вторую часть предложения первой.

У Е. Ф. Карского мы не находим замечаний относительно того, в какой степени распространены в старобелорусских памятниках и в диалектной речи бессоюзные сложные предложения следствия без союзов перед второй частью. А. П. Груцо в статье «Складназалежны сказ з даданым выніковым»[39] утверждает, что в современном белорусском языке они сравнительно немногочисленны (приводится четыре примера, причем все из народных говоров), а в старобелорусской письменности они отмечаются спорадически (приводится один пример).

И первый и второй вывод не вызывают возражений. В живой белорусской диалектной речи бессоюзные сложные предложения следствия не получили широкого распространения. Приведем примеры (второй — из сказок), в одном из которых (в последнем) следствие, результат подчеркивается употреблением *от*[40]: Ба́ц'ка прыно́с'иц' ша́пку зо́лата — стары́к н'ичо́га н'аб'аре́ц' (Витебская обл., с. 8); Махну́ў чырво́ным плато́чкам — чырво́ны кон' л'ац'и́ц' (Минская обл., с. 182); Л'ес и л'ес, гл'а́н'иш ув'е́рх — ша́пкə ва́л'ицца (Там же, с. 194); Л'у́дз'и туды́ н'е хо́дз'ац', това́р н'е пасу́ц', от и в'еду́цца оны́ (Гомельская обл., с. 242).

В старобелорусских памятниках нами отмечены как бессоюзные сложные предложения следствия с союзом *и*, так и без этого союза, однако примеры немногочисленны.

Заслуживает внимания тот факт, что, например, в Баркулабовской летописи, в которой ряд мест характерен языком, близким к разговорному, находим только бессоюзные сложные предложения следствия без союза *и*: На тотъ же часъ было великое замешание промежи панами и промежъ людми духовными, также и людми простыми было плачу великого, нареканя силнаго, похвалки, посварки, забуйство, грабежи, заклинания, видячи яко новые свята установляли, празники отменяли, купцом торги албо яр-

---

[37] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 459.

[38] Там же, стр. 467.

[39] А. П. Груца. Складназалежны сказ з даданым выніковым. «Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук», 1965, № 3, стр. 99; см. также: Он же. Развіццё складназалежнага сказа ў беларускай мове (на матэрыяле помнікаў пісьменнасці XIV—XVII ст. і сучасных народных гаворак). Мінск, 1970, стр. 208—209.

[40] Примеры из записей, помещенных в кн.: «Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі». Пад рэд. Р. І. Аванесава і М. В. Бірылы. М., 1962.

марки поотменяли, — *праве* было начало пристья антихристова, у такомъ великомъ замешанью (Лет. Баркул., л. 141 об.); На томъ же зьезде было немилостивые посварки и забойства, *выличили* на томъ сейме невинне забитыхъ семъ сотъ головъ (Там же, л. 143); И возные были з княжатемъ и енераловъ килка. Которые кгды приехали до костела, тамъ ихъ до фортки гайдуки пана подскарбего и пана воеводы троцкого и слуга не пустили; *они* тежъ ехали назадъ з великою жалостю (Там же, л. 151); Хворыхъ, голодныхъ, пухлыхъ многое множество, — *страхъ* видети гневу Божого (Там же, л. 165); Отецъ сына, сынъ отца, матка детки, детки матку, мужъ жену, жена мужа, покинувши детки свои, розно по местахъ, по селахъ розышлися, одинъ другого покидали, не ведаючи одинъ о другомъ, — *мало* не вси померли (Там же, л. 165).

Отметим еще пример без союза из грамоты XVI в.: И мы, водлугъ его свѣдоцства, въ томъ порозѵмевши, ижь тотъ чл҃вк(ь) въ малыхъ пѣнязехъ а такъ много лѣтъ служилъ, нашли есмо въ томъ Родюса правого: *воленъ* ѡнъ — кому хочет(ь), тому служит(ь) (Молчед. гр. 1515 г. Лит. метр., т. I, кн. I, № 182).

В следующих примерах (второй из памятника полемической литературы, относящегося к 1580 г.) бессоюзное предложение с союзом *и*: Отказ. Господаръ его милость росказалъ васъ заховати въ томъ водле прывильевъ вашыхъ, *и* не будете повинни мыта давати отъ тыхъ всихъ речей, што кольвекъ, въ именьяхъ вашыхъ сами властнымъ накладомъ своимъ выробивъшы, спущати будете (Зап. русская гр. 1559 г. РИБ, т. XXX, кн. 4, № 14); Тотъ царъ Костянтинъ укинулся у пьянства и блуды и распущенство ганебное, матку свою Ирину съ царства вонъ выгналъ, и жену свою у черницы пострыгъ, и взялъ за жену собѣ кревную рода своего, потомъ и тую опустилъ, и почалъ мѣти много розныхъ женъ, *и* изъ оного своеволенства ослепъ, и самого его выгнано изъ царьства, и тако зле скончался, а не для иконъ (Спис. пр. лютеров, с. 57—59).

В староукраинских памятниках находим как примеры без союза *и* во второй части, так и примеры с этим союзом.

Отметим ряд примеров без союза: Мы великий кнзь витовтъ дали есмо еськy нешевичю дворище ѧрополково пустое. *ѡсаживати* ему собѣ и роспахивати собѣ (Острог гр. 1427 г., Укр. гр. № 59); <дали есмо . . . село михлинъ.> и такѣ с луги и сь сеножатьми, и со всѣми пожитки. *можетъ* собѣ полѣпшивати и росширивати и садити и примножити (Киев. гр. 1433 г., Укр. гр. № 65); Которы(и) сы(н) его па(н) Ма(т)фе(и) до сабли ся порвалъ, которому заразъ писа(р) земски(и) па(н) Ѳлецъ мовилъ: «До кого(ж) ся до шабли порываеш?» О(н) поведелъ: «Моя шабля, *волно* ся мне до нее порыва(т)» (АКЖ, Акт № 39); потом же приде рать подъ городъ. Каломанъ. и Лѧховѣ. и многоу бою бывшю. на Кровавомъ бродоу. и паде на нѧ снѣгъ. *не могоша* стоꙗти. идоша за Рогожиноу идоша на Мьстислава, и прогнаша и земли (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 250):

Потом же (Король Оугорьскыи.— *В. Б.*) [illegible]а к Данилови рекыи оужика ми и сватъ еси. *помози* ми на Чехы (Там же, л. 275); а Кондратъ поѣха во своѩси вземь себѣ соромъ великъ *лѣпши* бы не живъ былъ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 306); А и тіе войска, що города Видня доставали, побити, ледво що утекло: *незлѣчонное* множество бѣсурманъ пропало (Лет. Сам., с. 159); Але козакомъ орда не могла нѣчого учинити, — *в цѣлости* вернулися и оного Куницкого своего старшого убили, и наставили межи собою старшимъ Могилу, козака з Запорожа, который з ними в Немеровѣ зоставалъ, называючися гетманомъ, и свою залогу коло Камянця держалъ и по иншихъ городахъ, вигнавши турокъ (Там же, с. 160—161); Того жъ року на Москвѣ чинъ стрѣлецкий оставлено за ихъ бунти, — однихъ витрачено, вѣшано, а лѣпшихъ у салдати поверстано и иннихъ у силку заслано — *усѣхъ* що до единого витрачено (Там же, с. 198); Плоть есть, *не хвалися*! (Пересторога, с. 227); Не естъ абовѣмъ на томъ досить въ такъ поважной речи такъ просто конклюдовати: «Петръ названъ естъ каменемъ — *Петръ* просто естъ церковный монарха» (Палин. Копыст., с. 384); Христос (до него рече): Не ридай мене, Аде, наполню пива во остатній день, *Будеш* мѣти якось мѣл (Сл. о збур. пекла).

Чаще встречаются предложения с союзом *и* во второй части: оулюби же король свѣто сь. Пакослалъ. и снѧсѧ съ Лестькомъ во Зъпиши. и поѧ дщерь его за сна си. и пославъ и ѧ Володислава. в Галичи заточи и. *и* в томь заточеньи оумре (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 249) Мьстиславоу же рекшоу пожалуи брата. Ѡлександра *и* Данилъ. воротисѧ в Володимерь ѡтиде ѿ Белза (Там же, л. 251 об.); Василкоу же кнзю многы плены приемшю стада коньска и кобыльѧ. *и* бы зависть Лѧхомъ (Там же, л. 253); Слышавъ же се Данилъ. посла слы река. поусти сестроу ко мнѣ. зане ѩко Михаилъ. обѣима нама зло мыслить. и Ꙗрославъ оуслыша словеса Данилова. *и* бы тако и приде к нима сестра. к Данилови. и Василкоу. и держаста ю во велицѣ чти (Там же, л. 246 об.); млтью Бжиею побѣгшимъ Литвѣ и избити быша. и плѣнъ всь ѡташа. а самъ Лонъкогвени боденъ оутече. иде вѣсть. Данилоу и Василкоу. *и* бы расть велика. во Пиньскѣ гра (Там же, л. 268 об.); пришедшоу же. Ꙗрославлю члвкоу. Сънъгоуроуви. рекшоу ему. бра твои Ꙗрославъ кланѧлъсѧ. коустоу *и* тобѣ клантти (Там же, л. 271); Данило же и Левъ вборзѣ скочиста на не воротъ. ѡни же побѣгоша. и пакы не вратиша *и* бы млть велика надъ королемъ. во днь тъи. и над воими ег (Там же, л. 278 об.); Аже почулъ ‹Хмельницкій›, же жолнѣрове з ордою сближаются, рушилъ з Ставищъ ку Уманю и тамъ за Пятигорами на Дрижиполю в поляхъ споткалися з ордою и тими вой-

сками коронними, *и* стала война великая (Лет. Сам., с. 39); Того жъ лѣта у Львове коммисия отправовалася з ляхами, на которые и посторонныхъ монарховъ и цесарскіе медіаторы были, козацкіе послове от Хмелницкого тамъже были; але з'годы нестало, — *и* такъ надаремне тая коммисіа отправовалася и роз'ѣхалися (Там же, с. 46); Того жъ року юня 21 громъ запаливъ церковъ великую у Стародубѣ Рождества Пречистои Богородици, *и* уся згорела (Там же, с. 152); В Петровщину по двадцать золотыхъ было жито и по 4, просо по 12 и гречка, а овесъ по осмъ золотыхъ; *и* ѣли люде листъ и лободу, зѣлье розмаитое (Хм. лет., с. 78); Они, множство наносивши дровъ и хворосту, оную башту запалили, *и* такъ з' чернцами и зо всѣмъ до кгрунту згорѣла, мѣсяца октовріа десятого дня (Ист. о Флор. соборе, с. 471); А онъ знашолъ человѣка иного и мовилъ ему: «побій мя теперъ». *И* побилъ его до крове (Отв. клир. Острож., с. 396); По которыхъ благообразныхъ, и подвижныхъ мужехъ лѣнивые и недобрые настали, *и* такъ за ними порядки церковные у забвеніе пришли (Пересторога, с. 205); и Іосифа молодшого ‹Богъ› противъ всѣхъ братѣи его умиловалъ, *и* всѣ поклонитися ему мусѣли (Там же, с. 228); И третіи раз Христос (рече и бьет коругвою, *и* бысть тако, сокрушишася врата) ... (Сл. о збур. пекла).

Отметим употребление в ряде приведенных выше примеров сочетания *и бысть*, указывающего на совершившийся в связи со сказанным в первой части предложения результат (ср. с примерами из сочинений протопопа Аввакума).

Только в самом раннем из рассмотренных памятников — в Галицко-Волынской летописи (около 1425 г.) находим случаи с союзом *а* во второй части предложения: времени же миноувшю еха Данилъ ко Мьстиславоу в Гали. рекы на Лестька. ꙗко ѡтчиноу мою держить. ѡномоу же вѣщавшю. сноу за первую любовь. не могоу на нь востати. *а* налѣзи собѣ дроуги (Ипат. л. (Гал-Вол.), л. 249 об.); Володимеръ же посла Данилови. река идеть на мѧ Михаилъ. *а* помози ми брате (Там же, л. 259 об.). Как и в белорусских говорах, бессоюзные сложные предложения со значением следствия во второй части встречаются в живой украинской речи не часто [41], в бо́льшей степени они характерны для языка фольклора: йа дава́й лови́т' | вин т'іка́йе (Черниговская обл., с 216) [42].

---

[41] Отдельные случаи их употребления отмечены диалектологами в различных говорах украинского языка. См., например: Г. Ф. Пелих. Будова складного речення у надбузьких говірках Первомайського району Миколаївської області. «Наукові зап. Одеського державного пед. институту. Кафедра української мови і літератури», 1960, т. XXV, стр. 84; К. Ф. Герман. Безсполучникові складні речення в буковинських говірках. «Тези доповідей XXII наукової сесії. Секція філол. наук». Чернівці, 1966, стр. 13.

[42] Пример (из сказки) из записей: Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

Бессоюзные сложные предложения со значением цели

Бессоюзное сложное предложение, вторая часть которого указывает цель действия, названного в первой части, не закрепилось в восточнославянских языках. В древнейших памятниках значение цели передавалось, в частности, путем употребления форм условного наклонения, в которых вспомогательный глагол приближается по своей роли к союзу. В дальнейшем, однако, сохранилась лишь одна из форм аориста *быхъ*, а именно форма 2—3 лица *бы*. Другие формы встречаются и в позднейших памятниках, но уже как архаические, а не как живые формы языка.

Бы в сочетании с союзом *чьто*, с союзом — усилительной частицей *да*, с союзом *а* образовала подчинительные союзы *чьтобы*, *дабы*, *абы*. Победу одержали сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями цели, которые вводятся названными союзами. Бессоюзные предложения цели постепенно вытесняются из языка. Эта судьба постигла и те бессоюзные сложные предложения, в которых вторая часть, обозначающая цель, начинается с *ать* или *да*, являющихся модальными частицами при глаголе-сказуемом в форме настоящего-будущего простого времени. Предложения с *ать* уже в XV в. были вытеснены предложениями с *да* (предложения с *да* находим и в ранних памятниках), но и эти последние в XVII в. вытесняются сложноподчиненными предложениями.

Мы не останавливаемся здесь на предложениях с *ать* и *да* [43], поскольку примеры с ними приводятся в коллективном труде, посвященном сложноподчиненным предложениям: «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения».

Преимущество сложноподчиненных предложений с придаточными цели заключалось в том, что значение цели в них более ясно выражено, чем в бессоюзных предложениях цели. Это четкое значение цели позволило в дальнейшем ставить придаточное предложение не только после главного (в бессоюзном предложении значение цели — исключительно во второй части сложного предложения), но и перед ним.

Лишь в памятнике XV в. мы находим бессоюзное сложное предложение, во второй части которого сказуемое выражено глаголом в форме настоящего-будущего простого времени, при этом без усилительной частицы при нем, подчеркивающей желательность, обязательность действия [44]: и даша. вячеславу і всѣмъ кнажьостровчемъ грамоту. судную правую. *потанеть*. уласке.

[43] О бессоюзных сложных предложения цели с *ать* и *да* см.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 63—65; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2, доп. М., 1965, стр. 500—501.

[44] Выделяем курсивом первое слово второй части.

с кнажьостровци. въ старину какъ оць. его тѧнулъ (Двинская судная гр. XV в. Шахм. Исслед., № 87).

Значение цели здесь бесспорно. Но в следующем примере из памятника XVII в., где действующее лицо одно и то же (на него указывают формы 1 лица мн. ч. глагола), мы видим не бессоюзное сложное предложение, хотя значение цели имеется, а простое предложение с однородными членами-сказуемыми (*поидем*, *наедимся*): Да тои же ерш, господа, обманул меня, что просътова мужика, привел меня к неводу: братец де осетр, поидем в невод, там рыбы наедимся (Пов. о Ерше, с. 150).

Поскольку во второй части бессоюзного сложного предложения значение цели сочетается с модальным значением пожелания, долженствования, оказалось возможным употребить во второй части повелительное наклонение глагола в следующих примерах из памятника XVII в.: а кого онъ убьетъ, и ему то убойство учинится от себя, *не приѣжъжай* на чюжей домъ насильствомъ (Улож. 1649 г., с. 62); А тѣмъ людемъ, у кого тѣ бѣглые крестьяне или бобыли будутъ взяты, въ той съсудѣ отказывати: *не пріимай* чужихъ крестьянъ и бобылей, и не давай имъ съсуды (Там же, с. 84).

Мы полагаем, что приведенные предложения находятся в определенной генетической связи с теми предложениями, в которых вторая часть начинается с *ать* или *да* в сочетании с формой настоящего-будущего простого времени глагола. В последних — описательная форма повелительного наклонения, в наших примерах — простая форма повелительного наклонения, вместо которой могла бы стоять и описательная форма (в первом примере глагол в форме 3 лица ед. ч., во втором — в форме 3 лица мн. ч.).

Видимо, из живой разговорной русской речи проникают в письменную речь бессоюзные предложения, во второй части которых сказуемым является инфинтив (тоже со значением долженствования): А которой купецъ, идучи в торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утеряется товар безхитростно, истонет, или згорить, или рать возметь, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печатию, *платити* исцеву истину без росту (Суд. 1497 г., л. 10 об.); да пере д нинимъ ж крыльцомъ сѣна положить *грѧзные ноги* ѡтирать, іно лѣсница не оугрѧзнитсѧ (Домострой, с. 36); И смысливъ злымъ своимъ совѣтомъ и приходятъ въ Вряшев къ королю и просятъ у него, у короля, воинскихъ людей и снаряду, *итти* войною на Російское государьство (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 723).

Такие предложения мы часто встречаем не только в диалектах русского языка, но и в устной форме современного русского литературного языка.

На бессоюзное сложное предложение цели Е. Ф. Карский приводит из старобелорусских памятников только один бесспорный

пример: молюсѧ пере[к] тобою зо всего се[р]ца моего змилу[ѣ] же сѧ надо [ж]ною ведлу слова твоего (чтобы смиловался) (135б Псалт. XVII в.)[45].

Однако, говоря о заключительном сочетании предложений, Е. Ф. Карский указывает, что в некоторых из них (в одном примере из диалектной речи и в семи из старобелорусских памятников), помимо обозначения вывода, следствия из предыдущего, имеется еще оттенок цели: «Иногда предложение, присоединенное при посредстве *и*, имеет даже оттенок цели: седзиць на дзереве и нихай яго нихто не забачиў (Шейн Мат. II, 22 Бобр.). Можно указать и подобные же случаи употребления *а*: а далъ сию п҃лтрь — а въ млтвхъ помѧните (336б Псалт. 1296 г.); чи нагребе[т] чл҃къ ѡгню пазѹхѹ, а порты єго не згорѣли бъ (96 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); проси ѿ мене а дамъ (7б Псалт. XVI в.); чини добро, а буде мешка[ѧ] на вѣки (2 Псалт. XVII в.); кликалъ есми его ане знашлосѧ и м҃ѣце его (3 ib); мешка[ѧ] на зе[м]ли, а будешъ насыщонъ богаствы еи (6 ib)»[46].

Присоединим к приведенным Е. Ф. Карским примерам из книг священного писания пример из светской литературы: За тымъ реченым мовены были, *не быти* им послушнымъ, от духовныхъ (Лет. Баркул., л. 149).

В отличие от примеров Е. Ф. Карского в данном примере сказуемым второй части предложения является инфинитив, как в ряде отмеченных выше случаев из старорусских памятников.

В староукраинских памятниках мы находим ряд примеров, сходных с примерами из старорусских и старобелорусских памятников. И в примерах из староукраинских памятников вторая часть бессоюзного сложного предложения цели начинается глаголом-сказуемым или, реже, зависящим от него словом. Глагол-сказуемое стоит в форме повелительного наклонения (примеры 1, 2, 4), или в форме настоящего-будущего простого (пример 3), или в форме инфинитива (пример 5): Мьстиславъ же великоую похвалоу створи Данилови и дары емоу дасть великыи и конь свои борзыи сивыи. и рече емоу поиди кнѧже в Володимерь. а ѧзъ поидоу в Половци. *мьстивѣ* сорома своего (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 250—250 об.); Прето я с повинности своее християнское остерѣгаю, напоминаю,

---

[45] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 459. — В отличие от приведенных выше двух примеров с формой повелительного наклонения из старорусского памятника в данном примере замена простой формы повелительного наклонения описательной невозможна, поскольку в первой части предложения речь идет о втором лице (*перед тобою*), а не третьем лице, к которому должна была относиться описательная форма повелительного наклонения.

[46] Там же, стр. 467. — Отметим, что в первом из примеров с *а* форма повелительного наклонения.

молю, прошу и ногам ся вашим кланяю, — *бѣгайте* в Сигор от Содомы, да не жупел и огнь геенкий в том невѣрию вас постигнет, бѣгайте на покаяние, донели же время вѣка вашего продолжися вам, — по смерти бо покаяния не обрящете! (Виш. Книжка, с. 57); И аз умолю от отца: *иннаго* утѣшителя дастъ вам, да пребывает с вами в вѣки дух истинны (Там же, с. 82) [47]; Зде приспѣли есмо до чуда берестийского, и для того предваряю вас нижли приидет до присмотрованя тое правды, лож ли то была в Берестю тому чуду или истинна, только, молю, *пилне* присмотрѣтеся от овдешнего чуда и берестейского (Там же, с. 86); Латинникове силлогисмов и аргументов ся учатъ — *любопрѣтися* и единъ другого перепирати (Палин. Копыст., с. 904).

Бессоюзные сложные предложения времени

В древнерусских памятниках, в частности в грамотах [48], бессоюзные сложные предложения времени представлены небольшим числом случаев, при этом некоторые примеры можно, хотя и с меньшей степенью вероятности, рассматривать как примеры с бессоюзными сложными предложениями условия.

Сближают бессоюзные сложные предложения времени с бессоюзными сложными предложениями условия и формальные признаки: и бессоюзные сложные предложения времени могут иметь, хотя и реже, чем бессоюзные сложные предложения условия, союз *а* в начале предложения, являющийся только союзом начинательным (не союзом времени, в предложениях условия соответственно не союзом условия), части предложения соединяются в тех и других по значению предложениях как без помощи союзов, так и с помощью союзов *и*, *а*, *ино*.

Союзы присоединяют ту часть предложения, которую в синонимичном сложноподчиненном предложении называем главным предложением. Таким образом, в данных предложениях нет подчинительных союзов (союз *а* в первой части предложения, как отмечено, — начинательный), поэтому мы их и относим к бессоюзным, несмотря на парадоксальность наименования «бессоюзные сложные предложения с союзами *и*, *а*, *ино*». Это наименование ярче подчеркивает их бóльшую близость к бессоюзным сложным предложениям, чем к сложноподчиненным, по сравнению с наименованием «сложные предложения без подчинительных союзов». Сказанное относится и к предложениям времени, и к предложениям условия, а также и к уступительным предложениям, где союзы *а*, *да* (оба с противительным значением), *ино* стоят при той части пред-

---

[47] Вторая часть бессоюзного сложного предложения цели является в свою очередь бессоюзным сложным предложением цели (*да пребывает*=*чтобы пребывал*).

[48] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 65—66.

ложения, которая в синонимичном сложноподчиненном уступительном предложении является главным предложением.

В современном русском литературном языке бессоюзные сложные предложения времени употребляются сравнительно редко, причем зачастую тот или иной пример относится одними исследователями к бессоюзным сложным предложениям времени, а другими — к бессоюзным сложным предложениям условия.

В народных говорах бессоюзные сложные предложения времени встречаются чаще, однако не все примеры, помещенные в трудах по синтаксису народных говоров как примеры на бессоюзные сложные предложения времени, являются бесспорными.

Бессоюзные сложные предложения времени находим почти исключительно в тех старорусских памятниках, которые близки к народной речи, — в сочинениях протопопа Аввакума и в пословицах XVII в. Во всех случаях часть предложения со значением времени стоит на первом месте [49]: А къ полю пріѣдетъ околничей, *и* околничему и діяку вспросити истцов и отвѣтчиковъ: кто за ними стряпчіе и поручники? (Суд. Ив. IV, с. 193—194); Пред враты того монастыря лежитъ жаба каменна; сія жаба, при Царѣ Львѣ Премудромъ, по улицамъ ходячи, смертію людей пожирала, а метлы пометали сами, возстанутъ людіе по рану, *а* улицы чистыя (Пут. Зосимы, с. 61); А въ городъ поѣдетъ, *и* тамо его встрѣчаютъ всѣмъ городом, и честь ему велику воздаютъ (Пут. Гогары, с. 118), А въ томъ Чюнерѣ ханъ у меня взялъ жерепца, а увѣдалъ, что язъ не бесерменинъ, русинъ, *и* онъ молвитъ. . . (Хож Аф. Ник., л. 373 об.); А ясти же садятся, *ини* омывають рукы да и ноги, да и ротъ пополаскывають (Там же, л. 379); А у жены дитя родится, *ино* бабить мужь, а имя сыну даеть отець, а дочери мати (Там же, л. 379); Чюдно, чюдно! по писанию: «яко косен бог во гнев, а скор на послушание»; дощеник сам, покаяния ради, сплыл с камени и стал носом против воды; потянули, *он* и взбежал на тихое место тотчас (Аввакум. Житие, с. 81); И мне неможется, *так* меня подымает, говоря: «встань, миленькой батюшко, — ну, таки встащися как-нибудь!» Да и роскачает меня (Там же, с. 99); На Москве у него резали, *тогда* остaлось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком (Там же, с. 107); И в четвертый день очхнулась; села, да плачет; есть ей дают — *не ест* (Там же, с. 117); С месяц времени минув, *пришел* в день к окошку, молитву искусно творит и чинно (Аввакум, Письма, с. 231); Вне убо страх, а внутрь такожде боязнь. И во церковь иду, *а* тово и гляжу, как нападут (Там же, с. 231); Лошадка напиталася — *опять* поехали путем или на работу о имени господни (Там же, с. 266); Азбуку учатъ *во* всю и*бу кричатъ (Пословицы XVII в., л. 325); Єдинъ мо*вилъ *остро*, а два *стало пестро* (Там же, л. 340 об.) [50]; Зверя бьютъ *время* ждутъ (Там же, л. 345 об.); Рыбу

[49] Выделяем курсивом первое слово второй части.

[50] Два предложения со значением времени. То же и в «Сатирах о пьянстве», стр. 79.

ловятъ *подлѣ* смерьти ходятъ (Там же, л. 366); Наг обявляешся, *не задевает*, ни тлеет самородная рубашка, и пуп гол: когда сором, ты закройся перстом (Сатиры о пьянстве, с. 67); Слава отцу Иванцу и сыну Селиванцу. Всяк, иже к тебе прикоснется, не изыдет, не имея похвалы во устех своих глаголаше: вчера был пьян, *денег* было в мошне много, утре встал, *хватился* за мошну, ничего не сыскал (Там же, с. 79); да которои час сѧ грамотка придет к вамъ *велет* вино готовит тотъчас не мешкав по прежнему (Письмо от 6 декабря. — Моск. дел. и быт., № 20, с. 42); толко гсдрь буди млсти твоеі ведамо касили мы со крестьяны на твоі боярскоі обиход сѣна на лугу на Чистом *и* Осиповы люди Юрасова Петрѫшка Скворецъ с товарыщи нас всѣх побили и пограбили (И. И. Киреевскому от старосты Е. Макеева, 3 августа 1698 г. — Источники XII—начала XVIII в., № 9, с. 23).

В двух приведенных выше примерах (Аввакум, Житие, с. 99 и 107) имеется соотносительное слово-наречие (*так*, *тогда*), подчеркивающее временно́е значение предложения. В ряде примеров части предложения соединены при помощи *и*, *а*, *ино*. Чаще всего в обеих частях бессоюзного сложного предложения времени глагол-сказуемое стоит в форме настоящего или прошедшего времени. Реже встречаем случаи, когда в зависимой части будущее совершенное, а в главной — инфинитив или глагол в форме настоящего времени. Исключение составляют случаи (см. Хож. Аф. Ник., л. 373 об.) с прошедшим временем в первой части и настоящим во второй.

Выше было сказано, что не всегда можно разграничи́ть временно́е и условное значения, в частности в примерах из диалектов, поскольку временны́е и условные предложения имеют две основные черты сходства: один и тот же порядок частей предложения; последовательность действий во времени или их одновременность.

Неудивительно поэтому, что в некоторых работах по диалектологии (и не только по диалектологии) вводится термин условно-временны́е предложения.

Приведем несколько примеров из дореволюционных и послереволюционных работ диалектологов на временны́е бессоюзные предложения, не вызывающих у нас сомнения в их принадлежности к данной группе. Для нас представляют интерес случаи с препозицией зависимой части, поскольку в старорусских памятниках имеются сходные примеры: Соўнышко закатилось — приехаў (Вологодск.)[51]; И молодой был, не́ пил (Арх.)[52]; Умирал, наказывал[53]; Ушла-то Богу молитьси, забыла сундук заложить; Зимой, у миня Коля-та женён был, проситси он; Стрилели, видать было; Мама

[51] В. Мансикка. Говор Грязовецкого уезда Вологодской губернии. — РФВ, 1912, т. 68, № 4, стр. 279.

[52] Он же. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ. «Изв. ОРЯС», 1912, т. XVII, кн. 2, стр. 129.

[53] Он же. Заметки о говоре Никольского уезда. «Изв. ОРЯС», 1914 г. т. XIX, кн. 4, стр. 216.

ходила за́-озёро, баба принесла-то; Дефка мала-та была, не прашывала я (Олонецк.) [54]; У мине́ сыно́чьк — та был — у мине́ го́ря не́ былъ; Ско́сют — аставаи́тца жне́вьн' (Воронеж) [55]; Мене брали — два́ц̣ять три свадьбы бы́ла; А в девках жила. . . ой мно̄го я γоря видала!; А уж зима приде́ть — то̄γды уж сеном их корми́ть; А пъстаре́л — тады уж я нужна, бабка (Ряз.); Ко скоту ходим — засвици́ем (Вологодск.); Я пришла — она пятигодова́ бы́ла, на шосто́м (Арх.) [56]; А Танька прие́хъла — пабе́гли гляде́ть ийе (Курск.) [57]; Я в городе была, ты ходила по ягоду; Я вышла, он разговаривал стоял; Я девчонкой была, копали курган (Томск.) [58]; Косили, купались, теперь холодно стало; Ловил рыбу неводом, на танку наткнулся, поставил веху, потрата, здесь ловить нельзя; Зграблю сино ф кучу — тода Малю подою (Селения северо-западного побережья озера Ильмень) [59]; Муж помир |пирикъчявала; Калхос нъчялси | пиряшли; Дочирю оддъли | тады сами суды пирайехъли; Сонцъ садитца | иду апят' званит'; Вайна кончилас' / он йавилса (Сарат.) [60]; Пъдойу́ корову — прилягу иддохну́ть (Пенз.) [61].

Отметим еще записанный нами в Московской области в 1969 г. пример из фольклора на бессоюзное временно́е предложение: Прид'о́т Ил'ийа́, пъб'ил'е́йу и йа (т. е. после праздника Ильи, 20 июля по ст. ст., когда станет по народным приметам, холоднее, начнет сходить летний загар).

Многочисленные примеры на временно́е отношение в фольклоре приведены в работе Л. Копецкого «К изучению языка и стиля русской сказки» [62].

[54] В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. «Изв. ОРЯС», 1914, т. XIX, кн. 4, стр. 168.

[55] В. И. Собинникова. Синтаксические особенности говоров Гремяченского района Воронежской области (материалы по синтаксису южновеликорусского наречия). «Доклады и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», т. IV. М., 1953, стр. 35. — См. еще ряд примеров в работе: Она же. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского р-на Воронежской обл.). Воронеж, 1958, стр. 141—142.

[56] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953, стр. 51.

[57] Л. М. Лосева. Организация сложного предложения в курских говорах (автореф. канд. дисс.). Киев, 1953, стр. 15.

[58] В. В. Палагина. Ситаксические особенности говора западной части Томского района. «Уч. зап. Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева», 1954, № 19, стр. 26.

[59] В. С. Овчинникова. Очерки по синтаксису поозерского говора. «Уч. зап. Ростовского гос. ун-та. Труды историко-филол. ф-та», 1957, вып. 5. Филол. науки, стр. 60.

[60] О. Б. Сиротинина. Синтаксис говоров Алгайского района Саратовской области. «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского», т. XLVIII, вып. филол. Харьков, 1957, стр. 70.

[61] Л. А. Зелепукина. Синтаксические особенности севернорусских говоров Сосновоборского района Пензенской области. «Вопросы русской диалектологии. Труды V—VI конференций кафедр русского яз. пед. ин-тов среднего и нижнего Поволжья». Куйбышев, 1965, стр. 115.

[62] См:. «Slavia», roč. VI, seš. 2, a. 3. Praha, 1927, стр. 197.

www.ruslang.ru

А. Глаголевский отмечает распространенность временны́х бессоюзных сложных предложений в языке пословиц: «В языке пословиц нередко встречаются случаи опущения союзов при обозначении времени. Конечно, в этом случае союзы опускаются для легкости и живости речи, потому что нет ничего проще, как понимание отношений, касающихся времени» [63]. Вряд ли можно согласиться с автором, что всегда легко определить временну́ю связь, не спутав ее с условной или с отношением действия и его результата.

В говорах, в современной разговорной литературной речи встречаются временны́е предложения, которые, по справедливому замечанию А. Б. Шапиро, представляют собою «как бы одно простое распространенное предложение. . . По размеру своему это временно́е предложение обычно краткое и нередко состоит из одного сказуемого, всегда глагольного» [64]. А. Б. Шапиро отмечает, что «предложение, в котором указывается, когда совершается то, о чем говорится в другом предложении, может ставиться как на первом, так и на втором месте, а может вставляться и в середину другого предложения» [65].

Нам представляется, что разговорный характер предложения, нечеткость связи частей предложения, вследствие чего оно воспринимается как простое распространенное, ярче всего заметны при постпозиции части, указывающей на время действия. При ее препозиции более отчетливо сознается временна́я последовательность действий. При включении части, называющей время действия, эта часть близка к вставному предложению.

Приведем несколько примеров с постпозицией части, указывающей на время действия: Коровы съидят — придут; Сыровато было — вышли-то; Вмисте жили — убили-то (Вологодск.) [66]; По шести короваёф дают, покойника принесут; На сине спят, приежджают [67]; Простудиусе быў, лес возиў; Я выехал, соньцё уж закатилося; Я устала, шла; Вот какой поворот делаем, издим [68]; Омоцила сарафан, клала воду; Я стритила, шла с поля-та; Мы лигли, солнышко только взошло; Цейник у старика куплён, из бурлаков-то шол (Олонецк.) [69]; Скотину не видать γонють (Ряз.); Я не пива́ла молода была (Арх.) [70]; Приданно невеста приготовлят, она живет у отца (Томск.) [71]; Поёт, поёт пе́сни, за я́гдыми пойдёт (Пенз.) [72].

[63] П. Глаголевский. Синтаксис языка русских пословиц. — ЖМНП, 1873, июль, стр. 36.
[64] А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 51.
[65] Там же.
[66] В. Мансикка. Говор Грязовецкого уезда Вологодской губернии, стр. 127.
[67] Он же. Заметки о говоре Никольского уезда, стр. 216.
[68] Он же. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ., стр. 180.
[69] Он же. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда, стр. 168.
[70] А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 52.
[71] В. В. Палагина. Указ. соч., стр. 25.
[72] Л. А. Зелепукина. Указ. соч., стр. 115.

Такая «синтаксически неустроенная» речь, нечеткая для выражения временны́х отношений, не могла стать нормой в литературном языке XV—XVII вв.

А. П. Груцо отмечает, что в белорусской письменности XIV—XVII вв. и в современном литературном белорусском языке бессоюзные сложные предложения времени употребляются редко, в народных говорах они встречаются чаще [73]. Таким образом, наблюдается картина, сходная с тем, что мы видим в отношении старорусских памятников, современного русского литературного языка и говоров русского языка.

Характерно и то, что белорусские говоры, как это явствует из примеров, данных Е. Ф. Карским, подобно русским говорам, знают не только препозицию той части предложения, которая указывает на время действия. Эта часть может стоять и на втором месте, может и вклиниваться в предложение, говорящее о том или ином действии, факте.

Из числа приведенных Е. Ф. Карским примеров первый и четвертый — с препозицией, второй — с постпозицией, а в третьем время указано в середине предложения: «погомонели сколькі там ены, ўстав бог, устав и мужик (когда п.) (Шейн, Мат. II, 400 Мстисл.); не так ён будзець страху бачиць — пятлю́ на шию нацыпляць (когда пятлю. . .) (Ром. VI, 36 Черик.); вот тады Микита Игривич, опять солнца захо́дить, ён устае́ть и спрашиить у цулувальщика (когда опять с. з.) (ib. 389 Сенн.); пры́дуть дёвки гарэх рвати, будуть мяне́ спамина́ти (когда п.) (Ром. Мат. Гр. II, 213 Волков.)» [74].

Приведем ряд встретившихся нам в старобелорусских памятниках XV в., XVI в. и конца XVI—начала XVII в. случаев употребления бессоюзных сложных временны́х предложений: первый рокъ передъ Божьимъ Нароженьемъ за тыйдень — *половицѹ* маеть заплатити, а другий рокъ по Божьемъ Нароженьи въ тыйдень, *на тотъ рокъ* остатокъ пенязей маеть заплатити (Берест. гр. 1518 г. Лит. метр., т. I, кн. 3, № 26); да некотораѧ жона эморроиса рекла старосте мѣсѧчною болестїю есми была дванадцѣ лѣтъ а доткноула есми сѧ пелены роуха его *а* та престала мѣсѧчнаѧ болесть моѧ (Страсти Христовы, л. 20 об.); И по нечестивого Іулияна смерти царь хрістиянскый насталъ, *тогда* сия образы въ предречен'ныхъ церквяхъ пакы сами явилися (Спис. пр. лютеров, с. 65); Видиши ли, ижъ еще свѣтъ не былъ, *а* смотреніе таинство о нашемъ спасеніи страсти Хрістовы познаменовася, крестъ содела, бо посреде свѣта Ерусалимъ стоить,

[73] A. G r u c o. Zdania podrzędne okolicznikowe czasu w języku białoruskim. «Slavia orientalis», 1968, roč. XVII, № 1, стр. 67; см. также: А. П. Г р у ц а. Развіццё складназалежнага сказа ў беларускай мове (на матэрыяле помнікаў пісьменнасці XIV—XVII стст. і сучасных народных гаворак). Мінск, 1970, стр. 167.

[74] Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 459.

идеже Хрістосъ распятся (Там же, 89) [75]; На гробе же пророка Іелисея мертваго положено, *оживе* мертвый (Там же, с. 111); Бово ѡдин хлѣбъ розрѣзал на полы и кинул половицу ѡдному выжлу, а другую другому выжлу; и еще псы хлѣба не зели, *ѡбема* ѡчы выскакали (Ист. о Гвид., с. 134); И еще Бово был з Дружненою не ростал сѧ, *прышли* Сарацэны къ прыстанищу изъ за морѧ, Лукапер великого солъдана сын (Там же, с. 139); Потомъ листы от многихъ пановъ до нитрополита и до всехъ владыкъ писаных подавали, так жалобныхъ. Потомъ былъ вечеръ, *хлеба* ести разошлися (Лет. Баркул. Вставка на листах 14 об. — 16 об.).

Как и в старорусских памятниках, все предложения со значением времени стоят на первом месте. Части предложения соединяются или при помощи союза *а* (примеры 2, 4), или без союза (пример 1, 5, 6, 7, 8,), или с соотносительным словом-наречием *тогда* (пример 3). В последнем случае временно́е значение особенно отчетливо. То же следует сказать и о втором примере, в котором, кроме *а*, употреблены также наречие *так* (см. выше примеры из «Жития протопопа Аввакума» с наречиями *тогда*, *как*).

Отметим наличие во временно́й части наречия *еще* в двух предпоследних примерах. Это наречие позволяет более ясно представить себе, что действие, названное во второй части, протекает тогда, когда не совершилось действие, названное в первой части.

В обеих частях бессоюзного предложения (во всех приведенных нами примерах) глагол-сказуемое стоит в форме прошедшего времени.

В новейших записях живой диалектной речи [76] мы находим большое число случаев с бессоюзными временны́ми предложениями (см. выше вывод А. П. Груцо об употреблении бессоюзных временны́х предложений в народных говорах). Части этих предложений могут соединяться без союза, но чаще вторая часть присоединяется к первой при помощи *то* (в отличие от бессоюзных предложений условий этот союз встречается редко), *так* (*дак*, *дык*), *тады*. Приведем примеры, из которых только один (Минская обл., с. 192) — из фольклора (из старой песни), а остальные — разговорная речь: Л'е́там стох там ло́жуц', а з'имо́й йе́дз'им заб'ира́ц', то ўжо пад же́рдку уц'иска́йим (Витебская обл., с. 8); Йа па́с'ц'ила, дак ус'о подыма́ла ге́ту ав'е́чку (Там же, с. 9); Го́с'ц'и садз'а́цца за стол, тады́ йе́дуц' пат в'ин'е́ц (Там же, с. 26); Зра́н'н'а два пъса́ды змало́ц'иш, тады́ с'н'е́дац' идз'е́ш (Там же, с. 43); Ко́рм'иш, ко́рм'иш ус'ў з'и́му, а пры́дз'е в'исна́, — раб'и́ц' н'има́ чым (Могилевская обл., с. 119);

---

[75] Бессоюзное сложное предложение времени входит в состав придаточной части сложноподчиненного дополнительного предложения.

[76] Имеем в виду записи, помещенные в кн.: «Хрэстаматыя па беларусскай дыялекталогіі. Пад. рэд. Р. І. Аванесава і М. В. Бірылы. Мінск, 1962.

Адз'ін мушчы́на хац'е́ў раз'в'инча́цца, дык йе́з'д'иў у Маг'ил'о́ў к арх'ире́йу (Там же, с. 120); Мн'е́ было́ дз'ев'атна́ццац' гот, тады́ йа вы́шла за́муш (Гродненская обл., с. 122); Аста́в'ил'и тут с ха́ты адну́ маладз'и́цу, так йана́ ат п'е́ршага дн'а аста́ла́са, йана́ дагл'ада́йа куран'а́ткаў (Там же, с. 148); Выхо́дз'ила су-с'е́тка за́муш, йа была́ ша́ф'еркай (Там же, с. 154); Йон быў у во́йску, тады́ прыйе́хаў (Минская обл., с. 184); Но́шк'и з'а́бнуц' — тре́ба гре́ц'и, Сынк'и́ пла́чуц' — тре́ба ўн'а́ц'и (Минская обл., с. 192); Паста́в'иў ву́л'ей — так до во́с'ьн'и по́в'ьн м'о́ду (Там же, с. 194); Прышл'и́ з' л'е́су — дык н'ичо́га н'ама́ (Там же, с. 201); Адз'и́н у с'ал'е́ зраб'и́ў малац'и́лку, дак ус'о́ с'ало́ гл'адз'е́ла, йак на дз'и́ва (Там же, с. 205); И раска́зала им аб ус'о́м, дак ка мн'е, брат, пос'л'а ус'е варажы́ц' пду́ц' (Там же, с. 215); Йа маладз'е́йшайа була́. Мы жан'и́л'иса, то йон дз'е́с'ац' гадо́ў старе́й быў (Гомельская обл., с. 232); У 1904 г. йепо́н'ска война́ була́; йа уже́ службо́в'ец буў (Там же, с. 248); Ишл'и́ па хво́йн'ику, дак н'и ба́чыл'и нийа́к'ен'кага (Там же, с. 269); Дайшла́ да йаго́, дак л'а йаго́ машы́на стайа́ла (Там же, с. 270);

Отметим также ряд примеров с бессоюзными сложными предложениями времени из белорусского фольклора [77]. Во всех этих примерах та часть предложения, которая указывает на время действия второй части, препозитивна: Адзін жыў — хлеба прасіў, калектывам жывём — адзін аднаго у госці завём (с. 37); Зрабілі калгас — усяго стала ў нас (с. 38); Бяроза рэспускаецца — сей авёс, сады цвітуць — бульбу, каліна цвіце — грэчку (с. 98); Конь старэе — у цане танее, вол старэе — цану набірае (с. 107); Прайшла прачыстая — стала поле чыстае (с. 113); Будзе пара — будзе трава (с. 127); Ліха перемелецца — дабро наступіць; Глянеш — хоць праглыні, а паспытаеш — плюнеш (с. 188).

Следующие два примера можно рассматривать и как примеры с предложениями времени, и как случаи с предложениями условия: Прыйшоў працаваць — няма чаго часу каратаць (с. 114); Садок пасадзіў — добрую славу зарабіў (с. 116).

Весьма редко встречаются бессоюзные сложные предложения времени и в староукраинских памятниках. Примеры единичны: в та же лѣта седе Самовитъ. во Мазовші. *посла* к немоу Данило и Василко. рекша емоу. ѩко добро видилъ еси ѿ наю. и изиди с нами на ѣтвезѣ (Ипат. л. (Гал.-Вол.). *л.* 272); Сталоса розерване згоди королю полскому з Турчиномъ — *зараз* по отправленю сейму войска полскіе казано збирати (Лет. Сам., с. 158); А трафит ти ся перед паном стояти, *тогда* сила вражиа не попущает ти ровно ногами стояти, але подтыкает тя, да переплетаеш ногами, то тую то сюю наперед поставляючи и на пяту зас выворочаючи; ато сила вражия куда хочет ногами твоими поворочает для того, иж власть в ногах твоих мает и сама под пятою

[77] Ф. Янкоўскі. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Выд. 2, дап. Мінск, 1962.

сѣдит (Виш. Книжка, с. 29); Да тут ставши со Златоустом вас, останка народа руского, утверждаю: Невмѣтаемы бутьтѣ! Да вовергаеми претерпите пещь бѣд лютых, *тогда* узрите вометаемых — сожегаемых, а себѣ — спасаемых, тогда узрите хлад и пришествие ангелово, и проповѣдники езувиты исчезаемы, и царь Навходоносор посрамляем и на поклонение истиннаго бога прелагаем (Виш. Ответ Скарге, с. 142);. . .тогда ⟨Христос⟩ юж доброю наукою слова (абы ученицы теми дары богатьства и вѣдомости разумом не хвалили и не возносили) так запечатовал, егда молвит: «Вся заповѣданая вам сотворите и совершите, *тогда* и на том часе не возноситеся ани хвалите, але рцыте, яко рабы непотребни есмы, еже должны быхом сотворити, сотворихом» (Виш. Зачапка, с. 200); Кириллъ Луцкій упалъ у хоробу, *поѣхалъ* до Сендомира на лѣкарство (Пересторога, с. 210); Римскіи папа Зосимъ послалъ былъ до собору Карѳагінского послы зъ канонами собору Сардикійского, отитуловавши ихъ быти Нікейскими о аппеляціахъ якобы до него належачихъ. Въ томъ часѣ Зосимъ умеръ *наступилъ* Бонифацій, по нашему Внифантій (Палин. Копыст., с. 582—583).

В большинстве приведенных нами примеров временно́е значение подчеркнуто употреблением во второй части предложения наречий *тогда*, *зараз* (ср. со сходными примерами из старорусских и старобелорусских памятников).

За некоторыми исключениями, действия, названные в обеих частях предложения, относятся к прошедшему времени.

В украинском фольклоре, в живой диалектной украинской речи бессоюзные сложные предложения времени встречаются часто.

Приведем примеры из фольклора[78]: прийежджа́йем на по́ле / ва́рим ка́шу (Черниговская обл., с. 215); то д'і͡ед ка́же / дава́й пайі́дем / дадо́му / а за́ўтра ўра́нц'і прийі́дем / то на ўс'іх пал'а́х бу́де раса́ / а на на́шому не бу́де (Там же, с. 215); Поблагослови́ў, вхо́д'ат' дѡ ха́ти (Волынская обл., с. 236); Зараби́ў гро́ші / укра́ли (Закарпатская обл., с. 267).

Примеры из живой диалектной речи: ви́сохне / собіра́йут' у мішки́ / відво́з'ат ў Ду́бно / на хміл'ови́й склад / у хміл'а́рн'у (Ровенская обл., с. 257); а при́деш додо́му / то пожу́рис'с'а / пожу́рис'с'а / де й спат' л'а́жеш (Ровенская обл., с. 259); туди́ йі́хали / було́ те́пло й харашо́ (Сумская обл., с. 278); ви́пирнуў йа раз / уро́д'і тро́хи повидн'і́шало / а пото́м п'ішо́ў аж на дно (Там же, с. 279); прийі́хали вони́ на розгл'а́дини / понара́вилос' йім у нас // (Харьковская обл., с. 248); ви́йшоў Андр'і́й / сип м'ій / так вони́ за ру́ку і до ме́ду / так бужо́ли йак ви́сипали та на йіх / ну вони́ забра́ли мед // (Днепропетровская обл., с. 294).

---

[78] Примеры из фольклора и из живой диалектной речи из записей: Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

Как видим из приведенных примеров, части предложений могут соединяться без союза (большинство случаев) или при помощи *то*, *так* (ср. с примерами из белорусских говоров).

Бессоюзные сложные предложения условия

Нами отмечалось, что в древнерусских грамотах были широко распространены бессоюзные сложные предложения, в которых первая часть указывает на условие [79].

Поскольку в обусловливающей части может стать союз *а*, мы специально остановились на предложениях с этим союзом и установили, что союз *а* в условных предложениях является союзом начинательным, отграничивающим данное предложение от предыдущего.

Нет оснований считать союз *а* союзом условным, так как условность в предложениях с *а* выражалась как порядком слов в обусловливающей части, так и ее местом (препозиция) по отношению к обусловливаемой, а также соотносительным употреблением глагольных форм в обеих частях (в устной же речи и интонацией).

В связи со сказанным мы в главе о бессоюзных сложных предложениях условия рассмотрели и предложения с *а*. Тех же взглядов мы придерживаемся и в настоящей работе.

Среди примеров с *а* в начале сложного предложения в древнерусских грамотах преобладают случаи, когда в обусловливающей части стоят неопределенно-относительные местоимения *къто*, *которыи*, способствующие более тесной связи двух частей предложения. Наши наблюдения над этими примерами позволили сделать вывод, что данные предложения не отличаются от бессоюзных сложных предложений условия без названных выше местоимений как в употреблении союзов в начале сложного предложения, соотносительных союзов, времен и наклонений, так и в отношении места обусловливающей части по отношению к обусловленной (препозиция первой, постпозиция второй). Единственное отличие — устойчивая препозиция подлежащего (в личных предложениях) в обусловливающей части, что объясняется выдвижением относительного местоимения в начало предложения (часто местоимение является подлежащим). Исключения (постпозиция подлежащего) весьма редки.

Это сходство позволяет рассматривать данные предложения одновременно как сложноподчиненные предложения с относительными местоимениями и как бессоюзные сложные предложения условия.

Поскольку мы располагаем большим числом примеров из старорусских памятников без неопределенно-относительных место-

---

[79] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 67—84.

имений, нет необходимости приводить из этих памятников случаи с их постановкой, которая ведет к дополнительному, помимо условия, значению — определительному. Однако, устанавливая степень употребительности соотносительных союзов во второй части бессоюзного сложного предложения условия, учитываем и эти примеры.

Бессоюзные сложные предложения условия широко распространены в грамотах XV—XVII вв., в сводах законов этого же периода. У нас нет оснований делать вывод о постепенном вытеснении этой древнейшей, по сравнению с союзной, конструкции сложноподчиненными предложениями с придаточным условия.

В отдельных жанрах памятников мы наблюдаем как бы рост бессоюзных сложных предложений за счет сложноподчиненных предложений. Так, в Судебнике 1497 г. на 87 случаев с бессоюзными сложными предложениями условия (включаем и случаи с относительными местоимениями) приходится лишь два случая со сложноподчиненным предложением условия (с *аще* и *оже*).

Во всех 87 случаях предложение начинается с *а*, отграничивающим данное предложение от предыдущего. Примеры, в которых нет союза *а* в начале сложного предложения, в старорусских памятниках немногочисленны, еще реже встречаются случаи, когда одновременно нет и соотносительного союза во второй части бессоюзного сложного предложения.

То же мы видим и в более ранних памятниках [80].

Несомненно, однако, что в живой разговорной речи как периода XI—XIV вв., так и периода XV—XVII вв. употребление последнего из указанных выше типов бессоюзных предложений было обычным, а не составляло исключения.

Об этом свидетельствуют пословицы XVII в., где находим данные предложения в большом числе. Краткость, выразительность пословицы требовали устранения каждого лишнего слова. Зависимость второго действия от первого совершенно отчетливо видна и без помощи союзов, вследствие чего они отсутствуют и в первой и во второй части предложения.

Приведем примеры из разных памятников [81]: А езду имати на версту по денге, колко верст ни буди: хочет *пеш* поди, хочет *лошадь* найми (Суд. 1589 г., простр. ред., л. 25); Царь кротокъ і смирен на царствѣ своемъ, і царство его оскудѣетъ, і слава его низится. Царь на царствѣ грозенъ і мудръ, *царство* его ширѣетъ,

---

[80] Ср. сходный вывод Б. В. Лаврова: «Из памятников можно привести лишь незначительное количество примеров паратаксиса (имею в виду «чистый» паратаксис, т. е. и без соединительных, и без относительных союзов). И это не потому, что не было проведено п о л н о г о обследования памятников в этом отношении (это и не нужно), а потому, что примеры такого соединения действительно очень редки» (Б. В. Л а в р о в. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.—Л., 1941, стр. 12—13).

[81] Выделяем курсивом первое слово второй части.

і имя его славно по всѣм землям (Пересветов, с. 70) [82]; всѧкꙋю скорбь и тесноту терпи ѡбидимъ *не мсти* хꙋлимъ *моли* зла за зло не воздаваи (Домострой, с. 8) [83]; Слушай же, что говорю: не станешь писать, *я* петь осержусь (Аввакум, Житие, с. 121); Евдокея Прокопьевна! Авось бы ты умерла, *ведь* бы им жить же без тебя? Ну, да станем Христу докучать: он управит их к себе, создатель наш (Аввакум, Письма, с. 214); Беда миру бедному пришла! Не пить чаша — *во огнь* посадят и кости пережгут, а пить чаша скверная сия — *в негасимый* огнь ввержену быть и в век нескончаемый в плач (Там же, с. 226) [84]; Тако и в притчех глаголет: много лежать, *добра* не добыть, горя не избыть, чести и славы на нажать, красных риз не насить, медовыя чаши не пить, слаткого куса не есть, умному не быть, в дому господину не слыть, власти не видать, князям милу не быть (Пов. о куре и лис., с. 192); Лож ся не выводит, а правдою жити на кабаке пьющему — *ни ковша* не видати (Сатиры о пьянстве, с. 77) [85]; Бояся во҃ковъ *быть* бе҃з гри҃ковъ (Пословицы XVII в., л. 328); Бить борана *сѣдя* бояря уби҃ ко҃зла *не о҃брася* зла (Там же, л. 328 об.) [86]; Буду богатъ *буду* рогатъ ко҃ захочю того и҃збодꙋ (Там же, л. 329); Гость гости а пошолъ. *прости* (Там же, л. 335); Есть пиво *пьемъ* а нетъ ево *ждемъ* (Там же, л. 340 об.); Есть пирогъ *едимъ* а нѣтъ ево *гледимъ* (Там же, л. 340 об.); Есть о҃цъ *убилъ бы* а нѣ҃ ево *купи҃ бы* (Там же, л. 341); Житие радостно *срце* весело (Там же, л. 341 об.); Кинь хлѣбъ соль за собою *объявися* пре҃ тобою (Там же, л. 352); Много говорить *голова* заболитъ (Там же, л. 357); Не поиманъ *не тать* не по҃нята *не блядь* (Там же, л. 359); Не любо *не знаися* не хошь *не живи* (Там же, л. 360); Помолчи боле. *поживешъ* доле (Там же, л. 365).

Несколько примеров с союзом во второй части: Въ 12 в понедѣлник прииде владыка к великому князю, а с ним прежереченнии посадници и житии, а били челом, что бы им з боары говорити, и князь великы боаръ к ним на говорю послал, и они о дворѣ о великого князя о Ярославлѣ отвѣчали так: «то, господине, дворъ государеи наших великих князеи, хотятъ тотъ свои дворъ взяти, *ино* пред богомъ да пред ними, а захотят государи наши

---

[82] В примере имеется и бессоюзное предложение условия с союзом *а* во второй части — первое предложение примера: *царь кротокъ*...

[83] Два бессоюзных предложения.

[84] Два бессоюзных предложения. Второе бессоюзное предложение *а пить чаша* ... включаем тоже в число случаев без союза в обеих частях, поскольку союз *а* не начинательный, а противительный.

[85] Союз *а* здесь и ниже — противительный.

[86] Два бессоюзных предложения условия. То же и в примерах л. 340 об., 341, 359, 360.

в околоткѣ взяти мѣсто против того своего двора, *ино*, господине, перед ними» (Моск. лет. св. конца XV в., л. 450 об. 451) [87]; А имати намѣстникомъ отъ суда пошлинъ: доищется ищея своего въ заемномъ дѣлѣ, или въ бою, или въ лаѣ, *и* ему имати на виноватомъ съ рубля по гривнѣ, то ему и съ тіуномъ (Суд. Ив. IV, с. 231); А о земляхъ судъ. Взыщетъ бояринъ на бояринѣ, или монастырь на монастырѣ, *ино* судити за три годы; а взыщетъ монастырь на бояринѣ, *ино* судити за три ж годы, а далѣ трехъ годовъ не судити (Там же, с. 252); А о землех суд. Взыщет боярин на боярине, или монастырь на монастыре ж, или боярин на монастыре, *ино* судити за 3 годы (Суд. 1589 г., л. 59); всего того и всѧкои порѧдни жена смотрила і оучила слѹгъ, и дѣтеи добромъ и лихомъ, не име̑ слово *ино* оударить (Домострой, с. 37); Егда приехали к порогу к самому большему, Падуну, — река о том месте шириною с версту, три залавка через всю реку зело круты, не воротами што попловет, *ино* в щепы изломает — меня привезли под порог (Аввакум, Житие, с. 71—72); Изволишь, государь, с долготерпением послушать, *и* я тебе, свету, о своих бедах и напастех возвещу немного (Аввакум, Письма, с. 187); Ведаете не потакати, *ино* с ним и не пити (Сатиры о пьянстве, с. 77); Гром не грянетъ *и* мужикъ не дрогнетъ (Пословицы XVII в., л. 336 об.); Добра не смыслишъ *и* ты худа не говори (Там же, л. 339 об.); Тетива порветца *и* Татари[и] не бьетъца (Там же, л. 370 об.); Трѣскѹ. боятца. *и* в лѣсъ не ходить (Там же, л. 371 об.); ѹдасться. квасъ а не удатся *инъ* кислые шти (Там же, л. 372) [88]; Катер(ина): не хочешь ты дать і ефим'ковъ, *и* мнѣ тобѣ не пособить, ты добрѣ крѣпокъ (Разговорник 17 в., с. 44).

Из бессоюзных предложений условия с союзом начинательным *а* реже всего, как и в древнерусских памятниках, встречаются предложения без союза в обусловленной части: а имуть чего̑ искати на новгородце̑ или на новоторжче̑ *су* с новгородце̑ в ногоро̑. а с новоторжцо̑ в торжку (Новг. договорная гр. 1426.— 1461 гг. Шахм., О языке, № 18); а приведу̑ тферитина с полични̑ к новгорочко̑ посаднику. или к новоторжко̑. *сути* его по хр̑тно̑ челованью (Там же); а холо̑ или роба име̑ на господу вадити. *том*ѹ̑ ва̑ вѣры не инѧти (Новг. договорная гр. 1471 г. Шахм., О языке, № 20); а не восхочеть игуменъ савастьѧнъ тое земли. *дадуть* мои племеньники. игумену савастьѧну сорочекъ за сокооустъ а с̑тому николѣ л. бѣлъ на темьѧнъ (Двин-

[87] Союз *а* здесь и ниже — противительный.
[88] В этом примере и бессоюзное предложение без соотносительного союза: ѹдасться. квасъ.

ская духовная гр. XV в. Шахм., Исслед., № 9); А случится судъ смѣстной, *ищея* или отвѣтчикъ судимы будутъ не одному судіѣ (Суд. Ив. IV, с. 205); А случитца суд смесной, *ищея* и ответчик судимы будут не одному судье (Суд. 1589 г., л. 31); а кꙋпить оу кого что нибꙋдь много или мало оу приежево ли гостѧ или оу крт҃ьѧніна или оу здешнево чл҃ка, *торгꙋи* полюбовна а денги плати въ рꙋчь (Домострой, с. 39); а в госте бꙋде[89] илі оу нѣ гости ѡ҃ню бы сама пьѧна не была, а з гостьѧми бѣседа бы была о рꙋкодѣльи, і ѡ домашнеи порѧдне, і ѡ законномъ, хр҃тїаньскомъ житіи, а не пересмѣиваисѧ и не переговаривала бы ни ѡ комъ ничево (Там же, с. 64); А ачешъ чюжова *потеряешъ* свое (Пословицы XVII в., л. 326).

В обусловленной части бессоюзного сложного предложения обычно находим соединительный союз *и* или соотносительный союз *ино*, причем чаще употребляется *и*. Это *и*, благодаря тому, что оно могло иметь и значение усилительной частицы, способствовало выделению второй части бессоюзного сложного предложения.

Приведем ряд примеров с *и*: а похоце кн҃зь великии. на тои грамо. за то ѣтисѧ. *и* великии ногоро повелѣлъ за то ѣтисѧ павлу федодорови (федорови. — *В. Б.*) (Новг. договорная гр. 1426—1461 г. Шахм., О языке, № 18); А лучитца у того попа и у всего причта церковного моимъ десятилникомъ, или ихъ людемъ, ночлигъ, *и* они у нихъ емлютъ кормъ свой и конской по ихъ силѣ, что у нихъ лучитъ; а въ сани имъ корму своего и конского не положити (Новг. гр. 1549 г. АИ, т. I, № 150); А не угодице с кымъ прислать *и* ты у себѧ избѣли (Новг. берест. гр. начала XV в. Арц., № 21); [а п]ридуть василевы дѣтѣ на [ѡ҃чну] *и* оне сами володѣють. своею ѡ[т҃чиною] (Двин. гр. XV в. Шахм., Исслед., № 11); а притчею де воръ Ивашко Заруцкой и съ Астороханскими ворами придутъ къ острожку и въ острожкѣ осадятъ, *и* имъ будетъ помогати намъ нелзѣ (Рус. гр. 1614 г. АИ, т. III, № 256); А отъседе[т] свои оуро[к] тѣ люди, *и* они потяну[т] в мою да[н] по силѣ (Моск. гр. 1441 г. АЮБ, т. I, № 31 (VI); а лучи[т]ся су[д] смѣснои монастырьски[м] люде[м] с волостными людми, *и* игуме[н] и[л] его при[к]зни[к[с во[л]стеле[м] и[л] с тиоуно[м] судя[т] (Моск. гр. 1448 г. АЮБ, т. I, № 31 (х)); А пошлютъ которого неделщика по татей, *и* ему татей имати безхитростно, а не наровити ему никому (Суд. 1497 г. л. 6 об.); А досудятся до поля да помирятся, *и* ему имати по грамоте (Там же, л. 8); А тиунъ дасть грамоту правую, *и* он емлеть от печяти с рубля по полутретья алтына на государя своего и на себя, а дьякъ его емлеть

[89] Жена.

с рубля по три денги (Там же, л. 8 об.); А послух не говорит перед судиями в ысцевы речи, *и* истець тем и виноват (Там же, л. 10 об.); А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, *и* он найму лишен (Там же, л. 10 об.); А холопа полонит рать татарская, а выбежит ис полону, *и* он слободен, а старому государю не холоп (Там же, л. 11); А не поидут опришнии люди прочь, *и* околничему и диаку на тех велети исцово доправити и с пошлинами да велети их дати на поруку да поставити перед великым князем (Там же, л. 12 об.); А побіются на полѣ *и* пошлины судныя и полевыя взяти, по указу, на убитомъ (Суд. Ив. IV, с. 196); А похотятъ оба истца, ищея и отвѣтчикъ, срокъ отписати, *и* они оба платятъ, отъ подписи и отъ писма, и недѣлщику хоженое, по половинамъ (Там же, с. 210); А дастъ тіунъ государю на холопа правую грамоту безъ докладу, *и* та правая грамота не въ грамоту, и дати судъ съ головы (Там же, с. 235); а похочетъ тотъ холопъ къ своему къ старому государю, *и* того холопа явити бояромъ, а діяку подписати на старой крѣпости, а пошлины имати съ головы по алтыну (Там же, с. 251); А наймитъ у государя не дослужитъ уроку своего, да пойдетъ прочь, *и* онъ найму лишенъ (Там же, с. 252); А не будетъ братьи въ послусѣхъ, или племянников: *и* братья, или сестры, или племянники ту вотчину выкупятъ (Там же, с. 253—254); А у поля став помирятца, *и* боярину, и дворецкому, и казначею, и дияку по тому же указу имати (Суд. 1589 г., л. 19); А солжет жалобник, *и* его бить кнутом да на поруки дать, чтобы вперед не лгал (Там же, л. 19 об.) [90]; а не станешь в вѣру нашу в Махметъ дени, *и* жерепца возму и тысячю золотыхъ на главѣ твоей возму (Хож. Аф. Ник., л. 373 об.); а посмотрилъ бесерменинъ на ѣству, *і* онъ не ястъ (Там же, л. 378 об.); а пошлешь кѹды слѹшкѹ или сна, и што накаже говорити или што здѣлати или што кѹпить *и* ты вороти да спроси емѹ што ты емѹ наказалъ что емѹ говорити или что емѹ здѣла, или что емѹ кѹпити (Домострой, с. 33); а не бѹдетъ в запасе чево, а гостѧ длѧ и про себѧ что понадобитсѧ кѹпи *и* того в торгѹ не добѹдешъ (Там же, с. 44) [91];

«А не отдадите мне государя моего Бовы королевича, *и* яз жив не могу от града отитить» (Сказ. про Бову, с 464); А въ которое время луги будутъ заперты, *и* им ставитися и на запертыхъ лугахъ отъ дороги на одну сторону поперегъ въ пять сажень безпенно же, а дале пяти саженъ отъ дороги въ тѣхъ запертыхъ лугахъ не ставитися, и травы не толочити, и лошадьми не травити (Улож. 1649 г., с. 15); А въ которое время про воинскихъ людей будутъ вѣсти, и по темъ вѣстямъ чаяти воинскихъ людей приходу, *и* въ

[90] В том же памятнике пример с *и*, которому предшествует *да*, способствующее еще большему усилительному значению союза *и*: А сам не стал, да и суда ему не дати за тем судьею до новаго судии году (Суд. 1589 г., л. 38 об).

[91] В предложении два условия — основное и дополнительное, но тоже обязательное.

то время съ государевы службы ратныхъ людей ни для какихъ дѣлъ не отпускати (Там же, с. 16) [92].

В письмах XVII в. встречаем условные предложения с трафаретной формулировкой (в обусловливающей части), имеющей чаще всего четыре варианта: пожалуешь изволишь вѣдать; изволишь вѣдать; пожалуешь похочешь вѣдать; похочешь вѣдать. Вместо *вѣдать* иногда находим *воспомянуть*, *напаметовать* или *спросить*. Приведем несколько примеров:

1) а пожалуешь изволишь вѣдать о мнѣ *и* я на Москвѣ з женою и с малчиком октября въ КВ де живы до воли бжиі (М. Прокофьев А. И. Безобразову 22 октября. — Памятники XVII в., № 148, с. 84); А про меня гсдрь пожалꙋшь [93] изволишь ведат *и* я на Москвѣ при милости гсдря своево батюшка Василя Григоревича жив до воли божиі (В. В. Семенов А. И. Безобразову. — Там же, № 172, с. 95); А пожалꙋешь гсдря изволишь про меня вѣдать *и* я на Москвѣ при млсти гсдря своего Васильѧ Григорьевича и з детми сентября по ѲІ числа жива до воли бжиі (П. Семенова А. В. Безобразовой, 19 сентября. — Там же, № 173, с. 95); а про меня пожалꙋешъ гсдрь изволишъ вѣдать *и* я на Москвѣ июля по ЕІ де живъ до воли бжиі (И. С. Ларионову от Ю. Урусова, 15 июля 1694 г. — Источники XVII — начала XVIII в., № 2, с. 63); 2) а изволишь ѡ мнѣ вѣдать *и* я в калꙋжскои моеи дрвнишкѣ ѡктябрѧ въ Д де жив до воли бжиі (Г. Ромадоновский А. И. Безобразову, 4 октября. — Памятники XVII в., № 153, с. 86); а изволишь ѡ мнѣ вѣдать *и* я в калужскои своеи дрвнишкѣ октября в І де жив до волі бжиі (Г. Ромадоновский А. И. Безобразову, 10 октября. — Там же, № 154, с. 87); а о мнѣ изволиш вѣдат *и* я с Пелагѣею и з детми жив до волі бжиі (В. Семенов А. И. Безобразову, 26 октября. — Там же, № 169, с. 94); а по млсти своеі изволишь о вотчине своеі вѣдать і в вотчине гсдрь твоі всѣ дал бгъ ѕдорово (И. И. Киреевскому от старосты Е. Мокеева, 3 августа 1698 г. — Источники XVII—начала XVIII в., № 9, с. 23); а про нас гсдрь моі изволишь вѣдат *и* я по воле всесильнаго і в троице славимого бга на Москвѣ при милости отческоі в живых обрѣтаюс (И. С. Ларионову от А. Шаховского, 16 февраля 1694 г. — Там же, № 5, с. 65); а об нас ізволиш ведат *и* я ѕ женишкою и ѕ детми млстию бжиею жив (С. И. Пазухину от И. Губина, 23 ноября 1691 г. — Там же, № 9, с. 156);

3) а пожалуеш похош вѣдат о мнѣ і ѧ на Москвѣ октября по АІ число. з живыми (В. Брехов Ф. В. Бородину, 11 октября. — Грамотки, № 7, с. 16); а пожалуеш похош вѣдат. о мнѣ *і* ѧ на Москвѣ июня по 3 число до воли бжьи жив (В. Брехов Ф. В. Бородину, 2 июня. — Грамотки, № 16, с. 21);

4) а про меня гсдрь похочешь ведат *і* ѧ на Москвѣ іюнѧ вь ГІ день даль бгь живь а вьпреде его же божескаѧ волѧ (И. И. Кире-

[92] Обусловливающее предложение — сложносочиненное по своему составу.
[93] Так в рукописи.

евскому от В. Киреевского, 13 июня 1698 г. — Источники XVII — начала XVIII в., № 14, с. 25);
5) А про меня гсдрь изволиш по млсти своем воспоменут *и* я в мешескои своеи вотчины в дрвни Конскои нодбря в де обретаюс в живых (И. И. Киреевскому от Д. Яблочкова, 19 ноября 1961 г. — Источники XVII — начала XVIII в., № 2, с. 20); а изволиш по приятству своему о мнѣ спросит *и* я на Москвѣ февраля по Г число жив (А. Зыков Ф. В. Бородину, 3 февраля. — Грамотки, № 21, с. 25); а про меня по милости своеи изволиш напаметовать *и* я со своими домашними июля по BI число еще жив а впред ево бжия воля (Ф. Зеленый Е. И. Суворову, 12 июля.— Там же, № 38, с. 32).

В примерах сообщение автора письма о себе (о себе лично или вместе с семьей), о вотчине сопровождается отмеченной выше предельно вежливой формулировкой, иногда с добавлением уничижительных (по отношению к автору письма) слов *по благости неизреченной, по милости своей*. Это самоуничижение особенно заметно благодаря употреблению стереотипной формулировки в условном предложении.

Что здесь условное предложение, доказывает сходный текст со сложноподчиненным предложением условия: А естли по блгости неизреченно [94] к намъ своеі о нас ізволите наименовать и я с женою і з детми млстию бжиею в добромъ здравиі (С. И. Пазухину от И. Губина, 28 января 1693 г. — Источники XVII— начала XVIII в., № 4, с. 152); а если гсдрь изволиш по милости своеи напомнить ѡ моем ѳбожестве и гсдь богъ ѡкоянствѳ моемѳ терпитъ и з девочкою своею Ѳедоскою живъ авгѳста по десятое число (В. Прокофьев Семену Максимовичу, 10 августа. — Грамотки, № 121, с. 70); А естьли ізволиш напамятовать про нас убогих і я в Великом Новегороде в бесконечных своіх суетах і в разорене а Парасковя въ домишке своем з детишками все дал бгъ живы (Ф. Зиновьев Ф. Т. Вындомскому, 14 сентября 1697 г. — Грамотки, № 172, с. 98).

Как мы отметили выше, соотносительный союз *ино* употреблялся несколько реже, чем соединительный союз *и*, однако в некоторых памятниках (например, в двинских грамотах XV в.) он господствует, союз *и* почти не встречается: а наѣду ѡдино велико кнзѧ в рѳскои зели. *ино* ѡдиному посоство правити (Новг. договорная гр. 1471 г. Шахм. О языке, № 20. Дважды); а доспѣетсѧ велико кнжниѧ торговцѳ. в новугороскои зели татба или розбои. *ино* то дѣло новугороду ѡбыска въ правду по крномѳ целованїю (Там же); а изонде .і. лѣтъ да .г. лѣ. *ино* федору свои куны. у ѡбросьѧ. и у лаврентѣѧ. свои. куны. взати. а земли. ѡступитсѧ. а грамота ѡдать купнаѧ. и закладнаѧ (Двинская

[94] Так в рукописи.

закладная гр. XV в. Шахм., Исслед., № 99); А поимают татя вьдругые с татбою, *ино* его казнити смертною казнию, а исцево заплатити изъ его статка, а достоль его статка судье (Суд. 1497 г., л. 2 об.); А побиются на поли в пожеге, или в душегубстве, или в разбое, или в татбе, *ино* на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продажи наместнику, то ему и с тиуном (Там же, л. 8); А взыщут на боярине или на монастыри великого князя земли, *ино* судити за шесть лет, а дале не судить (Там же, л. 11 об.); А послушествует послухъ лживо не видев, а обыщется то опосле, *ино* на том послухе гибель исцева вся и с убытки (Там же, л. 12) [95]; А скажутъ въ обыску, что онъ доброй человѣкъ, *ино* дѣло вершити по суду (Суд. Ив. IV, с. 222) [96]; а не будетъ по немъ крѣпкія поруки, *ино* его вкинути въ тюрму, доколѣ порука по немъ будетъ (Там же, с. 223; см. также с. 224, 225, 226); а побіются на полѣ, *ино* на убитомъ полевыхъ пошлинъ взяти полтора рубля, а доспѣху не имати (Там же, с. 232); а на Москвитинѣ взыщетъ которого удѣлного Князя городской человѣкъ, *ино* судити ихъ наместникомъ Московскимъ (Тэм же, с. 267); А похочет небоец з бойцом битися сам, *ино* им битися (Суд. 1589 г., л. 21); А просит ответчик суда на исца в переемных денгах, *ино* суд дати (Там же, л. 22 об.); А похотят оба исца срок отписывати, *ино* оба платят от подписи пополам, а неделщику хоженое (Там же, л. 34); А крестьянин у крестьянина в одной деревне межу подорет или перекосит, *ино* властелю на нем взять за боран два алтына (Там же, л. 67—67 об.); А жити в Гундустанѣ *ино* вся собина исхарчити, зань же у нихъ все дорого (Хож. Аф. Ник., л. 386 об.); а бѫдетъ слишкомъ за ѡбиходомъ надѣлано, полотенъ или оусчинъ или холъстовъ или скатертеи или оубрѫсовъ или ширинокъ, или иного чего *ино* и продатъ *ино* што надобе кѫпитъ, *ино* того оу мѫжа не проситъ (Домострой, с. 29) [97]; а ѿвѣта не ѿдатѫ *ино* легонко потолкатисѧ (Там же, с. 33); а дворецкои того не брежетъ *ино* на него брани а гдрнѧ того не бреже *ино* мѫжу на нее бранити (Там же, с. 51); а в дрѫгїе и в трети простѫпи или ленитца, *и іно* по винѣ и по дѣлѫ смотрѧ по разсѫженїю наказати, и побити (Там же, с. 57); а нетъ колодезѧ *іно* бы вода всегды была (Там же, с. 59) [98-99]; А просудится судья, *іно* имъ пишется такова смерть по уставу Махметову: в'зведетъ его на высокой скатъ, да и пхнетъ

---

[95] В предложении два условия: основное и дополнительное.

[96] Обусловливающая часть — сложноподчиненное предложение.

[97] Обусловленная часть — предложение с однородными членами — сказуемыми.

[98-99] Приведем из «Домостроя» и пример с *и* (а не с *а*) в обусловливающей части: и оувиди мѫжь что не порѧдливо оу жены и оу слѫгъ или не по томѫ ѡ всемъ что в сеи памѧти писано *ино* бы оумѣлъ свою женѫ наказывати всѧкимъ разсѫженїемъ и оучити аще внимае и по томѫ все творити і любити и жаловати (Домострой, с. 37).

его в зашию надол, да речетъ так: не умѣлъ еси в доброи славѣ быти і вѣрно государю служити (Пересветов, с. 62); А станетца татба в войску или разбой, і, нашедши что, да к шатру не отнесетъ, *іно* на таковыя лихия люди, о тати и о разбойникѣ обыскъ царевъ живетъ накрѣпко по десятникомъ і по тысяцкимъ (Там же, с. 76); а десятникъ утаитъ лихово человѣка в своем десятку, і потомъ обыщутъ всею сотнею, *іно* та же ему смертная казнь (Там же, с. 77); Чтобы к тои истинной вѣрѣ христіянской да правда турецкая, іно бы с ними ангели бесѣдовали. А к той правдѣ турецкой да вѣра христіанская, *іно* бы с ними ангели же бесѣдовали (Там же, с. 78); Подаваися по рукам, *ино* легче волосам, толко собою нечем купити, а на людех пити, *ино* побои терпети (Сатиры о пьянстве, с. 77) [100]; А как петь-су причастить, не исповедав? А не причастив бешанова, *ино* беса совершенно не отгонишь (Аввакум, Житие, с. 76).

Сопоставительный союз *ино*, редко употребляющийся в ранних памятниках (и в бессоюзном предложении и в сложноподчиненном условном предложении), закрепляется с XV в. в качестве союза (не единственного) обусловленной части предложения.

Интерес представляет пример из «Домостроя» (стр. 57), где находим одновременно и союз *и*, и союз *ино*, каждый из которых имеет значение следствия, результата.

Отсутствие примеров с *ино* в берестяных грамотах XI—XIV вв. свидетельствует о том, что живой разговорной речи XI—XIV веков [101] этот сопоставительный союз был чужд. Затем он стал принадлежностью и устной речи, о чем в известной степени говорят двинские грамоты XV в., в которых употребляется только этот союз [102].

В памятниках XV—XVII вв. нам не встретилось примеров с *а* в обусловленной части. Они немногочисленны и в памятниках XI—XIV вв. Следует, однако, подчеркнуть значение того факта, что случаи с *а* представлены рядом примеров из новгородских берестяных грамот: А едеши по корову *а* вьзи (три гривьнѣ) (Берестяная гр. рубежа XII—XIII вв. Арц. и Тих., № 8); А не присълещи ми полоупѧты гривьны *а* хоцоу ти выроути въ тѧ лоуцьшаго новъгорожѧнина (Берестяная гр. XI в. Арц. и Борк., № 246). Отметим еще пример, где союз *а* начинает главную часть в сложноподчиненном условном предложении с *оже*: ѡ михалѧ

---

[100] В примере и предложение без *а* в обусловливающей части.

[101] Соотносительный союз *ино* находим в берестяной грамоте № 363, которую А. В. Арциховский относит к концу XIV в. или к рубежу XIV—XV вв. Здесь союз входит в состав главного предложения сложноподчиненного предложения с *аже*: аже будешь не поминала *ино* оу тебе солоду было. См.: А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, стр. 58. — Если принять более раннюю датировку грамоты (конец XIV в.), то придется внести небольшую поправку в предложенную хронологию.

[102] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение, стр. 76.

к атцеви оже поиде кнѧзе *а* поими коне оу ѳедора и седло возми а ковриго несли семо дешево (Новг. берест. гр. второй половины XIII в. Арц., № 404).

Союз *а* не закрепился в обусловленной части бессоюзного предложения. Мы объясняем это тем, что такому употреблению, возможно, препятствовало противительное значение, которое характерно для союза *а* не только тогда, когда он стоит при однородных членах, связывает части сложноподчиненного предложения, но и тогда, когда *а* является союзом, начинающим предложение, отграничивающим данное предложение от предыдущего [103].

Крайне редко употреблялся в обусловленной части бессоюзного предложения союз *то*. В то же время в сложноподчиненном предложении условия мы чаще всего встречаем этот соотносительный союз. В дальнейшем он стал господствующим соотносительным союзом в литературном русском языке (помимо него могут употребляться *так* и *тогда*).

Отметим примеры с этим союзом в памятнике конца XV в., отступив от принятого нами правила приводить из старорусских памятников лишь случаи без неопределенно-относительных местоимений *къто*, *которыи*: А котораа вдова не от церкви божии питается, а живет своим домом, *то* суд не святителской (Суд. 1497 г., л. 11); а которые его дети у иного или себе учнут жити, *то* не холопи (Там же, л. 12).

В пословицах XVII в. находим только два примера с *то*: Рано сл҃нцо всходитъ *то* у҃ быть до҃дю (Пословицы XVII в., л. 367); Узолокъ да памяца *то* дѣло станеца (Там же, л. 372 об.). Очевидно, союз *то* воспринимался и в древнейший период, и в более позднее время преимущественно как союз, соотносительный с союзом условным обусловливающей части предложения (*аже*, *оже* и др.). Этим и объясняется, как мы полагаем, ограниченность случаев с *то* в предложениях без подчинительных союзов. Наречие *такъ* в роли соотносительного союза встретилось нам в пословицах XVII в. трижды: Есть дн҃га в слину, а нѣ ея *та* в҃ схиму (Пословицы XVII в., л. 341); Не по многѹ. берешъ *такъ* болши наберешъ (Там же, л. 359 об.); Не замаи дерма *такъ* не ваняетъ (Там же, л. 361 об.).

В пословицах конца XVII — начала XVIII столетия значительно больше примеров: Бѹде пора *такъ* не ѹйдетъ дуда (Пословицы XVII—XVIII вв., л. 2 об.); Пирокъ с крупой *такъ* всякъ с рукой (Там же, л. 3); Богатѣе себя взае не давай, *такъ* не оголѣешъ (Там же, л. 3 об.); Жени ца *такъ* не лени ца хотя і не хоче ся в'става (Там же, л. 7 об.); Лгать

---

[103] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение, стр. 76, 171.

такъ людей обѣгать (Там же, л. 8 об.); Лодыга в каше, *та* повара в зашей (Там же, л. 8 об.); Окомъ не смотри, *такъ* мошнею заплатить (Там же, л. 12); Пашню пашꙋ *такъ* рꙋками не машутъ (Там же, л. 12 об.); Ситней сьѣлъ *такъ* решетной цѣлъ (Там же, л. 14); Шꙋтка шутить *такъ* люми замутить (Там же, полулист между 18 и 19 л.); Понедѣ никъ держать *та* и хвостъ по жать (Там же, л. 21 об.); Подꙋмаешъ умомъ *та* волосы дыбомъ (Там же, л. 24); Ворꙋ не говорить *такъ* и праву не быть (Там же, л. 26); На рядꙋ сидѣть *та* все пить (Там же, л. 26).

Некоторые из отмеченных пословиц конца XVII — начала XVIII столетия близки к временны́м предложениям, в частности на листе 2 об. и листе 12 об. Следующий пример, по нашему мнению (другого взгляда придерживается Б. В. Лавров)[104], — не условное, а временно́е предложение: Пошла по масло *такъ* в печи погасло (Пословицы XVII—XVIII вв., л. 12 об.).

Отметим, что в пословицах XVII в. сходный текст оформлен иначе: Пошла в клѣть по масло *и* в печи погасло (Пословицы XVII в., л. 364); Пошла баба по масла, *а* в печи погасла (Там же, л. 366). В первом случае результат действия, а во втором — одновременность двух действий (точнее — последнее происходит в один из моментов первого).

Встретился нам пример с *такъ* и в Разговорнике 17 в.: Данил(о): Такъ, то ты говоришъ; тутъ ефимокъ, иньде иной, *такъ* станет два ефимка; отдават ли тобѣ так? (Разговорник 17 в., с. 45—46).

Б. В. Лавров, кроме примеров из пословиц XVII в. и пословиц конца XVII — начала XVIII в., приводит ряд примеров из былин[105], сказок, несколько пословиц из собранных В. И. Далем, а также условные предложения с *так*, записанные в районе озера Селигер в 1936 г. Им же отмечены три случая из памятников XVII в. (два примера) и середины XVIII в. (один пример).

---

[104] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 29.

[105] К этим примерам присоединим еще следующие, отмеченные В. А. Тихомировой в автореферате канд. диссертации («Сложные предложения в «Онежских былинах, записанных А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.» М., 1953, стр. 17):

1) Ай ты старой казак Илья Муромец!
Отдай-ко ты шубку соболиную,
Ты волею отдашь, *да* мы волею возьмем,
Волей не отдашь, *так* мы неволею возьмем.
«Онежские былины», т. II. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1953, стр. 318 (166—169).

2) Говорил Владимир стольнё-киевской:
— Мне спустить Ставра, *так* не видать Ставра,
А не спустить Ставра, *так* разгневить Посла.
Там же, стр. 504—505 (355—357).

Поскольку в литературных памятниках бессоюзные условные предложения с *такъ* встречаются редко, а в фольклоре и в народных говорах они широко представлены, Б. В. Лавров приходит к вполне обоснованному выводу, что эти предложения — особенность разговорной речи, диалектная черта[106].

Это положение может быть подтверждено употреблением *так* в бессоюзных условных предложениях в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Н. А. Некрасов, прекрасный знаток разговорной речи, диалектной речи, пользуется предложениями с *так* как характерными для разговорной речи.

К. А. Федорова отмечает в названной поэме ряд случаев с *так* в обусловленной части: Сказать бы губернатору, Так он бы задал им; Давненько не видались мы, А знать бы — Так не ехать бы; Конечно, дело чистое — За требу воздаяние. Не брать — так нечем жить. . .[107]. Вместо *так* может выступать *дак*, *дык* — союз, известный белорусскому языку[108].

Ряд примеров с *так* и *дак* из севернорусских говоров приводит А. Б. Шапиро[109]. Такое употребление известно и южнорусским говорам. Л. М. Лосева отмечает примеры из курских говоров: А та́къ-тъ паду́мът', дык н'иш'ав'о́ н'ил'з'а́ йэ́'с'т'; Н'а-йэ́лъп агурцо́в, дык н'иш'ав'о́-п н'и-было́-п; Шш'ас до́мъ с'ид'э́т', дык са-ску́к'и умр'э́ш; Йэ́с'т' захо́ш'иш, дык пр'и́д'иш; Зъбал'и́т', дык пайд'э́ш-и-ты — у бал'н'и́цу; Пр'и́д'иш, дык аста́в'у и таб'э́ йэ́тъх-тъ с'им'а́н[110].

Наши наблюдения над употреблением глагольных форм в бессоюзных сложных предложениях условия позволяют сделать следующие выводы.

Если в обусловливающей части бессоюзного сложного предложения в старорусских памятниках сказуемое выражено глаголом в будущем времени, то в обусловленной части сказуемым является или инфинитив, или глагол в будущем времени (реже — в настоящем). Такое соотношение форм типично для договорных грамот, для других законодательных актов, но находим его

[106] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 28—29.

[107] К. А. Федорова. Способы выражения условно-следственных отношений между предложениями в языке поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — «Уч. зап. Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина», 1961, т. 119, кн. 5. Памяти В. А. Богородицкого (к столетию со дня рождения) 1857—1957 (сборник статей), стр. 116. — Автор считает эти предложения составляющими как бы промежуточную ступень между сложноподчиненными предложениями с подчинительным союзом в придаточном и соотносительным *так* в главном или без него и бессоюзными предложениями с отношениями условия—следствия между частями.

[108] *Дак* и *дык* из *так* под влиянием *да*, см.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. 1956, стр. 82.

[109] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953, стр. 62—63.

[110] Л. М. Лосева. Сложноподчиненные предложения с придаточными условия в курских говорах. «Навукові зап. Чернівецького державного університету, Серія філол. наук», 1958, т. XXX. вип. 7. Питання історії і діалектології східнослов'янских мов, стр. 136—137.

и не в памятниках деловой письменности. Если в обусловливающей части сказуемое-глагол в настоящем времени, то в обусловленной ему соответствует сказуемое-глагол в настоящем или будущем времени (реже сказуемым является повелительное наклонение глагола или инфинитив). При сказуемом-инфинитиве в обусловливающей части в обусловленной обычно стоит сказуемое-инфинитив или глагол в будущем времени. Отметим, что на месте сказуемого-глагола в будущем или настоящем времени может быть составное сказуемое со связкой в форме будущего или настоящего времени (в последнем случае и без связки).

Виды соотносительного употребления тех или иных форм в роли сказуемого обусловливающей и обусловленной частей бессоюзного сложного предложения в памятниках XV—XVII вв. чрезвычайно разнообразны[111]. Нами указаны выше основные, наиболее типичные из них.

Остановимся еще на тех редко встречающихся видах, из которых некоторые в дальнейшем, благодаря своему структурному своеобразию, получили распространение как наиболее ярко выражающие условие. Имеем в виду в первую очередь случаи с сослагательным наклонением в обеих частях или только во второй части предложения.

Сослагательное наклонение находим в обеих частях следующего ставшего хрестоматийным примером: Не свои бы былъ не сабакою бы слылъ (Пословицы XVII в., л. 360)[112]. Здесь ирреальное условие. Особого внимания заслуживает пример из памятника XVI в., в котором условные предложения (первое с союзом в обусловливающей части, второе — без союза) называют действия, только предполагаемые как возможные: Чтобы к той истинной вѣрѣ христіянской да правда турецкая, іно бы с ними ангели бесѣдовали. А к той бы правдѣ турецкой да вѣра христіанская, іно бы с ними ангели же бесѣдовали (Пересветов, с. 78). Еще пример из того же памятника: Турецкій царь Махмет-салтанъ великую правду въ царство свое в'вел, іноплемянник, да сердечную радость Богу воздалъ; да къ той бы правдѣ да вѣра христіанская, іно бы с ними ангели бесѣдовали (Пересветов, с. 67).

Так как действия, названные в обусловливающей части (в ней сказуемое опущено), не могут осуществиться, во второй части предложения допускается заведомо невероятное: іно бы с ними ангели (во втором предложении первого примера: ангели же) бесѣдовали.

Интерес представляют и примеры (в первом примере сослагательное наклонение только в первой части условного предложения, во втором примере — во второй части каждого из двух

---

[111] Чрезвычайно многообразны они и в современном русском языке, см.: Л. С. Дротвинас. Бессоюзные условные предложения в русском языке. РЯШ, 1959, № 6.

[112] Сходный пример в более поздних пословицах: Не свое бы было не собакою слыло (Пословицы XVII—XVIII вв., л. 10 об.).

предложений): Авось бы ты умерла, ведь бы им жить же без тебя? Ну, да станем Христу докучать: он управит их к себе, создатель наш (Аввакум, Письма, с. 214); Есть оцъ убилъ бы а нѣ ево купи бы (Пословицы XVII в., л. 341). Второй пример — лишь с кажущимся возможным действием, а в первом—действие вполне возможное.

Как известно, в древнерусских памятниках ирреально-условные бессоюзные предложения почти не представлены[113].

Хотя в более поздних памятниках, как видим, они тоже составляют исключение, однако нельзя сделать решительный вывод об их ограниченном употреблении в живой русской речи того времени. Приходится учитывать, что живая русская речь отражена лишь в немногих памятниках XV—XVII вв. Редкими являются и примеры с повелительным наклонением глагола со значением условия в первой части предложения. Они немногочисленны даже в пословицах[114]: Кинь хлѣбъ соль за собою объявися предо тобою (Пословицы XVII в., л. 352); Не пей много вина не истеряешъ ума (Там же, л. 359); Не и бываи постылого не вовме бгъ милого (Там же, л. 359); Не заман дерма такъ не ваняетъ (Там же, л. 361 об.); Помолчи боле. поживешъ доле (Там же, л. 365); Богатѣе себя взае не давай, такъ не оголѣешъ (Пословицы XVII—XVIII в., л. 3 об.).

Как мы отмечали выше, многие условные предложения не всегда можно отграничить от временны́х бессоюзных предложений и в современном литературном русском языке, и в русских говорах, и в фольклоре.

Бесспорными предложениями условия считаем следующие в записях диалектологов: Нонь ни пирясу́шым — завтра пирясу́шым (Воронеж.)[115]; Дош прашол — картошка радит'; За ухъ патцопиш—

---

[113] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 13—14. — По мнению автора, «специальная форма условного наклонения (с частицей *бы*) исключительно редко выступает в бессоюзных условных предложениях и не всегда создает здесь значение ирреально-условного» (стр. 13). Заслуживает внимания указание Б. В. Лаврова, что в примерах не всегда ясно ирреально-условное значение сослагательного наклонения.

[114] Примеры, приведенные Г. С. Варлаковой из труда В. И. Даля «Пословицы русского народа» (М., 1862), свидетельствуют о том, что в более позднее время бессоюзные предложения условия с повелительным наклонением в первой части (во второй части — будущее время) стали употребляться в пословицах значительно чаще (Г. С. Варлакова. К вопросу о средствах выражения синтаксических отношений в бессоюзных сложных предложениях (на материале пословиц). «Изв. Крымского пед. ин-та», 1957, т. XXVI, вып. 4, стр. 58, см. также стр. 59).

[115] В. И. Собинникова. Синтаксические особенности говоров Гремяченского района Воронежской области (материалы по синтаксису южновеликорусского наречия). «Доклады и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», т. IV. М., 1953, стр. 35.

ана и ни атарветцъ; Дош пайдет' — ни пайдьш места ф хати; У каво дамасетки нет — замыкая ухóдя; Два мяшка намалотя — ей за гът ни паис'т'. . . адна!; Ни хватя — Ирки атвичат' (Воронеж.)[116]; На тебе γледеть — живот балúть; А засохнеть — худо будеть (Ряз.); Наработам — зиму едим (Арх.)[117]; Вас панéжаш'ки звать — тóлку ни видáть; У калхóзе ня бы́ть — дабрá ни дабы́ть (Курск.)[118]; С деревни идти — круг давать; Коровы нет — всё пропало (Томск.)[119]; Ни даш йаблъку/убяhу; Без ветра ид'от' снех/буран нъзывайитца; Ня нравитца/аддайут пъ няволи (Сарат.)[120].

Во всех приведенных примерах во второй части предложения, в обусловленной, нет соотносительного союза. Напомним, что в памятниках XV—XVII вв. такие случаи немногочисленны, причем большая их часть — в пословицах XVII в.

Таким образом, и в современной разговорной диалектной речи бессоюзные условные предложения имеют характерную для пословиц черту — краткость, возникшую в результате отбора лишь самых необходимых для данного высказывания слов.

Таковы и пословицы позднейшего времени[121]: Не нашел в себе — не ищи и в других (с. 620); Отстанешь куском, не догонишь ломтем (с. 640); Скажешь — не воротишь; напишешь — не сотрешь; отрубишь — не приставишь (с. 665); Лишнего пожелаешь — последнее потеряешь (с. 677); С вином поводишься — нагишом находишься (с. 799) и др.[122]

В белорусских памятниках бессоюзные сложные предложения условия занимают господствующее положение среди других бессоюзных предложений. Реже других условных предложений встречаются предложения без союза в первой части и соотносительного союза во второй. В белорусских говорах, как и в русских, они встречаются часто.

Ряд примеров из белорусских диалектов, в том числе и примеров редких, как указывает Е. Ф. Карский[123], с повелительной формой глагола, дан в труде Е. Ф. Карского «Белорусы»: dzicia

---

[116] В. И. Собинникова. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского района Воронежской области). Воронеж, 1958, стр. 142—143.

[117] А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 53.

[118] Л. М. Лосева. Организация сложного предложения в курских говорах (автореф. канд. дисс.). Киев, 1953, стр. 15.

[119] В. П. Палагина. Синтаксические особенности говора западной части Томского района. «Уч. зап. Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева, 1954, № 19, стр. 26.

[120] О. Б. Сиротинина. Синтаксис говоров Алгайского района Саратовской области. «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского», т. XLVIII, вып. филол. Харьков, 1957, стр. 70.

[121] Примеры из изд.: «Пословицы русского народа. Сборник В. Даля». ГИХЛ. М., 1957.

[122] Примеры см. также в ст.: Г. С. Варлакова. Указ. соч., стр. 55—72.

[123] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 383.

nie płaczo, maci nie dahadajecca (Чечот. 1846 г.); хочу — скажу, хочу — не (Никиф. Част. 554)[124]; *паслухайся* ён мине и не еш гэтаго, быў бы здароў; *лучись* мне увидзець его, я ему скажу (Нос. Сл. 273)[125].

Приведем примеры из старобелорусских памятников: Братъ старшый маючы именье братьи своее у опеце, а они будут ли на службе, *части* ихъ без бытности их перед правомъ утратити не может (Лит. ст. 1529 г., заголовок, с. 33)[126]; ѿповеделиˆ жидова и рекли старосте: бы не бы˜ то лиходеи. *не выдали есмо* тобе его (Страсти Христовы, л. 19).

Е. Ф. Карский отмечает сходный с последним пример в Псалтыри XVII в.: «*бы былъ* на (чит. *ни*) законъ тво' наѯкою моею, тогды бы˜ згину˜ в' ѯтрапеню мое˜ (138 б Псалт. XVII в.)»[127]. В отличие от нашего примера здесь во второй части имеется соотносительное слово — наречие *тогды*.

Е. Ф. Карский указывает: «Такие обороты иногда встречаются и в живой речи: не *было б* пастуха тут, ваўкі́ зъели бы кароў»[128]. В данном примере нет соотносительного слова.

При сходстве этого примера с приведенными выше из старобелорусских памятников (Страсти Христовы, л. 19; Псалтырь XVII в.) есть и существенное отличие: в нем частица *бы* стоит после причастия на *-л* и, таким образом, не начинает предложение.

Будучи вынесенной в самое начало предложения, на позицию союза, частица *бы* теряет в известной степени свое значение как составной части единой формы сослагательного наклонения. Ее значение приближается к значению условного союза[129].

Немногочисленны в старобелорусских памятниках и случаи без союза в первой части и с соотносительным словом во второй: Также Нѣмѣцкии купѣць што проступить у Полоцку, *ино* его послати к Ризѣ; ино его тамъ осудятъ по Ризькому праву (Могилев. гр. 1407 г., РЛА, № 164. См. также Могил. гр. того же времени — РЛА, № 165); потомъ жѣ сотрутся тыи колоколы, или изломятся, или погынуть, *ино* намъ, Полочаномъ, послати к Ризѣ на свою истраву, на свои пѣнязи, да вчинити тыи колоколы по старому праву и полепши (Там же. См. также № 165); нижли естлибы сѧ видела кривда братьи моей, ижбыхъ ѣ вышей, нижли

---

[124] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 459.

[125] Там же, стр. 383.

[126] В первую часть включено дополнительное сопутствующее условие: а они будут ли на службе. Благодаря наличию *ли* как бы подчеркивается, усиливается значение условия и предыдущего текста, не имеющего в своем составе *ли*: Братъ старшый маючы именье братьи своее у опеце.

[127] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 496.

[128] Там же.

[129] См. сходный вывод: А. П. Груцо. Сложноподчиненное предложение с придаточным условным в белорусском языке. «Вопросы синтаксиса русского языка». Калуга, 1969, стр. 150; см. также: О н ж е. Развіццё складназалежнага сказа у беларускай мове (на матэрыяле помнікаў пісьменнасці XIV—XVII стст. і сучасных народных гаворах). Мінск, 1970, стр. 92.

на третеи части именей жонѫ свою веновалъ, тогды ѡни мають з обѫ сторонъ делчихъ взѧти: было бы што вышей третее части ей записано, *то* маеть ѡтъ нее ѡтлѫчоно быти и дано братьи моей (Могилев, гр. 1533 г., Arch. Sang., т. III, № 437); ѡнь же < Витовътъ> ч(с)тивъ и даривъ его любовию ѿпоусти. рекьше к ни(м) дабы есте выѣхали вси кнзи братьни ко мнѣ с любовию по ѡпасоу слышаль есми что (ж) промежи ва(с) неодинотьство недроужьба велика каково боудеть межи вами слово или какова прѧ *и* вы на мене сошлетесѧ акы на третии. азь ва(с) право соужю (Лет. Супр., л. 52 об.—53); мнѣ росказывано о всихъ, хто былъ на съѣздѣ Рудницкомъ и хто не былъ,. . . звлаща, ижъ о Литву шло; а тежъ и тогды тая баба на двое ворожила: былъ бы паномъ, былъ а не былъ: *ино* отъ него Богъ избавилъ; а только бъ было часу несчастья по ворожѣ не быть. . . (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг., АЗР, т. III, № 58); Глаголеть въ десятословию: «не вчини собѣ всяко подобие», *то* почто повелѣ Самъ Богъ сотворити подобіе херувимск[а]? (Спис. пр. люторов, с. 47).

Из бессоюзных предложений условия с союзом начинательным *а* реже всего, как в древнерусских и старорусских памятниках, встречаются предложения без союза в обусловленной части, причем обычно это предложения с неопределенно-относительным местоимением в первой части, следующим за союзом *а*: А который будеть люди выводити, а любо челядь неволную, а ухватять съ лицомъ: *того* на шибѣницу (Западнорус. гр. 1468 г., АЗР, т. I, № 67)[130]; А што ся дотычет чести, хто бы кому на честь приганилъ, *в таковой* речы мает каждый прокуратора мети кого колве можетъ достати, хотя и не оселого у великомъ князстве (Лит. ст. 1529 г., с. 48); А што обедве стороне на светки и на суди наложать, *повинни будут* тые суди сами оправовати (Там же, с. 68); А которое стороны судья выедет *того* сказанья обе стороне будуть повинни приняти, небытностью других судей не вымовляючы, кром службы земское або хоробы, або теж естли бы в речы нашой земской в руках неприятелских былъ або в поселстве от насъ был посланъ (Там же, с. 69).

Более часто мы встречаем бессоюзные предложения условия с начинательным *а* (редко — с *и*) как в сочетании с неопределенно-относительным местоимением, так и без него в первой части и соотносительным союзом или союзным словом во второй: А за которыи весъ не право будеть, *ино* отослати у Ригу правити, по старому закону (Риж. гр. 1405 г., РЛА, № 153); А извиниться нашь Полочанинъ у Ризе, *ино* его Немьцемъ у Ризе не казнити, отпустити его у верхъ; ино его тамъ свои Полочане казнятъ (Полоцк. гр. 21 июня 1405 г., РЛА, № 154); А извиниться Немьчинъ у Полотьсце, *ино* его Полочаномъ не казнити у Полотьсце, пустити его у Ригу; ино его свои там судятъ по своему праву (Там же);

[130] В первой части имеется дополнительное, сопутствующее условие: а ухватять съ лицомъ.

а что сопрутся судьи о которыхъ дѣлѣхъ *ино* положить на осподаря на Великого князя на Витовта, и ни идутъ передъ Великого Князя Витовта (Западнорусск. гр. 1430 г., Акты, собр. Акад. Н., т. I, № 25); а не пригодить ся нас въ великомъ князьствѣ Литовьскомъ, *ино* воеводамъ нашимъ моцно дати дѣцького (Западнорусск. гр. 1468 г., АЗР, т. I, № 67); а кому до кого будеть дело, *ино* знати исцю исца, какъ у старыхъ записехъ стаить (Полоцк. гр. 22 июня, 1478 г., РЛА, № 265); а не хотела бы она по моемъ животе пойти за мѫж, а на вдовемъ стольцы седела, *тогды* ѡна маеть тые села в той сѫме до живота своего держати (Могилев, гр. 1533 г., Arch. Sang., т. III, № 437); А врад, або кровные, маютъ дозволити за муж пойти, а она з волею враду або ближних своих за муж пойдет; *тогды* таковая именя не маеть тратити, а без воли враду або близких, хотя бы лета мела, за муж пойдет, *тогды* имене тратит (Лит. ст., 1529 г., с. 30); А што ся дотычет земли; *тогды* не мает позывати на слуги ани человека только самого пана (Там же, с. 47); А хтобы бил путнаго человека або бортника; *тогды* путному человеку навязка три рубли грошей, а бортнику рубль, а жонамъ их совито (Там же, с. 88).

В приведенных нами примерах, где имеется соотносительный союз или союзное слово, встретились *и*, *то*, *ино*, *тогды*.

Как и в старорусских памятниках, *то* встречается редко[131], широко представлено употребление *ино*. В отличие от старорусских памятников немногочисленны примеры с *и*, многочисленны с *тогды*, если нужно подчеркнуть, помимо условных, и временные отношения, например в Литовском статуте 1529 г.

В современной разговорной белорусской речи, в языке художественной литературы употребляются бессоюзные сложные предложения, в обусловленной части которых стоит *то*, *тады*, *дык*[132]. Ряд примеров с *то*, *так*, *дак*, *дык* в составе сложного предложения условия (сложноподчиненного) из белорусских диалектов приводит Е. Ф. Карский в своем труде «Белорусы»[133]. Таким образом, *то*, *так*, *дык*, *тады* закрепились в белорусском языке (в литературном и в диалектах) в качестве соотносительных союзов и в бессоюзном и в союзном сложном предложении условия.

Как мы отметили выше, в современном русском литературном языке употребляются *то*, *так*, *тогда* при явном господстве *то*. В белорусском литературном языке он лишь несколько чаще встречается, чем другие соотносительные слова.

Отметим ряд примеров из живой белорусской народной речи,

---

[131] Как отметил А. П. Груцо, соотносительный союз *то* крайне редко встречается в сложноподчиненных предложениях условия в языке старобелорусской письменности (А. П. Груца. Умоўныя сказы са злучнікамі *если*, *ежели* ў беларускай мове. «Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук», 1967, № 2, стр. 82).

[132] «Граматыка беларускай мовы», т. II. Сінтаксіс. Мінск, 1966, стр. 626—627.

[133] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 496—497.

а также из фольклора (4-й и 5-й пример — из сказок, 3-й от конца — из старой песни), позволяющих сделать вывод, что в диалектах господствуют предложения без соотносительного союза, что чаще других соотносительных союзов употребляются *то* и *дык*[134]:

Ох! дз'ётк'и майе́, нача́ц' ус'о́ раска́звац', дык за н'адз'ел'у не раска́жыш (Витебская обл., с. 15); Зъ кан'о́м пъл'ан'и́ўс'а йц'и — дык лупа́ткъй къпа́л'и (Там же, с. 31); А н'и пало́жыш навос — нет н'ичо́га (Там же, с. 43); Зайдз'о́ш у л'иса́ — зв'ар'и́ з'йаду́ц', зайдз'о́ш у пусты́н'у — и вады́ н'идз'е́ н'и дыста́неш (Могилевская обл., с. 104); Ба́ц'ка йаму́ сказа́ў: «Даста́н' самагра́йныйа гу́с'л'и, тады́ ты з'в'анча́йасса» (Гродненская обл., с. 148); Ц'ихо́н'ачко стала́ пасу́нуц', то бу́дз'а л'епш (Там же, с. 150); Н'и ма́йаш б'ады́, дык и н'и жан'и́с'а (Минская обл., с. 178); — Ах, ты, жана́, вы́руч кан'а́. Вы́ручыш кан'а́ — л'уб'и́ц' бу́ду ц'аб'е́, А ни вы́ручыш — убйу́ ц'аб'е́ (Там же, с. 185); А бу́де дру́ге ку́бло, то бу́дут б'и́цца (Гомельская обл., с. 249); Йа ду́маў, што мн'йе раб'и́ц'? Уц'ака́ц' — застр'ел'иц' (Там же, с. 274).

Как свидетельствует белорусский фольклор, и в фольклоре преобладают бессоюзные сложные предложения без соотносительных союзов[135]: Добра працуеш — павагу маеш (с. 33); Умеў памыліцца, умей і паправіцца (с. 35); Пра лугі не забудзем — з кормам будзем (с. 40); Рана ў поле выязждай — лепшы будзе ураджай (с. 40); З ваўкамі жыць — па воўчаму выць (с. 68); Дождж у маі — будзе хлеба і на гультаі (с. 101); Жураўлі ляцяць высока — зіма ящчэ далёка (с. 102); Кладзі гной у пару́, збярэш збожжа гару (с. 106); Не хочаш у маладосці працаваць, будзеш на старасці з торбачкай танцаваць (с. 111): Пільнуй гаспадаркі, будуць у гаршку скваркі (с. 113); Сей горы і даліны — не будзеш мець няшчаснае гадзіны (с. 117); Снегу навее — хлеба прыбудзе, вада разальецца — сена абярэцца (с. 117); Дзіця не заплача — маці не здагадаецца (с. 214); Кінь за собою — знайдзеш перад сабою (с. 229) [136]; Купіў рэмень, дакупі і лыка (с. 231); Пагладзь ката — ён і хвост задзярэ (с. 323); Пацалуй свінню — укусіць (с. 357); Была б здаровая бабуся — нікога не баюся (с. 373).

В качестве соотносительного союза встречаем *и*, *то*, *дык*, причем по частоте употребления на первом месте стоит *то*, а затем *дык*. Союз *и* не только скрепляет части предложения, но и способствует подчеркиванию, выделению в речи слова, при котором находится. Напомним, что ряд примеров с *и* отмечен нами также в фольклоре (старорусском) — в пословицах XVII в.,

[134] Примеры из записей, помещенных в кн.: «Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі». Пад рэд Р. І. Аванесава і М. В. Бірылы. М., 1962.

[135] Ф. Я н к о ў с к і. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Выд. 2, доп. Мінск, 1962.

[136] См. выше сходный пример из пословиц XVII в.: Кинь хлъбъ соль
т д
за собою объявися пре тобою (л. 352).

затем в памятниках разговорной русской речи — в письмах XVII в. и XVII — начала XVIII в.

Приведем несколько примеров с *и* из белорусского фольклора[137]; Падмазваць — і сябе замазваць (с. 34); Дай зямлі, і яна дасць (с. 101); Землю не ўгноіш — і хлеба не намолоціш (с. 103); Нарэж саланінкі да бацвінки — і бацвінка будзе смачная (с. 180).

Отметим ряд случаев с *то* и *дык*:

1) Ідзі з людзьмі, то не згубішся (то не зблудзіш) (с. 85); Даглядай мяне да Яна, то выведу цябе на пана (с. 100); Касі ў дождж, то ў пагоду згрэбеш (с. 106); Пасееш — то будзе капа́, а не пасееш — то ні снапа (с. 112); Свіння тлустая, то і каша густая (с. 117); Не выйшла (не ўдалося) цяпер, то будзі ў чацвер (с. 128); Дай дзецям волю, то сам улезеш у няволю (с. 135); Вароною не будзь, то і сарока не падвядзе (с. 208); Гукні на лес, то і лес адгукнецца (абзавецца) (с. 211); Не дражніся з сабакам, то не ўкусіць (с. 240);

2) Не верыў бальшавікам, дык паверыў панскім бізунам (с. 31); Пасадзі на такую (добрую) раллю дзіця, дык і яно вырасце (с. 112); Не было б Рымшы, дык быў бы чорт іншы (с. 196).

Наиболее часто мы встречаем в старобелорусских памятниках такое соотношение глагольных форм: в обусловливающей части сказуемое выражено глаголом в будущем времени, в обусловленной части сказуемым является инфинитив или глагол в будущем времени. Как и в старорусской письменности, это соотношение форм характерно для памятников, где устанавливаются определенные нормы поведения, обязательства договаривающихся сторон.

Отметим еще следующее соотношение форм: сослагательное наклонение в первой части, изъявительное наклонение (прошедшее или будущее время) или сослагательное наклонение во второй.

Примеры из белорусского фольклора говорят о многообразии способов соотношения форм глаголов-сказуемых в обусловливающей и в обусловленной части: 1) будущее время глагола в той и в другой части; 2) настоящее время глагола в первой части, настоящее или будущее время во второй части; 3) инфинитив в обеих частях; 4) повелительное наклонение в первой части, будущее время глагола во второй части; 5) сослагательное наклонение в обеих частях предложения.

Мы перечислили лишь некоторые из способов соотношения форм глагола-сказуемого в бессоюзных сложных предложениях условия. Следует подчеркнуть частое употребление четвертого из названных нами способов — повелительное наклонение в первой части, будущее время глагола во второй части бессоюзного сложного предложения условия.

Мы привели выше из старорусских памятников случаи с сослагательным наклонением, когда имеет место ирреальное условие и действие не может осуществиться. По-видимому, следующий пример надо рассматривать как случай с ирреальным условием,

---

[137] Ф. Янкоўскі. Указ. соч.

поскольку в условии говорится о противоположном тому, что было предопределено: ѡповедѣ҆л їсоу цртва мое не есть с того свѣта. бы[138] с того было цртво мое. слоуги бы мои противилиса што быхъ не бы выданъ жидомъ. а нине цртво мое не есть тоу (Страти Христовы, л. 19).

Но в следующем примере из того же памятника со сложноподчиненным предложением с союзом условия *штобы* вполне реальное условие, и действие невозможное представляется возможным: да маріа матоухно милостивая штобы ты была вѣдала иже сн҃ъ твои скарбъ небесныи. за такъ марные и такъ малые пѣнязи ме҆ прода҆ быти. вѣрно бы была бежала домъ ѡд домоу просячи и жебрючи. а тоу҆ тридца҆ пѣнязии збираючи. июде преганебномоу дала бы еси была. а твоего милого сн҃а выкоупила бы еси была ѡдь его мошны (Страсти Христовы, л. 1 об.)

В украинских памятниках, в частности в памятниках деловой письменности, находим бессоюзные сложные предложения условия, однако они встречаются реже, чем в старорусских и в старобелорусских памятниках. В обусловленной части обычно, но не всегда стоит соотносительный союз (*и*, *ино*, *тогда*).

Приведем несколько примеров без соотносительного слова во второй части предложения: а не да(в)ши и(м). *сами* собѣ возму(т) ка(к) и доту(л) бра(ли) (Гр. Петра воеводы и боярской рады 1456 (?) г., Укр. гр. XV ст., № 53); рекшоу емоу Данило чему еси давно не пришелъ. а нынѣ ѡже еси пришелъ. а то добро же. пьеши ли черное молоко. наше питье кобылии коумоузъ. ѡному же рекшоу. доселѣ есмь не пилъ. нынѣ же ты велишь *пью*. ѡн же рче ты оуже нашь же Тотаринъ. пии наше питье (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 271); и присла вина чюмъ и ре҆ не ѡбыкли пити молока. *пии* вино (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 271); . . .Спасайтеся вѣрою; спасайтеся заповѣдми евангельскими; спасайтеся законом отческим; спасайтеся чистым и цѣломудрым житием! Пребудѣте в церкви, *пребудѣте* во оградѣ, пребудѣте в законѣ, *пребудѣте* во согласии, едности и любви (Виш. Книжка, с. 71)[139].

Среди приведенных примеров три примера не имеют союза в первой части, один пример (первый) начинается союзом *а*. Следует отметить, что второй и третий примеры близки по своему значению к примерам с бессоюзными сложными предложениями, в которых вторая часть указывает на следствие, результат того, о чем говорится в первой части.

Примеры, в которых вторая часть присоединяется к первой при помощи *и*, *ино*, *тогда*, *то*, как правило, имеют начинательный союз *а* в первой части предложения. Как и в старобелорусских

[138] Частица *бы* стоит до формы причастия на *-л*, ею начинается предложение. См. отмеченные выше сходные случаи.

[139] В тексте два бессоюзных сложных предложения условия.

памятниках, чаще всего встречаются соотносительные слова *ино* и *тогда*. Приведем ряд примеров с соотносительными словами: А не останоуть ли сѧ дѣти по Леньковѣ животѣ, *ино* Леньковоу ближемоу, а любо кому Ленько прикажеть по своемъ животѣ, тому такожъ тая села держати вѣчно и непорушно со всимъ, што къ тымъ селомъ слоушаеть, какъ же на семъ листоу выписано напреде (Житомир. гр. 1433 г., Археогр. сб. VII, № I); а не оусъхочет ли мѧ король его млсть. при соколици. оставить. *ино* имаеть ми его млсть. дать ми ѿмѣну за соколець. такъ добре. ѧко соколець (Кременец. гр. 1434 г., Укр. гр., № 71); И маеть онъ намъ вѣрнымъ быти: а съ кимъ мы будемо, *и* онъ зъ нами, а съ кимъ не смирни, *ино* и (онъ) противно тому маеть быти несмѣренъ (Луцк. гр. 1438 г., АЗР, т. I, № 37)[140]; А которий бы бил протывнии ремесла их, *тогда* на наместника самого коп 5, а до скриньки ползолотого и 2 безмена воску; а которий бы потаемне учинив того ж, *виною* может быти каран. (Укр. гр. 1633 г., Вос. Укр. с Рос., т. I, № 77); Павел речет: «Не замай, никтожь не прелщается, если мнится быти мудр, не замай, учинится глуп, *тогда* будет премудр (Виш., Зачапка, с. 195); Не жури ж ся ти для того, Найдем в полю коний много, А не найдем, *То* піш підем (Песня про козака и Кулину)[141].

Стремлением ярче выразить условие, содержащееся в обусловливающей части предложения, объясняется включение *ли* после глагола-сказуемого в примерах из Житомир. гр. 1433 г. и Кременец. гр. 1434 г., приведенных нами выше (см. на стр. 96 сходный пример из Лит. ст. 1529 г., с. 33).

Только в памятнике первой четверти XV в. встретился случай с *а* во второй части бессоюзного сложного предложения. Случай этот в трафаретной формулировке, известной многим более ранним памятникам (грѣмотам), с *а* и без союза во второй части: а хто мое слово пороушить. *а* станеть со мною передъ Бмъ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 306).

Напомним сказанное выше, что в старорусских памятниках XV—XVII вв. нам не встретилось примеров с *а* в обусловленной части, что они немногочисленны и в памятниках XI—XIV вв.

Союз *а* не закрепился в обусловленной части бессоюзного предложения не только в старорусских памятниках, но также и в старобелорусских и в староукраинских памятниках.

Наиболее часто в староукраинских памятниках, как и в старобелорусских, находим следующее соотношение глагольных форм: в обусловливающей части сказуемое выражено глаголом в будущем времени, в обусловленной части сказуемым является глагол в будущем времени или инфинитив.

---

[140] В этом и в следующем примере два бессоюзных сложных предложения (во втором примере второе предложение не имеет соотносительного союза).

[141] Характерно употребление соотносительного союза *то* в народной песне.

Встречается, как видим из приведенных выше примеров, и другое соотношение глагольных форм.

Бессоюзные сложные предложения условия сохранились и в современном украинском литературном языке, широко представлены они в украинских диалектах, в фольклоре, причем вторая часть может быть присоединена как без союза, так и с помощью соотносительного слова.

Приведем несколько примеров из записей, сделанных в различных местностях УССР (последний пример из сказки)[142]: бѡл'ш ви́робимо || бѡл'ш і зарóбимо (Ровенская обл., с. 260); дай мэн'і те хаз'а́йство | так і ба́т'ко си́тий бу́дэ | і ти | і ба́ба (Полтавская обл., с. 274): ба́ба хрэсти́лас'а | кла́н'алас'а та прика́зувала || «жиў бу́дэш/тут будэш || а ўмреш | там бу́дэш ||» (Харьковская обл., с. 285).

Отметим еще два примера из буковинских говоров: Обібра́вся грибо́м, лі́зь у коші́ль; Посі́й мене́ у болóто, бу́дешь ма́ти злóто[143].

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что бессоюзные сложные предложения условия прошли в восточнославянских языках сходный путь развития.

Во всех восточнославянских языках не сохранились предложения с *а* (а также *и*) в начале предложения, произошел определенный отбор соотносительных союзов, в результате которого перестали употребляться *а*, *и*, *ино*, место которых заняли другие известные старорусским, старобелорусским и староукраинским памятникам соотносительные слова, закрепились и в литературном языке и в диалектах восточнославянских народов бессоюзные сложные предложения без соотносительных слов. Последние предложения особенно характерны для языка пословиц.

Сходство в судьбе бессоюзных сложных предложений и в употреблении видо-временны́х форм глагола-сказуемого.

Бессоюзные сложные уступительные предложения

Противительное значение союза *а* препятствовало его употреблению во второй части бессоюзного сложного предложения условия. Но это же значение способствовало его использованию во второй части бессоюзных уступительных предложений.

Вот почему среди ограниченного числа случаев с этими предложениями в памятниках XVI—XVII вв. (бóльшая часть примеров принадлежит произведениям XVII в., близким к живой разговорной речи) господствуют предложения с союзом *а*[144]. А отцу твоему,

---

[142] Примеры из записей в кн.: Ф. П. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

[143] К. Ф. Герман. Безсполучникові складні речення в буковинських говірках. «Тези доповідей XXII науковії сесії. Секция філол. наук (*травень — червень*)». Чернівці, 1966, стр. 12.

[144] В примерах выделяем курсивом первое слово второй (независимой) части.

князю Михаилу, гоненія было много, да и убожества, *а* измѣны такои, что ты, не учинилъ (Письма Ив. IV, л. 143); да и не стало ево. Двери не отворялись, *а* ево не стало! Дивно только — человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца — везде ему не загорожено (Аввакум, Житие, с. 66); И взяв отца под руку, и повел. Гораздо Еремей разумен и добр человек: уж у него и своя седа борода, *а* гораздо почитает отца и боится его (Там же, с. 81—82); Вода пресная, *а* нерпы и зайцы великия в нем: во окиане море большом, живучи на Мезени, таких не видал (Там же, с. 86); Диявол между нами рассечение положил, *а* оне всегда добры до меня. Полно тово (Там же, с. 95); О, боже святый! како претерпе святых своих толикая досаждения? Мне, бедному, горько, *а* делать нечева стало. Побранил их, побранил их, колько мог, и последнее слово рекл (Там же, с. 102); А в головах у него образы и книги, хлеб и квас и прочая, *а* ничево без меня не тронет (Там же, с 113); Можно нам знать, яко скорбь их томит. Я и мужик, *а* всяко живет (Там же, с. 212); Ахтѹба пуста *а* бе[з] караула не гуляи (Пословицы XVII в., л. 323 об.); День святъ *а* люди спятъ (Там же, л. 339 об.); Лошака[д] маленка *а* седлѹ мѣсто бѹдетъ (Там же, л. 353).

Отметим пример с *ино* во второй части предложения, стоящий на грани между условным и уступительным бессоюзным предложением: Чего и не творим, *ино* добрые люди втрое прибавят (Сатиры о пьянстве, с. 66).

В живой разговорной речи, по-видимому, было распространено употребление союза *да* (в значении *но*) во второй части бессоюзного сложного предложения: Да переставай ты и медок попивать. Нам иногда случается и воды в честь, *да* живем же. Али ты нас тем лутчи, что боярыня? (Аввакум, Письма, с. 208—209); До[б]ръ во[л]къ до ѡвецъ *да* пасти ему не дадѹтъ (Там же, л. 338 об.); Много хорошихъ. *да* милова нѣтъ (Там же, л. 356); Мило волкѹ теля. *да* гдѣ ево. в'зять (Там же, л. 356); Радъ дрѹгѹ *да* брестъ к плѹгѹ (Там же, л. 367); Семь в тебѣ дш҃ъ *да* не в о[д]нои пути нѣтъ (Там же, л. 37 об.).

Широко представлены бессоюзные уступительные предложения с *да* во второй части предложения в позднейших пословицах — в пословицах, записанных В. И. Далем [145].

Бессоюзные уступительные предложения составляют редкое исключение в старобелорусских памятниках. Пример, приведенный Е. Ф. Карским [146], рассматривается А. П. Груцо, по-видимому, как единственный в старобелорусских памятниках, поскольку только этот пример отмечается (со ссылкой на работу Е. Ф. Карского) в статье А. П. Груцо «Складаназалежныя сказы з дада-

[145] См.: Г. С. Варлакова. Значение уступительности в русском языке и способах его выражения (на материале пословиц). «Изв. Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», 1957, т. XXV, вып. 4, стр. 47—53.

[146] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 497.

нымі ўступальнымі»[147]. Пример — из Уваровского списка летописи XV в.: мы никоего зла сотворша емоу, а ѡнъ с нами у докончании боуда и престоупилъ крс тное целование (л. 17 об.)

Присоединим к этому примеру еще один, встретившийся нам тоже в памятнике XV в.: и полюбили тоую ре вси жидове. на то говорить выкла ѡ преганебныи июда. такъ за малое мыто прода еси творца всего створенна. его ѡдное кропли крови ве светъ не моглъ бы заплатити. *да* ты бедникоу за тридцать пѣназеи прода е (Страсти Христовы, л. 1—1 об.)

В живой белорусской речи XV—XVII вв. бессоюзные уступительные предложения, по-видимому, были в бо́льшем употреблении, чем в памятниках письменности. Об этом в известной степени говорят примеры из современных белорусских говоров, в частности из белорусского фольклора. Напомним пример, приведенный Е. Ф. Карским, с четким уступительным значением: «чуть ня чувать, слыхом ня слыхать, — довялося нам у вочы побачытца (Ром. VI, 206 Гомельск.)»[148].

Приведем еще примеры из белорусского фольклора[149]: Добра сіраце у людзях, *ды* скора захрыпіць у грудзях (с. 136); Каза не хоча на торг, *ды* вядуць (с. 225)[150].

В статье А. П. Груцо, отметившего, что бессоюзные уступительные предложения встречаются в белорусском языке только в отдельных случаях, дан пример из диалектных записей последнего времени: пым'ира́ц' сыб'ира́йшс'а, а жыта с'ей (в. Пішчыкі Дубровенск.)[151].

Чем объяснить крайнюю ограниченность примеров употребления бессоюзных уступительных предложений в старобелорусских памятниках по сравнению со старорусскими памятниками? Возможно, тем обстоятельством, что *хотя*, специальный союз для выражения уступительных отношений, достиг широкого распространения в памятниках старобелорусских во второй половине XVI в.[152], а в памятниках старорусских только во второй поло-

[147] А. П. Груца. Складнозалежныя сказы з даданымі ўступальнымі. «Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук», 1966, № 1, стр. 112; см. также: А. П. Груца. Развіццё складназалежнага сказа ў беларускай мове (на матэрыяле помнікаў пісьменнасці XIV—XVII стст. і сучасных народных гаворак). Мінск, 1970, стр. 144.

[148] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 459.

[149] Янкоўскі. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Выд. 2, доп. Мінск, 1962.

[150] Перед этим примером сходный, но с другими смысловыми отношениями между частями предложения: «Каза на торг не ідзе — яе вядуць» (стр. 225).

[151] А. П. Груца. Складаназалежныя сказы з даданымі ўступальнымі, стр. 112. — «Граматыка беларускай мовы» (т. II. Сінтаксіс, Мінск, 1966) приводит случаи употребления бессоюзных уступительных предложений в художественных произведениях (стр. 704—705), но не указывает, в какой степени распространены в литературном языке эти предложения по сравнению со сложноподчиненными уступительными предложениями.

[152] А. П. Груца. Складнозалежныя сказы з даданымі ўступальнымі, стр. 117—118.

вине XVII в.[153] Таким образом, сложноподчиненные предложения с придаточным уступительным в старобелорусской письменности вступили в конкуренцию с бессоюзными уступительными предложениями на целое столетие раньше, чем в старорусской письменности.

Бессоюзное уступительное предложение (как в старобелорусских, так и в старорусских памятниках) не обладало устойчивостью. Как справедливо замечает Е. Ф. Карский, «предложения уступительные еще больше, нежели условные, напоминают сочетание предложений, именно—противительное. В них, однако, одна мысль не противополагается другой, а только несколько ограничивает ее, часто указывая на неожиданные результаты в сравнении с причинами»[154].

Бесспорно, что именно союз *хотя* позволял подчеркнуть это ограничение[155], позволял не смешивать уступительные предложения с предложениями, где одна мысль «противополагается другой».

Такими возможностями бессоюзное уступительное предложение не обладало и потому вытеснялось, хотя и не было полностью вытеснено, поскольку встречало поддержку в живой разговорной речи, сложноподчиненным предложением с придаточным уступительным.

Из встретившихся нам в староукраинских памятниках сложных предложений с уступительным значением только один является бесспорным случаем употребления бессоюзного сложного уступительного предложения, все остальные — сложноподчиненные уступительные предложения. Приведем этот пример, в котором вторая часть присоединена к первой при помощи союза *але*: Авраам благословенный под дубом жил, а царства щястя мирского околичные, богатые в скарбы, в войска и в тумулт людский, в замках, в палацах, злотом угафтованных, были, *але* Авраам от всѣх лѣпший, цнотливший и своим малым, от бога ему данным, над царскими незличонными скарбы богатшим был (Виш. Книжка, с. 35).

Пример представляет особый интерес потому, что он встретился в произведении, относящемся к религиозной полемической литературе, при этом в произведении позднего периода (конец XVI в.).

---

[153] Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.—Л., 1941, стр. 116—117.

[154] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 497.

[155] См. Б. В. Лавров: «В русском языке обычным союзом уступительных предложений является союз *хотя* в его различных фонетических формах (*хоша*, *хоть*, *хоти*, *хотяй*, *хошь*, *хочь*). Можно бы и не оговаривать, что тот же союз служит и для выражения ограничения. Но необходимо отметить, что союзом *хотя* присоединяются не только целые предложения, но и однородные члены предложения» (Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 116). — Заметим, что с уступительным значением могут присоединяться однородные члены и без помощи *хотя*. Например, в следующих примерах из белорусского фольклора: Танцуй — не танцуй, а грошы музы́ку аддай (Ф. Янкоўскі. Указ. соч., стр. 93); Цэлiў — не цэлiў, а воўка ўзяў (Там же, стр. 123).

Как и в старобелорусской литературе, в староукраинских произведениях бессоюзные сложные уступительные предложения не получили распространения. Авторы староукраинских сочинений предпочитают употреблять сложноподчиненные уступительные предложения с уступительными союзами *хотя*, *хочь*, *хоть*, *нехай*, *любо* и др.[156]

Бессоюзные сложные дополнительные предложения

Более многочисленны, чем бессоюзные уступительные и предложения цели, но реже встречаются, чем рассмотренные нами другие бессоюзные предложения, бессоюзные дополнительные предложения.

Характерным признаком бессоюзных сложных дополнительных предложений является наличие в первой их части переходных глаголов (и отглагольных форм) восприятия, мыслительной деятельности, волевого или эмоционального состояния, говорения, сообщения, вводящих вторую — дополнительную — часть.

Дополнительные бессоюзные предложения использованы в старорусских памятниках различных жанров. Находим их в частной переписке [157], имеются они в повествовательной литературе, реже встречаются в законодательных актах: поидоша напрасно противу их, яко лвы рыкающе, чрес реку ону великую, ея же сами Новгородци *глаголють никогда* тамо броду имуще (Моск. лет. св. конца XV в., л. 407); яша боярина Петрова сына Михайловича Салтыкова столника Федора Петровича, стрелец прободе копием, и свергоша сверху от Спаса к болшому Успенскому собору подле церкви положения Ризы пресвятыя богородицы позади Грановитой полаты на копия же, не зная: *чаяли — Нарышкин*, а сказати сам про себя не успел, что Салтыков, исторопился; и извлечен за град на площадь, и, положа на полсти, принесли ко отцу в дом, глаголюще, яко, не зная, убиша, *чаяли — Нарышкин* (Летописец 1619—1691 гг., л. 715 об.); Едино *воспомяну*: *намъ* бо во юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Василевичь Шуискои сѣдитъ на лавке, локтемъ опершися, о отца нашего о постелю ногу положивъ (Письма Ив. IV, л. 146 об.); *Слышахъ* отъ священныхъ

[156] Примеры на употребление этих союзов см.: Л. А. Булаховский. З історичних коментаріїв до української мови. Сполучники і сполучні групи (речéння). Синтаксичні особливості при них. «Наукові зап. Київського державного університету», 1946, т. V, вып. 2, стр. 55—57; С. П. Бевзенко. Спостереження над синтаксисом українських літописів XVII ст. «Наукові зап. Ужгородського державного університету», 1954, т. IX, стр. 237; О. П. Блик. З історії сполучників підрядності в українській мови (на матеріалах документів канцелярії Богдана Хмельницького). «Наукові зап. Київського державного пед. институту ім. О. М. Горького», 1958, т. XXIX, стр. 25—27.

[157] Приведем пример из ранней новгородской берестяной грамоты (начало XII в.): То еси ты *повѣдалъ* къ рожънѣтови. на *нустуѭ* емати. в. срочька (Арц., № 336). В этом примере и дальше выделяем курсивом слово, вводящее дополнительную часть, и первое слово дополняющей части.

писаніи, *хотяще* отъ діявола пущенна быти на родъ христіанскіи губителя, отъ блуда зачатого, богоборнаго антихриста (Письма Курб., с. 7); Не престаеши ли беситися, себя не разсмотришь? Никогда, ли что творишь, не будеши зрѣти, о ни что глаголешь? *Не вѣси ли, изгнанія* злодѣянія бысть казнь? (Там же, с. 144—145); Но *мню, никако же* бы нарочитыи мужъ дерзнулъ сего, иже бы сицевые глумленія и руганія писалъ до христіянина (Там же, с. 457); Нынѣ бо *видимъ* и *слышимъ*. *кромѣ* божественнаго устава многія церковныя чины не сполна совершаются не по священнымъ правиломъ и не по уставу (Стоглав, с. 41); Владыко Боже Вседержителю! Ты *виждь*: *за истинную* православную христіянскую вѣру кровь свою проливаю отъ злаго врага христіянскаго, отъ еретика, отъ Гришки, напрасно, не по моей винѣ! (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 735); *Видимъ же* вси, *не дастъ* тому Божію слову пасти на землю (Пов. о Рос. царстве, с. 207); *Сами вѣдаете*: *ево* то есть дѣло, что тако ему повелѣвати на кровь дерзнути? (Там же, с. 211); Да за восточнымъ граднымъ угломъ, того жъ града Іерусалима стоятъ два древа смоковныхъ, а стоятъ и до сего дня зелены, а *сказываютъ*: *подъ тѣми* древесы спали два пророка (Пут. моск. купцов, с 145); А ныне ты, братец, *видиш* и сам, *иду* ис того Ростовска озера (Пов. о Ерше, с. 150); а нне *сказывают нам* де и дѣла нѣтъ не знаемъ ничего (С. Богданов А. И. Безобразову. — Памятники XVII в., № 71, с. 46) [158]; о чемъ гсдрь изволил ты писать и словесно приказыват и то гсдрь все еи не забытно и *чаю все* то бѫдет по твоеи воли (В. Семенов А. И. Безобразову, 5 сентября. — Там же, № 159, с. 89); а *сказал* мнѣ *на тѣ* дни кѫпил он покупку (Д. В. Михалков М. И. Михалковой 25 ноября. Моск. дел. и быт., № 17в, с. 39); вели гсдрь про тот великои пожар сыскат прѡсвященным архиепискупом Антоньем резанским что ѡн *слышал* ото многих людеи *тот* пожар учинился ѡт ево Ѳндрѣевы мылны (Челобитная, 7 июня 1633 г. — Там же, № 11, с. 49); и ѡнъ Иванъ *сказалъ у меня* де короулѫ не бѫдет (Челобитная, 28 июня 1671 г. — Там же, № 76, с. 83); И по допросѫ Васка водолив Офонка водолеев же. Тимошка Кириловъ [в] допросе *сказали Ѳвонки* Наѫменка [да] Ѳедорова члвка Карпова Сенки [он]и не знают (Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменко в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну, 18 марта 1642 г. — 20 мая 1643 г. — Там же, стр. 265); ізволиш гсдрь *ведат в орловскои*

[158] В данном примере и в помещенных далее примерах из челобитной № 76 и грамоток № 235 и 403 частица *де* подчеркивает принадлежность приводимых ниже слов другому лицу (а не автору документа) и, следовательно, ответственность этого другого лица за сказанное им. Включение частицы *де* в предложение не вносит существенных изменений в структуру предложения. Как отмечает А. И. Молотков, эта модальная частица может стоять и в конструкции, в которой синтаксическая связь между ее элементами осуществляется при помощи союза, и в конструкции, где эта связь осуществляется без союза (А. И. Молотков. Особые синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия филол. наук», 1962, № 302, вып. 61, стр. 163—164).

твоеи деревни по се число даль бгъ здарова (И. И. Киреевскому от старосты Д. Прокофьева, июнь 1706 г. — Источники XVII—начала XVIII в., № 16, с. 26) [159]; лекари *сказывают болѣзнь* в ногахъ камчюк (В. Брехов Ф. В. Бородину, 5 марта, Грамотки, № 13, с. 19); по вашему указу *сказал* Калинка *убит* де моі сын при мнѣ в поеснису ис коробина (С. Михайлов и К. Фомин И. А. и В. А. Безобразовым, август 1658 г. — Там же, № 235, с. 126); а настоящих прикащиков присылаи гсдрь от себя изволиш ты гсдрь и сам *знат в Нижнем* не найдеш (П. Окулов К. П. Калинкову, 3 ноября. — Там же, № 371, с. 214); Да из Чебоѯар же гсдрь *пишет* прикащикъ Титъ Егоровъ *насели* де они на поварне на Н кубовъ ѳевраля по ГІ число (П. Окулов К. П. Калмыкову. — Там же, № 403, с. 240).

Многочисленны бессоюзные дополнительные предложения в сочинениях протопопа Аввакума. Это не только результат влияния разговорной речи. Включение подчинительного союза в какой-то степени мешает сжатости, лаконичности изложения, устраняет логическое ударение на глаголе, который вводит дополняющую часть предложения и стоит непосредственно перед нею, ослабляет переходность этого глагола.

Приведем ряд примеров: Сей Дионисий еще не приидох в веру Христову, со учеником своим во время распятия господня быв в солнечном граде и *видев*: *солнце* во тьму преложися и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явилися черным видом (Аввакум, Житие, с. 56); *Вижу*, *пловут* стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сидельцов (Там же, с. 60); И я *чаял*, *меня* обманывают; ужасеся дух мой во мне (Там же, с. 63); Мы же с Данилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вем где, скрыл их; *мнитмися*, *Никону* отдал (Там же, с. 65); Взял Пашков бедных вдов от меня; бранит меня вместо благодарения. Он *чаял*: *Христос* просто положит; ано пущи и старова стали беситца (Там же, с. 77); И мы то уже *знаем*: *как* бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро (Там же, с. 88); И до тово николи тут вода не бывала, и иноземцы дивятся. *Виждь*: *как* поруга дело божие и пошел страною, так и бог к нему странным гневом! (Там же, с. 91); И я то *помышляю*: *иной* станет в попы те, а душею о старине той горит. Таковых по нужды приемлем, аще богоборствует. И старой чорт — плюнь на него и с паками (Аввакум, Письма, с 246); Аще нужда и привлечет тя, и ты с ним в церкви той скаски сказывай, как лисица у крестьянина куры крала: «*прости-де*, батюшко, *я-де* не отогнал», и как собаки на волков лают: «*прости-де*, батюшко, *я-де* в конюру собаки тои не запер» (Там же, с. 246).

---

[159] А дальше с *что*: да ізволиш ведат что ѡвса посеяна семнатцат десетин (И. И. Киреевскому от старосты Д. Прокофьева, июнь 1706 г. — Источники XVII—начала XVIII в., № 16, с. 25).

Иногда второй частью бессоюзного сложного предложения является цитата, которая органически входит в текст и потому воспринимается как мысль самого автора: Мне веть неколи плакать: всегда играю со человеки, таже со страстьми и похотьми бьюся, окаянный. *Ведаете* и сами: *беседы* злы тлят обычаи благи (Аввакум, Письма, с. 292) [160].

В некоторых из приведенных выше примеров при переходном глаголе имеется зависящее от него указательное местоимение, которое отсылает к тому, о чем сказано во второй части (см. Аввакум, Житие, с. 88; Аввакум, Письма, с. 246, первый пример).

Благодаря постановке местоимения смысловая неполнота первой части (без второй) еще более заметна, чем в предложениях без указательного местоимения, но грамматическая зависимость второй части от переходного глагола в какой-то степени ослабевает. Сходный вывод делает Е. П. Васильева, отмечающая, что в данном случае «придаточное раскрывает содержание этого указательного местоимения и лишь через его посредство поясняет глагол-сказуемое главного предложения» [161]. В примерах из «Жития» (с. 88 и с. 91) вторая часть предложения — сложноподчиненное предложение с союзом *как*. Превращение отмеченных бессоюзных предложений в союзные привело бы к постановке рядом двух союзов (*что* и *как*). Возникла бы тяжелая и недостаточно ясная конструкция.

Рассмотренные бессоюзные дополнительные предложения по по своей структуре до такой степени близки к дополнительным сложноподчиненным предложениям, что, как правило (исключение составляют примеры, в которых вторая часть — сложноподчиненное предложение), в состав бессоюзного предложения может быть включен союз дополнительного предложения *чьто* без изменений в строе предложения и замен одних глагольных форм другими. Однако при таком включении союза и превращении бессоюзного предложения в дополнительное сложноподчиненное предложение, как мы отметили выше, происходит ослабление переходности глагола в первой части. При союзе нет той паузы ожидания, которая имеет место при бессоюзии, глагол не выделен в речи, его переходность не подчеркнута, а наоборот, сглажена, нейтрализована [162].

---

[160] Текст *беседы злы тлят обычаи благи* выделен курсивом в издании «Жития протопопа Аввакума». Там же указано, что это цитата «Из I-го Послания ап. Павла к коринфянам, XV, 33».

[161] Е. П. Васильева. Дополнительное бессоюзное предложение (на материале литературного языка XVII столетия). «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия филол. наук», 1962, № 302, вып. 61. Исследования по грамматике русского языка, стр. 106.

[162] Другого взгляда придерживается Н. С. Поспелов, считающий, что в бессоюзных предложениях «опорный глагол главной части теряет в значительной мере признак грамматической переходности, главная часть интонационно отрывается от придаточной и, не выполняя функции модальной характеристики сообщаемого в придаточной части, приобретает относительную коммуникативную самостоятельность; связь между частями конструк-

Дополнительные предложения весьма широко представлены в русских народных говорах: Видеў, мимо-то ехаў; Я видел, ево ташшили (Арх.) [163]; А па йэтаму ани ей так сказали: ани хочуть её паймать и утапить (Ряз.) [164]; Ста́рыи лю́ди гаваря́т: се́на чо́рная — блины́ бе́лыи (Воронеж.) [165]; Узнал у лесни́цево денех у няво́ мноγо; А мы думали вы с жана́ми тут; А ино говоря на берегу живут построились (Арх.) [166]; Я думала, я гребёлку потеряла; Я знаю, дома у их сейчас никого нет; Во сне видела, Петка ихни бы мне ножик всадил; Я думаю, не плохо они в колхозе работат (Томск.) [167]; Йа пънимайу фс'о нужнъ; Йа помюну въласник нъдявала; hъвърят в газетъх мноhъ нъсажали туды нижы; Притпълаhайут събярут' многъ (Сарат.) [168]; Я видала, шла ты с Нинкой (Селения северо-западного побережья озера Ильмень) [169]; И думът, ёму́ концу́ не́т; Издаля́-то ду́мъл, пъ-словянски писъна; Он ду́мъл, отстро́чут (Пенз.) [170].

Приведенные примеры из русских диалектов, так же как и примеры из старорусских памятников, допускают включение союза *что* без изменения структуры предложения.

В числе примеров из диалектов нами даны и случаи с непереходным глаголом *думати*. Сделано это не только потому, что глагол *думать* может выступать как переходный глагол в определенных словосочетаниях (см. *думу думати* в фольклоре, в старинных повестях, а также в позднейших литературных произведениях

ции оказывается менее тесной, чем в изъяснительно-союзных конструкциях, поэтому и все сложное предложение получает расчлененную структуру» (Н. С. Поспелов. Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX века. М., 1964, стр. 69).

[163] В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ. «Изв. ОРЯС», 1912, т. XVII, кп. 2, стр. 140.

[164] Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матыр Зарайского уезда. «Сб. ОРЯС», т. XCIX, № 6. Пг., 1922, стр. 57. — Записи (преимущественно фольклора) сделаны летом 1916 и 1917 гг.

[165] В. И. Собинникова. Синтаксические особенности говоров Гремяченского района Воронежской области (материалы по синтаксису южновеликорусского наречия). «Доклады и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», т. IV. М., 1953, стр. 36.

[166] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953, стр. 57—58.

[167] В. В. Палагина. Синтаксические особенности говора западной части Томского района. «Уч. зап. Томского ун-та им. В. В. Куйбышева», 1954, № 19, стр. 28.

[168] О. Б. Сиротинина. Синтаксис говоров Алгайского района Саратовской области. «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского», т. XLVIII, вып. филол. Харьков, 1957, стр. 71.

[169] В. С. Овчинникова. Очерки по синтаксису поозерского говора. «Уч. зап. Ростовского ун-та». Труды историко-филол. ф-та», 1957, вып. 5. Филол. науки, стр. 60.

[170] Л. А. Зелепукина. Синтаксические особенности севернорусских говоров Сосновоборского района Пензенской области. «Вопросы русской диалектологии. Труды V—VI конференции кафедр русского яз. пед. ин-тов среднего и нижнего Поволжья». Куйбышев, 1965, стр. 114.

в целях стилизации под народную речь, *думать думушку* в народной поэзии).

Мы полагаем, что в тех случаях, когда глаголы мыслительной деятельности, волевого или эмоционального состояния, требующие после себя не винительного падежа без предлога, а другого падежа без предлога или с предлогом (или винительного падежа с предлогом), указывают на опущенный объект действия, который восполняется во второй части предложения, бессоюзные предложения с такими глаголами следует отнести к дополнительным.

Приведем еще несколько примеров с такими глаголами: с т а р о р у с с к и е п а́ м я т н и к и: И я-су *подумал*: *кормилица* то есть наша, детки у нея, надобно ей курки (Аввакум, Житие, с. 78); А я *сетую*: *не весть* — дошла, неведомо — нет (Аввакум, Письма, с 220); Да и все церковны книги *учат*: *не дьявол* душу Христову во ад снес, но сам по восстании из гроба плотию боголе́пною с душею сниде во ад божески, и расторг бог-человек чрево адово (Там же, с. 282); р у с с к и е д и а л е к т ы: И ани стали жыть — радуюца: хар'чи хорошыи (Воронеж.) [171]; Баюсь: умре́ть (Курск.) [172].

Как мы отметили выше, в главе «Из истории изучения бессоюзных сложных предложений, сопоставляемых со сложноподчиненными», в труде Е. Ф. Карского «Белорусы» имеется много показательных примеров на бессоюзные дополнительные предложения. Примеры приведены из старобелорусских памятников, а также из фольклора. Последние (из фольклора) подтверждают положение автора, что «бессоюзная речь довольно распространена среди белорусов» [173].

Заслуживает внимания тот факт, что дополнительные бессоюзные предложения отмечены в разных местах Белоруссии: «бача ён, — по кольлю голов, дак страсть, чаловечацких стырчыть (Ром. VI, 211 Гомельск.); знаци, му͡ой миля͡ньки мяне пазабыў (72 Малев. Слуцк.); хоцев из хаты ити, — чуя нехто плаче (Шейн Мат. II, 158 Рогач.); ту͡ольки чу́ли, штось тарахцело (Сержп. 6 Мозыр.); чу́е — штось у е͡і͡э шалпо́чэ (ib. 87 Слуцк.); в͡і͡эдамо, маска́ль ничо́го не ба́йтца (ib. 1); в͡і͡эдамо, не мажы͡э чалав͡і͡эк ци́хенько седз͡і͡эць (ib.) [174].

Бессоюзные дополнительные предложения представлены в памятниках различных жанров: Нынѣ пакъ вамъ *являемъ*: *далъ* Богъ, осподарь король его милость у Литовъскомъ княжьствѣ у своеи очьчинѣ (Полоцк. гр. 1475 г. 2 марта, РЛА, № 263); И панъ Микола' *поведилъ* передъ нами: *тая* де пашня здавна дедина и о͡ўчизна моя была (Берест. гр. 1511 г., Лит. метр., т. I, кн. 2,

---

[171] В. И. С о б и н н и к о в а. Указ. соч., стр. 36.

[172] Л. М. Л о с е в а. Организация сложного предложения в курских говорах (автореф. канд. дисс.). Киев, 1953, стр. 15.

[173] Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 459.

[174] Там же, стр. 459—460.

№ 144); И таѣ Венславовае Ганна и зъ девер(о)мъ своимъ Їѡномъ Скиндиремъ мовили къ тому: мы того ничого не вѣдаемъ, хто съ нимъ звадилъ; лечь мы *знаем* тебе, *ты* его приправилъ ѡ горло (Берест. гр. 1519 г., Лит. метр., т. I, кн. 3, № 47); неции оубо не вед҃ще гл҃ть ѣко кр(с)тисѧ оу Киевѣ. инии (ж) *реша оу Василеве* но не бы(с) тако (Лет. Увар., л. 89 об.); нѣци бо не вѣдающи гл҃ють. ѣко кре҃тисѧ в Киеве. ини же *рекоша во Василеве.* но не бы(с) тако (Лет. Супр., л. 16); Даю *в ѣдать* в. м., паномъ своимъ милостивымъ: *сегодня*, въ середу, Августа 18 дня, воевода Смоленскій прислалъ посланцов (Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг.); Теж *уставуемъ при тестаментех* мают быти светки веры годные а неподозреные (Лит. ст. 1529 г., с 39); Теж коли бы хто о рану другого позвалъ, а он позванный менилъ: жем тя ранил не вмыслне, а брал бы ся тот позваный на довод. Мы бачечи иже где никому рана мела не винна быти, *уставляемъ* и *сказуем*; *тые* раны жалобнику мают плачоны быти (Там же, с. 63—64); плачливе и страшно было слышати о таковой злой пригоде тыхъ людей учтивыхъ, а самого царя Дмитра не ведати где ся онъ поделъ. Одны *поведали*, *убитъ*, а другие *поведали*, — *живъ утекъ*, о томъ нихто на тотъ часъ певное ведомости не мелъ (Лет. Баркул., л. 170 об.) [175]; Тогды Валериянъ, принявши благословенство от всего збору, рекъ: Ото чесный светый архиепископе и твоя светыне, насъ добре учишъ, а самъ *зле чинишъ*, *малыхъ* ребятъ, неразумныхъ у попы ставиш, а от нихъ по осми копъ береш (Там же, вставка на листах 14 об. — 16 об.); и реклъ ‹июдашъ› ѣ *ведаю гораздъ* вы чините а которые соуть рады ваше. и їсе говорите а радите. какъ бы могли есте зымати и оубити его. прото што ми хочете дати. ѣ безъ всѧкое праци вашее. выдамъ его в роуки ваше (Страсти Христ., л. 1); Мы жь къ таковымъ *вещаемъ*: *антихрістову* образу силою сатанинскою дасться дѣйство, иже воз'глаголеть, и тогда не хотя поклонятся Люторы иконе его (Спис. пр. люторов, с. 53); *Не пишетъ* тежъ у Ѥвангеліи *на востокъ* молитися або кланятися, и иншихъ тайностии хрестіянскихъ: крещенія, венчанія и исповеди, звоновъ и прочего, то почто вся та Люторницы держать? (Там же, с. 69); Паки тойже апостолъ ‹Павелъ› рече: «о, несмыслен'ніи Галате! кто васъ прельстилъ отъ нашего благовествованія къ закону старому отступити, имже предъ очима Іѵс Хрістосъ прежденаписанъ во васъ распятъ». *Видиши* ли, — *хвалится* знаменіемъ креста, и не отрицаетъ видимое знаменіе крестное молеваніа або писанія, но и напоминаетъ Галатовъ (Там же, с. 81); А Анъцолотъ попалъ Дивдяна и кинул через шранокъ и рече: Їѡ *поведаю* каждому рыцэру: *мои* панъ свободно по турнаю ездит (Пов. о витязях, с. 123).

Особо отметим примеры, сходные с теми, которые встретились у протопопа Аввакума, — со сложноподчиненным предложением во второй части, имеющим в самом начале подчинительный союз:

[175] Два дополнительных бессоюзных предложения.

И *повѣдилъ* передъ нами тотъ ѳедець: *штожь* дей прѣдокъ мой Станко Лопухъ, шляхтичь зъ родꙋ, имелъ ѡчинꙋ ꙋ Ейшишкахъ, и теперь дей родъ его ꙋ Ейшишкахъ шляхтичи, а серебщины николи не дають (Вил. гр. 1513 г., Лит. метр., т. I, кн. I, № 65); Ино мы, того досмотревши, тую речь есмо на той мерѣ *постановили*: *коли* бы Матей детей не мѣлъ, тогды бы могла быти жона Петрова Кгеложева къ тому близкая (Слоним. гр. 1519 г., Лит. метр., т. I, кн. 3, № 70); Теж *уставуемъ*, *естли* бы хто хотел вено жоне своей записати, тогды маеть ошацовати вси именья свои и на третьей части, чого стоит, маеть противко внесеня записати вено жоне своей, такъ якъ бы сума не переносила тое третее части, чого стоит (Лит. ст. 1529 г., с. 24); Теж *уставуем*, *естли* бы хто дочку свою выдал за муж, тогды маеть ей первей вена оправити (Там же, с. 29. См. также с. 29—30, 30, 42); Теж *уставляемъ*, *естли* бы хто боронил именя своего або подданых своих на кгватехъ, шляхтича забилъ, тому головщины не мает платити, а однакъ на то маеть слушный довод быти, иж его на своей земли забил, а тот мает довести своею телесною присягою с околичными суседы (Там же, с. 57); Теж *уставляемъ*, *коли* бы судья або ездокъ от права высланый былъ на розъездъ; тогды тот судья ездокъ оную сторону, которая лепшые и знакомитшые привилья и листы и знаки або копцы або грани вскажут, будеть повинен ку доводу припустити (Там же, с 67); Теж *уставуем*, *коли* суди отъ насъ господара взятыи албо от пановъ род наших выехали на коку (на року); тогды мают ся справовати тым обычаем (Там же, с. 68); и *змы(с)лила* собе ꙗкъ жонъки будуть насъ покалада(ти), тогды тобѣ ѡ(д)ное жо(н)ки пла(т)е ꙋскла(д)шы вы(и)ти вонъ, з другою жо(н)кою, а то(и) жо(н)цэ ѡста(ти) бы сѧ з нею ꙋ коморе (Лет. Рачин., с. 252); А *дает* ми вѣдати, *если* бых не стал, то нам згинути ꙗко зрадца; на которыи позовъ мушу стати, бо ест король Артиушъ так силенъ, иж можеть мѧ згубити (Пов. о витязях, с. 58).

Характерно, что приведенные примеры встретились преимущественно в деловой письменности, в первую очередь в Литовском статуте 1529 г., где устанавливаются определенные юридические нормы.

Употребление бессоюзных дополнительных предложений (большей частью с трафаретными формулировками в первой части) позволяло выделить вторую часть, придать ей самостоятельное значение (в предложениях с трафаретными формулировками, в которые входит *уставуемъ*, *уставляемъ*, это особенно заметно). Сложноподчиненное дополнительное предложение не давало таких возможностей для второй части предложения.

Возвращаясь к высказыванию Е. Ф. Карского о распространенности бессоюзных предложений в белорусской диалектной речи и к отмеченным Е. Ф. Карским примерам на бессоюзные дополнительные предложения, считаем необходимым подчеркнуть, что именно бессоюзные дополнительные предложения занимают в бе-

лорусской диалектной речи господствующее положение среди других бессоюзных предложений.

Основанием для этого вывода служит многочисленность случаев их употребления в записях последних лет (преимущественно живой диалектной речи, в меньшей степени — устного народного творчества)[176]: Прыхо́дзиц' ба́ц'ка и ма́ци, ба́чуц' — сын чдз'е́ц' (Витебская обл., с. 8); Йа ду́маў, со́нца ўжо зайшо́ўшы, йано́ ўс'о́ йашчо́ св'е́ц'иц' (Там же, с. 11); Гл'ажу́ йа на йих и ду́мъйу: н'ичо́га саб'е́ жыву́ц' л'у́дз'и, патро́ху, а што пр'ишло́с'а п'ираже́ыц', дык аш стра́шна ўспо́мн'иц' (Там же, с. 22); Ат пан'адз'е́лка у сл'е́дуйушчый че́ц'в'ир пашл'и́ сав'е́цк'ийе та́нг'и праз наш го́рат Дз'исну́, а у п'а́тн'ицу ужо ув'и́дз'ели — арыпла́ны сав'е́цк'ийи прал'ац'е́л'и н'идал'о́ка нас и разб'и́л'и штап и пашл'и́ та́нг'и ц'ераз Микалайо́ва... (Там же, с. 56); Ал'е́на жн'ец' до́бра. Старыйа ка́жуц': харашо́ жн'ец' но́рму (Там же, с. 63); Ишо́ў йа л'е́сам. В'и́джу, на тым баку́ рак'и́ воўк ду́шыц' къмара́ (Там же, с. 78); Ба́чыц' — на во́з'ары ву́тка пла́вайе (Могилевская обл., с. 120); Зна́йаш, сыно́к, ц'ап'е́р мы жыв'е́м куды́ л'епш, чым ра́нша (Гродненская обл., с. 121); По́мн'у, быў у нашай дз'аре́н'и багац'е́й (Там же, с. 136); Ра́птам чу́йу — н'е́хта идз'е́ да аги'у́, то́л'к'и сух'ийа гал'и́нк'и трашча́ц' (Там же, с. 140)[177]; Аш выходжу́ йа на двор, в'и́джу — н'е́мцы кал'а на́шай ха́ты (Минская обл., с. 161); Йе́дз'а, йе́дз'а и в'и́дз'а — стайа́ц' л'и дарог'и [стаўбы] (Там же, с. 173); Сказа́ў жа — ско́ра прыйе́дз'а (Там же, 177); Паду́мац' — ад н'адз'е́л'и у магаз'и́н'а н'и быў (Там же, с. 177); Каза́ў — ус'аро́ўна во́з'м'а (Там же, с. 177); Каза́ли, даста́ў йаго́ жо́стк'им канво́йам (Там же, с. 178); У двана́ццац' часо́ў но́чы чу́йа — трашчы́ц', п'ишчы́ц', лама́йицца ус'о́ (Там же, с. 182); Вот йа зна́йу, у гаду́ со́рак шасто́м у Смал'ав'и́чах бра́л'и па шес' рубл'е́й, а ў Ло́шыцы бра́л'и па п'атна́ццац' (Там же, с. 194); Дабрал'и́с'а мы да кра́йн'ай ха́ты, падышл'и́ да вакна́ й чу́йем — гаво́руц' (Там же, с. 195); Е́та крас'и́вы па́м'атн'ик. Раска́звал'и — па шашы́ в'е́з'л'и, ат шашы́ шас'ц'ары́к не ўз'а́ў (Там же, с. 225); Пото́м бачым: йе́дуц' н'е́мцы з'и́мн'иком, а Гры́ша коро́ву ц'ега́йе, а тоды́ к'и́нуў йе́ту коро́ву, и б'его́м ус'е (Гомельская обл., с. 238); Каза́л'и, там одз'и́н ходз'а́йин маў бол'ш за тры ты́с'ечы пудо́ў хл'е́ба (Там же, с. 238); Мо́й ба́ц'к'о раска́зуваў, па́ншчыну раб'и́ў; тр'и дн'и раб'и́ў па́ну, тр'и дн'и раб'и́ў саб'е́ (Там же, с. 240); Дз'ед роска́зоваў, 25 л'е́т остайе́цца же́нчына н'екру́ткойу (Там же, с. 242); Ал'е ба́чыц: цу́до-йу́до йе́дз'е на тро́х голова́х (Там же, с. 243); Ба́чыц' — н'е́хто с'е́дз'и́ц' на п'е́чы (Там же, с. 257); Ба́чым — на́ша дз'аре́ўн'а гары́ц' (Там же, с. 267); Ба́ц'кува ма́тка рас-

---

[176] См.: «Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі». Пад рэд. Р. І. Аванесава і М. В. Бірылы». Мінск, 1962.

[177] И почти рядом: Ра́птам учу́ў, што н'е́хта сап'е́ взаду́ м'ин'е́ (Гродненская обл., с. 140).

ка́зувала, каму́ н'а ўго́дз'ац', паны́ заб'ира́л'и, пасыла́л'и у другу́йу м'е́снасц' (Там же, с. 270); Йа ду́мала, ты ў часо̂ў с'ê̂м прышла́ (Там же, с. 270); Ба́чу — н'амцы̂ê̂ йиедуц', йакра́с пат м'ин'е́ прыйи̂ê̂хал'и (Брестская обл., с. 274); Ду́майу, мн'и̂ê̂ ус'о в'ида́ц' бу́дз'а (Там же, с. 274); Одного́ ра́зу ба́чым — йиду́т н'и́мцы (Там же, с. 326).

Бессоюзные сложные дополнительные предложения находим в староукраинских памятниках различных жанров, в частности в произведениях религиозной полемической литературы: *видѣв же не послоуша* его. изииде на нь со пѣшьци (Ипат. л. (Гал.-Вол.) л. 266 об.); и посла Володимѣръ. ко братоу ко Львови. ко сыновцю ко Юрьеви с тѣми словы се вама *повѣдаю далъ есмь* братоу своемоу Мьстиславоу землю свою и городы (Там же, л. 297 об.); Йнші̀е *пи́шутъ отъ Ру́си, то́* есть отъ Ки́янъ сме́ртью поко́нанъ, и та́къ ве́дле заслу́гъ зги́нулъ (Ист. о Флор. соборе, с. 496); И про́то строфу́юучи тако́выхъ <Господь Богъ> *мовитъ*: *злучилися* з' сторона́ми або зъ наро́ды и навы́кли учи́нковъ ихъ (Отв. клир. Острож., с. 386); «И *ви́дели*, мовитъ <Господь Богъ>, *сыно́ве* Божіи до́чки людскіи, ижъ кра́сны, в'ходи́ли до ни́хъ, и злуча́лися зъ ни́ми, и поймова́ли собѣ отъ ни́хъ жо́ны» (Там же, с. 387); Але *вижу, мало* ся их обирает и знаходит на той тѣсный гастинец хотячих и любячих ходити (Виш. Книжка, с. 12); Тут, вѣм, *речете*, своей хоробѣ догожаючи, *добрѣ* чинят (Там же, с. 66); Да *вижу, нѣсть достоин* Епифания, абовѣм тому духу со всѣм произволением сердца и мысли покорился и вѣчне с своими единомудренными записал (Там же, с. 132); *Глаголеш*[178] *по том* познати костел римский правдивый, яко на ниценском вызнании вѣры стоит? (Виш. Ответ. Скарге, с. 149); И се *вижды*: *сего* ради к лицу вельможа Юрия не писал, но к тебѣ, старице Домникие: слышах бо его болна суща (Виш. Послания, с. 169); Правду речеш, Скарго, и повторе тебѣ *реку, не противляемся* твоему глаголу, ибо и сами добре видим, иж есть щасливый костел латынский и иж науки фундовал по всѣх сторонах папежского послушенства (Виш. Зачапка, с. 198); На тое вам коротко *отповѣм*, и от искуса *глаголю*, а не от самофалки: *за единого*, в горах и пещерах сѣдящего, руского инока, тысячю домолѣжных и в полатах упокоевающихся миролюбцев, мясоедов, роскошных мнихов латынских не промѣнил бым (Виш. Позорище, с. 218); Нѣкоторыи зъ учителей церковныхъ *пишутъ — на Петрѣ* збудовану быти Церковъ Христову (Палин. Копыст., с. 352); *Мовятъ* отступникове еще повторе: *вѣра*, отдѣлне взятая, ачь слушне называется фундаментомъ усправедливенья и вшелякихъ цнотъ, лечъ церкви фундаментомъ вѣра не естъ власне (Там же, с. 377); И овшемъ правы посполитыми *есть варовано — и едного* чловѣка свѣдоцтва не пріймовати (Там же, с. 569); Люципер (до Ада мовит) Але, Аде, добру *я надѣю маю*[179]; *Душу*

[178] В рукописи: *Глаголати*.
[179] Устойчивое словосочетание на месте глагола с тем же значением.

Христову себѣ поимаю (Сл. о збур. пекла); Ад (до Люципера мовит) Живот мои древнѣє И в очах моих мрїє; Живот чуєт, тилко *не скажет*, — *Подобно* той Ісус пришедши всѣх нас повяжет (Там же); Стецко: *Кажут*: *не каждому* вери. . . (Инт. Гаватовича).

В двух приведенных выше примерах (Ипат. (Гал.-Вол.), л. 297 об.; Виш. Послания, с. 169) имеется зависящее от переходного глагола указательное местоимение. Эти примеры сходны с отмеченными примерами из сочинений протопопа Аввакума (в примерах из староукраинских памятников местоимение *се*, в сочинениях протопопа Аввакума местоимение *то*).

Те и другие можно сблизить с бессоюзными сложными пояснительными предложениями, в первой части которых имеется указательное местоимение.

В украинских говорах бессоюзные сложные дополнительные предложения широко распространены, что уже отмечалось в исследованиях, посвященных синтаксису украинских диалектов [180]. Записи текстов, помещенные в книге Ф. Т. Жилко «Нариси з діалектології української мови» подтверждают этот вывод. Приведем ряд примеров, встретившихся в этих записях (в первой части предложения глагол *думати* или *казати*); да ду́майе | от наловиў бага́то ри́би (Киевская обл., с. 221 [181]; ну ду́майу задире́ш ти йо́го (Ровенская обл., с. 231); йа йому́ й кажу́ | ус'о ромно́ д'і́ду за́ўтра накра́ду кавун'і́ў (Сумская обл., с. 279); ход'ў по ха́т'і с'уди́—туди́ | а сам соб'і́ ду́майу жин'ўс' і ўсе || (Харьковская обл., с. 282); хоч мен'і ўже й 67 год | йак ка́жут' стари́й ўже | ну а шче стар'і́ш'і за нас л'у́ди роска́зували | шо ц'а Ду́чина ду́же да́ўн'а || (Херсонская обл., с. 298).

Материал восточнославянских памятников, исследованный нами, позволяет утверждать, что судьба бессоюзных сложных дополнительных предложений была в русском, белорусском и украинском языках (как в литературных, так и в диалектной речи) однородной. Различия лишь лексического характера — в тех переходных глаголах в первой части бессоюзного сложного дополнительного предложения, которыми передается одно и то же значение в каждом из восточнославянских языков.

Бессоюзные сложные определительные предложения

Бессоюзные сложные предложения без относительных местоимений, но с выраженным значением определения в зависимой

---

[180] См., в частности: Г. Ф. П е л и х. Будова складного речення в надбузьких говірках Первомайського району Миколаївської області. «Наукові зап. Одеського державного пед. інституту. Кафедра української мови і літератури», 1960, т. XXV, стр. 91—92. — Автор отмечает (стр. 91), что из бессоюзных сложных предложений чаще всего в исследованных им говорах встречаются причинные и дополнительные предложения.

[181] Это пример из сказки, остальные из живой диалектной речи.

(с точки зрения смысловой, а не формальной) части — одна из наиболее характерных черт памятников письменности, как ранних, так и поздних — XV—XVII вв. Они сохранились в современных народных говорах всех восточнославянских языков, встречаются в разговорной литературной речи, но вышли из употребления (исключения немногочисленны) в письменном литературном языке [182].

В старорусских памятниках мы наблюдаем рост числа этих предложений по сравнению с памятниками XI—XIV вв. По-видимому, это результат все усиливающегося влияния живой устной речи. Характерно, что в новгородских берестяных грамотах XI—XIV вв., являющихся частными письмами, они представлены [183], а в договорных новгородских грамотах того же периода отсутствуют. В грамотах позднейших находим данные предложения.

Своды законов (Судебники 1497, 1550 и 1589 гг.) не знают определительных бессоюзных предложений, но не только потому, что для них характерны строго нормированные формы деловой речи, как полагают некоторые исследователи [184], но и вследствие отсутствия в них описания.

Описание людей, предметов, перечисление характерных для них признаков чаще всего находим в «Путешествиях» по святым местам, в повестях. В них и большинство случаев с бессоюзными сложными предложениями с определяющей частью.

Начиная с Ф. И. Буслаева и особенно с А. А. Потебни сложилась определенная традиция в классификации данных предложений, исследованных как названными учеными, так и многими русистами нашего времени: Н. А. Широковой, Э. И. Коротаевой, Г. А. Качевской, А. И. Сумкиной, Е. П. Васильевой, Е. С. Хмелевской, В. И. Борковским, А. Н. Стеценко, В. И. Троицким и др. Мы сохраняем эту традицию и рассматриваем следующие группы предложений: 1) предложения, признаком которых является то, что «дополнение или подлежащее главного предложения указывает на подлежащее или дополнение придаточного паратактичного, в коем нет не только относительного, но и указательного местои-

---

[182] См., в частности, примеры из произведения Л. Леонова «Русский лес» (В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 92—93): Кто же это руку-то поднял на тебя, Егор Севастьяныч, а? — скрежещущим голосом огня, *сквозь зубы, но все кругом слышали*, спросил Марк; Лишь один непоседа с припадающим дергающимся веком, *подвязана тряпицею скула*, продолжал работу, несмотря на зной, и было примечательно, с каким жарким вдохновением истреблял он свое последнее в том уезде лесное достояние.

[183] В. И. Борковский. Бессоюзное сложное предложение в берестяных грамотах. «Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Slavica Pragensia», IV. Praga, 1962, стр. 279.

[184] См., в частности: А. И. Сумкина. К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1954, т. V, стр. 142.

мения» [185]; 2) предложения, в которых существительное главного предложения повторяется в придаточном (с указательным местоимением или без него, с соединительным союзом *и*, *а* при придаточном или без союза; 3) предложения, в придаточном предложении которых не повторяется существительное главного предложения с указательным местоимением, а стоит местоимение (*и*, *онъ*) [186].

В нашей работе «Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение» отмечены примеры не с *и*, *онъ*, а с *тъ—та—то*, не включенные А. А. Потебней ни в один из типов его классификации «паратактичных придаточных предложений» [187]. Все эти примеры в раннем памятнике — в Смоленской договорной грамоте 1229 г.

Это дает нам основание предполагать, что и случаи с *тъ—та—то* в более поздних памятниках (см. ниже редкие примеры из старорусских и старобелорусских памятников) [188] следует отнести к третьему типу предложений, а не к первому (с предполагаемым опущением имени существительного при указательном местоимении).

Конструкция с личным местоимением вытесняет конструкцию с *тъ—та—то*, не дает ей распространиться. Одна из причин та, что синтаксические функции личного местоимения совпадают с основными синтаксическими функциями имени существительного (быть подлежащим и дополнением).

Личное местоимение 3-го лица полностью заменяет имя существительное, что не всегда ясно при употреблении *тъ—та—то*, поскольку это местоимение служит обычно определением при имени существительном.

А. А. Потебня в качестве образца для первого типа принимает предложения с глаголом в определяющей части предложения: «*прислалъ человѣка*, *Иваномъ зовут*», «N *сказался с е л а* N *крестьянинъ*, *Игнашкою зовутъ*» [189].

Мы здесь, как и в работе «Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение», полагаем возможным привести и случаи с именем существительным в именительном падеже, без глагола в определяющей части предложения, так как эти случаи имеют четкое определительное значение и в бóльшей степени могут быть сближены с первым типом (существительное не повторяется, нет относительного и указательного местоимений), чем с двумя другими.

---

[185] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III. М., 1968, стр. 251—252.

[186] Сохраняем в обеих формулировках, которые передают положения, принадлежащие А. П. Потебне, его терминологию: главное предложение, придаточное предложение.

[187] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение, стр. 91—92.

[188] Отмечены в числе примеров с местоимением *онъ*.

[189] А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 251.

Многочисленные примеры — в двинских грамотах XV в. [190]. Широко представлен в памятниках письменности XV—XVII вв. первый тип предложений, этот же тип (и только этот тип, за редкими исключениями) находим в современных русских диалектах и в разговорной речи.

Приведем примеры из памятников различных жанров [191]: се купи игуменъ василеи. у матфѣи оу оурвана. оу левонтѣева сна. . . двои гоны зе[м]ли ѡрамици *путь по серетки подли никольскую пожню*. на плоскои веретѣи гоны земли ѡрамици. . . (Двинская купчая гр. XV в. Шахм., Исслед., № 24); лоскутъ под црковью да друго' х кашиница двору то стому воскрнью а стому миха'лу противу того наволокъ под дворомъ *межа по ручью в курю* а друго' лоскутъ колѣнце до дьяконицевы межи (Двинская меновная гр. XV в. Шахм., Исслед., № 47); а варил [192] на великомъ мѣсте *мо' церен и дрова* тои же ѳилимон пять ноце' (Двинская духовная гр. XV в. Шахм., Исслед., № 70). Воеводы же великого князя и на тѣх пришедше побиша их и послаша к великому князю с тою вѣстью Тимофѣя Замытьского, *а пригонил к великому князю иуля въ 9 день на Коломну озеро*, а сами воеводы от Русы поидоша къ Дѣману городку (Моск. лет. св. конца XV в., л. 403 об.); А въ Гурмызѣ есть варное солнце, *человѣка съжжеть* (Хож. Аф. Ник., л. 371 об.); Есть в томъ Алянде и птица гукукъ, *летаетъ ночи*, а *кличеть гукукъ* (Там же, л. 375 об.); да на всякую ночь дворъ его стерегуть 100 человѣкъ в доспѣсехъ, да 20 трубниковъ, да 10 нагаръ, да по 10 бубновъ великыхъ *по два человѣка биють* (Там же, л. 387 об.); Азъ же не токмо Великого Василіа всю книгу купихъ, но иныхъ нѣкоторыхъ учителеи нашихъ; всѣ отперы книги Златоустовы, Григорія Богослова, Кирилла Александріискаго, Іоанна Дамаскина и кронику нѣякую, ново зъ Грецка на Латынска прелаженную, зѣло употребную и премудрую — *написана отъ мужа нѣкого зацънаго, Никиѳора Калинта* — (Письма Курб., с. 417); Примѣтилъ есми, государь, Петра, волоского воеводу, *был тебѣ, государю, великіи доброхот и царству твоему*; и язъ, государь, потому, слышавъ тѣ рѣчи у него, переписавъ, вывез к тебѣ, государю, служачи тебѣ, какъ тебѣ, государю, полюбитца службишко мое, холопа твоево (Пересветов, с. 59); И Махмет-салтанъ потребивши царя Кон'стянтина і вз'емши вѣру христіяньскую себѣ в' помощь, *Богомъ выдана грѣхъ ради ихъ і гордости, что они миръ от царя отбивали і жалобниковъ къ царю неприпущали і управы въ царствѣ Кон'стянтиновѣ никому не было от велможъ Кон'стянтиновыхъ* (Там же, с. 66); От молитвъ святыхъ Анаста-

---

[190] См.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение, стр. 86—88. — Поэтому здесь отмечены лишь несколько примеров.

[191] Определяющая часть напечатана курсивом.

[192] Соль.

сѣевых пришло великое сумнѣние на царя Магметя, *велми о том мыслил и хотѣ вѣру християнскую принятн* (Там же, с. 84); А другая гора бяше возлѣ ту, «на ней же родится ладанъ черный, *падаетъ съ небеси, мѣсяца Іюля и Августа, росою*; по горамъ тѣмъ древцы малы и многи, низки и съ травою равны, и на тѣхъ древцахъ емлютъ ладанъ той» (Пут. Зосимы, с. 67); А отъ Станкова острова до острова Родоса три дни ходу: и ту стоитъ городокъ, *по Гречески именуется крѣпость* (Пут. моск. купцов, с. 137); И отъ тоя церкви близъ, на восточную страну, къ горѣ Елеонстей стоятъ врата желѣзныя, великія, стараго Іерусалима, *затворены и невходимо ни кому и не отверзаются до днесь*. И въ тѣ врата въѣхалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ отъ Виѳаніи на осли съ горы Елеонскія (Там же, с. 143); Да за восточным градным угломъ того-жъ града Іерусалема стоятъ два древа смоковныхъ, *а стоятъ и до сего дни зелены*, а сказываютъ: подъ тѣми древесы спали два пророка (Там же, с. 145); Тифлисъ же градъ въ державѣ Персидского шаха, а въ немъ четыре града каменныхъ стоятъ на двое, а промежъ тѣхъ градовъ идетъ рѣка зовомая Кура, *не мерзнетъ никогда* (Пут, Гогары, с. 111); Сей убо бяше градъ Азов, *поставлен бе от истинныя православныя християнския веры от греческаго языка в прежнее лета от древних родов при апостоле Павле* (Пов. об азов. взятии, с. 47); А нам, казаком, в ту нощь в вечере видение всем виделось: по валу бусурманскому, где их наряд стоял, ходили тут два мужа леты древними, *на одном власяница мохнатая* (Там же, с. 80); А сія шестая часть, *имѣетъ въсебѣ шесть главъ* (Уч. и хитр. рат. стр., с. 12); а другое гсдрь члвкъ дворовои выпушен во кр [ес]тьяня сын ѕ него *Петрункою зовуд* да две дѣвки а другова Воролком зовут снъ ѕ нево (О. Лаптев А. И. Безобразову. — Памятники XVII в., № 120, с. 70); а вино гсдрь продаютъ подле ншева двора черкасы *а стоят на Воскресенскомъ подворе* (Челобитная А. И. и Ф. И. Безобразовых, 7 марта. — Там же, № 8, с. 132); и после меня оставался братишко мои нев [е]лик *Ивашко зовут* (Челобитная), [1624 г.] — Моск. дел. и быт., № 3, с 45); в ннешнем гсдрь во РПГ м году августа в И де с воскресенья на понедѣлник в четвертом часу ночи украли у меня холопа твоего ѕ двора раѕобрав ѕабор коня бурова в рыже осми лѣт *грива стрижена лѣвое ухо срѣзано* (Явочная челобитная, 3 сентябрая 1675 г. — Там же, № 99, с. 96); дѳ ему дьячку ѿтдали ѕавес полатьняноі шитаі да перстен серебреноі с каменем да ношъ булатнои *ножны ѿправлены серебром* да чарку сере[бряную] (М. Т. Сатин Марье Леонтьевне — Грамотки, № 54, с. 41); да повалилась гсдрь телица стелна *растелилас четверты сѯдьки* (М. Емельянов Я. Г. Тухачевскому. — Там же, № 139, с. 78); волею гсдр правѣдною бжию не стало князь Михаила Івановича Воротынского *а лежал двѣ недели бѣзо многа* (М. Боев В. В. Голицыну 22 сентября. — Там же, № 241, с. 132); а в Василе гсдрь городе принимает хлѣбъ Ѳедор Ѳедоров Івана Клипина свояк да нижегороцкаго наиму грамотнои послан Левонтеи *словет Дуб* да кормщикъ Сисои (П. Окулов К. П. Кал-

мыкову, 16 января. — Там же, № 385, с. 226); А на Вохмѣ гсдрь есть старая рьжевочка маленкая таковская гсдрь под кубы *недорого и возмут* (П. Окулов и другие К. П. Калмыкову и другим. — Там же, № 397, с. 235).

Большое место занимают бессоюзные определительные предложения в сочинениях протопопа Аввакума.

Среди примеров и с краткой в два-три слова определяющей частью и с более значительной по размеру, со стоящей в конце предложения и с вклинивающейся в господствующую часть предложения: Егда ж рассветало в день недельный, посадили меня на телегу, и растянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на чепи кинули в темную палатку, *ушла в землю*, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад (Аввакум, Житие, с. 66); Бысть же я в третий день приалчен, — сиречь есть захотел, и после вечерни ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал похлебать, — *зело привкусны, хороши*! — и рекл мне: «полно, довлеет ти ко укреплению!» (Там же, с. 66); Сын Иван — *невелик был* — прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрьму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут (Там же, с. 72); В той же нужде прислал ко мне от себя две вдовы, — *сенныя ево любимые были*, — Марья да Софья, одержимы духом нечистым! (Там же, с. 75); А как приехали после меня на другои порог, на Падун, 40 дощеников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощеник, — *снасть добрая была, и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести*, — взяла силу вода, паче же рещи — бог наказал (Там же, с. 81); Пашков же, ухватя у малова колешчатую пищаль, — *никогда не лжет*, — приложася на сына, курок спустил, и божиею волею осеклася пищаль. (Там же, с. 81); А мне сказывал кормщик ево, Афонасьева, дощеника, — *тут был*, — Григорей Тельной (Там же, с. 82); И притече ко мне с келейником ночью в темницу, — идучи говорит: «блаженна обитель, — *таковыя имеет темницы*! блаженна темница — *таковых в себе имеет страдальцов*! блаженны и юзы!» (Там же, с. 97); Да у меня ж был на Москве бешаной, — *Филипом звали*, — как я из Сибири выехал (Там же, с. 114); А егда я был в Сибири, — туды еще ехал, — и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, *Феодором звали* (Там же, с. 115); В Тобольске была у меня девица, *Анною звали*, дочь мне духовная, гораздо о правиле прилежала о церковном и о келейном и вся мира сего красоту вознебрегла (Там же, с. 117); Потом-де меня привели во светлое место, зело гораздо красно, и показали-де многие красные жилища и полаты; и всех-де краше полата, *неизреченною красотою сияет паче всех и велика гораздо* (Там же, с. 118); И увидех на брюхе твоем язву велику, *исполнена гноя многа*, и убоях, вострепетах душею, по-

ложих тя взнак на войлок свой, на нем же молитвы и поклоны творю (Аввакум, Письма, с. 199).

В числе отмеченных случаев с первым типом предложений имеются примеры с именной формой причастия страдательного залога. Имеем в виду случаи, когда причастие связано непосредственно с определяемым словом, а не относится к слову в определяющей части как в примерах из явочной челобитной, 3 сентября 1675 г. (Моск. дел. и быт., № 99, с. 96), из письма М. Т. Сатина Марье Леонтьевне (Грамотки, № 54, с. 41). Мы не сомневаемся в том, что в них причастие является сказуемым определяющей части: в некоторых примерах (Письма Курб., с. 417, Пересветов, с. 66, Аввакум, Письма, с. 199) это причастие не согласовано в падеже с определяемым словом, имеет форму им. п.; в одном примере (Пут. моск. купцов, с. 143) налицо согласование в падеже и числе, но рядом с этим причастием адъективировавшееся причастие в «безличной» форме — форме ср. р. ед. ч. (*невходимо ни кому*) и личная форма глагола (*не отверзаются до днесь*) на правах однородных членов; в одном примере (Пов. об азов. взятии, с. 47) причастие входит в составное сказуемое в качестве его именной части (*поставлен бе*).

Однако в следующих примерах авторы писем употребили именную форму причастия страдательного залога (она согласована в роде, числе и падеже с определяемым словом) как определение, а не как сказуемое, предложение не является сложным бессоюзным предложением [193]: Аще ли же кои дерзнуша сія отворити, ничимъ же пользоваша, наипаче въ горшая телесная и душевная погибели пріидоша, яко же князь великіи Рюрикъ Ростиславичъ Смоленскіи, *постриженъ отъ зятя своего Романа Галического.* (Письма Ив. IV, л. 130 об.—131); Эпистоліа первая князя Андрея Курбского, *писана къ царю и великому князю московскому прелютаго ради гоненія его* (Письма Курб., с. 1); А се лжеплетеніе и прежде азъ видахъ, *Полскимъ языкомъ написано* (Там же, с. 379); гдѣ Италія, *отъ самыхъ апостолъ благовѣріемъ украшена?* гдѣ Испанія славная, отъ апостола Павла благочестиемъ насаженная? (Там же, с. 392).

В двух примерах (письма Курб., с. 379 и 392) причастие стоит после зависящих от него слов. Большой интерес предстaвляет собою второй из этих примеров. В нем имеется и местоименная форма причастия страдательного залога, причем в тексте, сходном по построению с текстом, где стоит именная форма причастия страдательного залога. Таким образом, не возникает сомнений, что и та и другая формы выполняют одну и ту же функцию — определения (а не сказуемого).

В пользу мнения, что *украшена* в данном примере, а также *написано* в первом примере (Письма Курб., с. 379) равносильно *украшенная*, *написанная*, а не *которая украшена*, *которая написана*,

[193] На основании сказанного напечатанные курсивом слова не считаем определяющей частью бессоюзного сложного предложения, а определением с зависящими от него словами.

говорит место этих причастий в предложении. Полагаем, что *пострижен* (Письма Ив. IV, л. 130 об.—131), *писана* (Письма Курб., с. 1) тоже имеют значение *постриженная*, *писанная* (*написанная*), а не *который пострижен*, *которая писана* (*написана*) [194].

Бессоюзные определительные предложения встречаются не только в современных русских диалектах, но и в разговорной речи. Это замечание относится к первому типу предложений.

Характерно, что, по наблюдениям О. А. Лаптевой, наиболее распространенной и последовательно употребляемой бессоюзной конструкцией является однофразовая вопросная реплика (в наших примерах из старорусских памятников только повествовательные предложения) типа: А где мой кошелек, тут лежал?; — А где мой ножичек, здесь был? и др.[195]

Отличает устно-разговорные современные бессоюзные конструкции от приведенных нами из памятников XV—XVII вв. не только то, что они наиболее распространены в вопросных репликах. Почти обязательное расположение подчиненной части в самом конце предложения, упрощенное строение этой подчиненной части (в ее составе лишь глагол и наречное или местоименное слово, реже два) [196] не позволяют нам сблизить их в полной мере с примерами из старорусских памятников. В последних определяющая часть может стоять и в середине бессоюзного предложения, быть и длинной, поскольку нет необходимости, в отличие от устной речи, «проговаривать» ее «в заметно ускоренном темпе» [197].

Вот почему мы не видим преемственной связи между бессоюзными определительными предложениями в современной устной разговорной речи и в древнерусских и старорусских памятниках. В современной речи они являются результатом исключения относительного местоимения (*который*, *какой*), усложняющего интонационный рисунок, удлиняющего определяющую часть, что мешает беглости речи. В памятниках письменности никакого и с к л ю ч е н и я нет и ни в каком в о с с т а н о в л е н и и якобы опущенного местоимения нет необходимости.

Полагаем, что примеры из диалектов, как правило, взятые не из беглой речи, а из спокойно произнесенных фраз, перекликаются с тем, что находим в памятниках письменности. В них предложе-

---

[194] А. А. Потебня полагает, что «почти вплоть до нашего времени бесчленное прилагательное и причастие может быть не только предикативным атрибутом, но и непосредственным определением и приложением» (указ. соч., стр. 251).

[195] «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 362; см. также: О. А. Л а п т е в а. О некоторых синтаксических тенденциях в стиле современной научной прозы (по материалам редакторской правки). «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966, стр. 55.

[196] «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка», стр. 362 (те же выводы и в другой названной выше работе, стр. 56).

[197] Там же.

ния почти исключительно не вопросительные, а повествовательные, определяющая часть может стоять и в середине бессоюзного предложения.

Таковы примеры из дореволюционных записей в Олонецкой и Вологодской губерниях, относящихся к 1914 г.: Свёкор, *умер-то*, знаткой был; У старушки, *видит одним глазом*, сын в один гот со мной принесён; У нас баба, *померла нонь-то*, знала эти слова; Старик, *показывала-то я вам*, мужу моему братан; Дефка, *паренька-то принёсла*, сестра мне; Сын, *сноха-то ушла*, лони умер; Хозяин издил, *паринёк умёр* (у которого паренек умер); Поправилсы ли тот мужык, *змий-от укусил*; Наж дом у байны, *вы вцерась купались*[198]; Ручкю, *пишут-то*, у меня просят; Топо̂р взял, *дрова-те рубили*; Миколай, *по короў-то ушоў*, не приходиў ошшо[199].

Современные русские диалекты тоже знают эти конструкции: Ана ф кулеш наклала фшей, *из ґалавы начасала*; Падаёть е^{a}му кошку, *ижарила*; Я твой муж, *и ґалдатав убёх* (Ряз.)[200]; Где дели тряпку, *полы мыли*? Дюж хорошо на речке, *мы сейчас были* (Тамб.)[201]; У нас ни у кавó избы нет *прамеждý сéни-то* (Ряз.)[202]; Мы сейчас кормим апрельских поросят, *в апреле родились*; Нашла кофтёнку, *валятся где-нибудь на улице*, и шей кукле (Томский район)[203]; Йест' стърики | *век прожили*; Такийи люди нъхадилис' | *паказывали* (Сарат.)[204]; А какии бабы были — *мужйя убитыи* — с сабой (их) увяз'ли (=бабы, у которых мужья убиты);. Ес'т' там у мине палоска *у вяршыни пасеяна* (Воронеж)[205]; У нас

---

[198] В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. «Изв. ОРЯС», 1914, т. XIX, кн. 4, стр. 168, 169.

[199] В. Мансикка. Заметки о говоре Никольского уезда. «Изв. ОРЯС», 1914, т. XIX, кн. 4, стр. 216.

[200] Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матыр Зарайского уезда. «Сб. ОРЯС», т. XCIX, № 6, Пг., 1922, стр. 56.

[201] Н. М. Мешковская. Синтаксические явления в моршанских говорах Тамбовской области (автореф. канд. дисс.). М., 1950, стр. 14. — Автор отмечает явное преобладание в речи бессоюзных связей в сложных предложениях, устойчивость и продуктивность этих конструкций (стр. 14).

[202] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953, стр. 58 (пример записан в Спасском р-не Рязанской обл.).

[203] В. В. Палагина. Синтаксические особенности говора западной части Томского района, «Уч. зап. Томского ун-та им. В. В. Куйбышева», 1954, № 19, стр. 27.

[204] О. Б. Сиротинина. Синтаксис говоров Алгайского района Саратовской области. «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского», т. XLVIII, вып. филол. Харьков, 1957, стр. 72. — Отмечается, что «мало разработаны связи с придаточными определительными. Записано всего два предложения» (стр. 72). Имеются в виду бессоюзные предложения.

[205] В. И. Собинникова. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского р-на Воронежской обл.). Воронеж, 1958, стр. 148. — Последний пример, записанный в Борщеве Воронежской обл., приводится (в качестве параллели к примеру из «Воронежских актов») и в другой работе В. И. Собинниковой — «О связи исто-

одно было производство — гребни фсё делали, *голову цёшут*; Есь мастера, *шыпко хорошо вяжут и вышивают*; У нее девочка есь маленька, *Валькой зовут*; Тоня ф кадры ушла, *в этой-то избе жыла*; Сарафаны носили холшовыё, *наткут изо льну* (Киров.) [206].

Приведенный в дореволюционных и послереволюционных записях материал свидетельствует о том, что бессоюзные определительные предложения употребляются в различных русских говорах, как в севернорусских, так и в южнорусских.

Второй тип бессоюзных сложных предложений, характерным признаком которых является повторение в определяющей части имени существительного (с указательным местоимением или без него; первые случаи господствуют), встречается в старорусских памятниках значительно реже, чем первый тип. Исключение составляют челобитные XVII в., где этот тип представлен многими примерами.

Следует отметить, что повторение имени существительного, способствующее более тесной смысловой связи частей предложения, ведет в то же время к известной самостоятельности, с точки зрения формальной, второй, определяющей части.

В ряде случаев, когда определяющая часть стоит в конце предложения и отделена от определяемого слова не зависящими от последнего членами предложения, определяющую часть можно рассматривать и как присоединительное предложение.

Приведем несколько примеров на второй тип как с глагольным сказуемым, так и без него: оу дѣдова вогана пожнѧ в лости. *а межа тое пожни с верхнего конца. ѿ грихновы межи.* то ми с ведоромъ по половинамъ (Двинская духовная гр. XV в. Шахм., Исслед., № 7) [207]; и потомъ іеремею [шило]ви дѣти глѣбе з братиею придали два рубля к старымъ кунамъ отца свое купли *а взял два ти рубля грика павловъ сава михаиловъ* (Двинская купчая гр. XV в. Шахм., Исслед., № 63); Да послѣ Царицы жъ Александры остался образъ чюдотворной Николы Чюдотворца, *а взятъ былъ тотъ образъ къ намъ къ Москвѣ, а отказала его Царица Александра въ Покровской же монастырь* (Моск. гр. 1615 г.

рии языка и диалектологии (на материале воронежских говоров и воронежских памятников письменности» (В сб.: «Тезисы докладов на IX диалектологическом совещании 15—18 мая 1963 г.» М., 1963, стр. 8). Ряд примеров из русских говоров Воронежской области (и параллельно — из украинских говоров) отмечен в работе В. И. Собинниковой «Общие и специфические явления в синтаксисе русских и украинских говоров». (В сб.: «Материалы по русско-славянскому языкознанию», II. Воронеж, 1966, стр. 9).

[206] В. И. Троицкий. Относительное подчинение в языке русской письменности XVI—XVII веков. Изд-во Казанского ун-та, 1968, стр. 45—46 (кроме отмеченных, еще много примеров из кировских диалектов; примеры из кировских диалектов на другие типы определительных предложений в той же работе, стр. 53—54, 57, 61.

[207] Еще ряд примеров без глагольного сказуемого из двинских грамот XV в. см.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение, стр. 89—90.

АИ, т. III, № 59) [208]; Дабыль же есть градъ велми великъ, *а х тому жь Дабили съежщается вся поморья Индѣиская і Ефиопьскаа* (Хож. Аф. Ник., л. 390 об.—391); а въ полунощном углу, внутри же града, стоитъ великая церковь Воскресеніе Христово, каменная, *а въ той церкви гробъ Господень, длина той церкви 70 сажень, а поперечь 50 сажень*; а церковъ вельми чудна (Пут. моск. купцов, с. 138) [209]; и въ той пещерѣ источникъ, *отъ того источника питалась Елизаветъ, а сотворенъ тотъ источникъ Божіимъ повелѣніемъ, а не копанъ ни кѣмъ* (Там же, с. 145); И въ той церкви, предъ царскими дверьми лежитъ камень плоскъ — *съ того камени вознесся Христосъ предъ ученики своими на небеса, и на томъ камени вообразишась стопы Христовы и нынѣ одну ступень Христова знати и до сего дни* (Там же, с. 147); и свел мерина каря лѣт десети з седломъ *а седло дано сорок алтын* (Записи сказок — Памятники XVII в., № 20, с. 140); прислал он кнзь Петръ гетманскои листъ, *а в томъ листѫ прошение гетманское написано ко кнзю Петрѫ Ивановичю* (В. В. Галицын Е. И. Украинцеву 25 июля 1682 г. — Моск. дел и быт. № 13, с. 33); по твоему гсдрву ѫказу поставлена хамовная изба на хомовномъ дворѣ после московского разореня вскоре *а в тои избѣ хамовники сидят за твоими гсдрвыми хамовными дел[а]ми дѣлаютъ твои гсдрвы полотна двоиные и троиные и тверские* (Челобитная, 1635 г. — Там же, № 22, с. 55); жалоба гсдрь намъ на саседа своего на Стефана Купреянова побранился тот Стеѳан с нами аб общем колодезе *и водѫ черпали ис това обшева колодезя с прежними бывшеми жилцами и с ним Стефаном Купреяновым лет с трицат и болши* (Челобитная, 4 июня 1649 г. — Там же, № 49, с. 67); вѕяти гсдрь мнѣ по выданои кабале Бѣжецкого Верху городецком посацком члвкѣ на Прохоре Ми[кити]не сне серебрянике сорок рублев денег да серебра три ѳунта дватцат восмь ѕолотников да двенатцат перснеи ѕолоченых *цена пресням три рубли* (Челобитная, 16 июня 1668 г. — Там же, № 65, с. 77); кѫпил я холопъ твои на Тѫле у тѫленина у по[са]цкаго члвка у Савина хлѣбника два мѣста *а бывали на томъ мѣсте харчевныя избы* и ннѣ на том мѣсте харчевнымъ товаром торговать нелзя потому что мяснои ряд стал блиско (Челобитная, 24 марта 1640 г. — Там же, № 70, с. 80); в ннѣшнем гсдрь во РПГ м году декабря в АІ де бежал от меня холопа твоего купленои мои малои Мишка Яковлев покинув жену свою *а сиделъ тот мои малои от меня холопа твоего в москотилном ряду в лавкѣ* і снес от меня холопа твоего з дворишка моего із лавченки моеи платя і товару і днгъ на триста на пят рублев с полтиною (Явочная челобитная, 12 декабря 1647 г. — Там же, № 87, с. 89).; Ѳеонасеи Стоянов сна женил взял пришлою вдовѫ *а та вдова пришед и году не жила* (А. Н. и А. С. Самариным

[208] Две определяющие части, из которых вторая относится к третьему типу предложений.

[209] В этом и в двух следующих примерах две определяющих части второго типа предложений.

от попа Ивана Васильева, 1696 г. — Источники XVII—начала XVIII в., № 1, с. 182); и какъ пришли люди мои на Воронежъ з запасомъ и на Воронеже бѣжал члвкъ моі Наѕарка Микитин пократчи меня холопа твоего а кражею взял турку да карабинъ да борошен натруску с порохомъ и свинцомъ да платья два каѳтана аднарядашные *цена ружю и платью двенатцать рублевъ с полтиною* (Явочная челобитная С. И. Пазухина о беглых крестьянах, 1696 г. — Там же, № 11 (18), с. 256); да прошѫ твоего жало[ва]нья гсдрь мои Евтиѳеи Іванович что продана пѫстушъ Ѳбалишки *а в тои постоши Маря Ѳедоровн[а] не допрашивана* и ты изволиш кѫпчѫю самъ посмотрить (Е. И. Суворову от Марфы Тимофеевны. — Грамотки, № 29, с. 28); а оцъ нашъ Григореи Ивановъ, а брат ево а наш дядя Ѳадеи Ивановъ а матѫшка наша Огаѳ[ья] Даниловна взятя за батюшка нашево из деревни Олтѫшева *а в тои дрвне у матѫшки нашеи брат родной и ныне жив імя емѳ Яковъ Даниловъ* (Борису Григорьевичу от братьев Никифора и Родиона. — Там же, № 50, с. 39); пришлю к чюдотворнои іконѣ Николая чюдотворца кисть *а мера іконе длина полтора аршина а ширина аршин с четвертью* (М. Ржищев Дмитрию Степановичу. — Там же, № 112, с. 65); да послал к тебѣ грамотку *а та грамотка прислана ко мнѣ чрез почту в звязке из Сибирского приказу* (Ф. Качанов С. Г. Лисовскому. — Там же, № 300, с. 158).

Особо отметим пример из сочинений протопопа Аввакума: В 169 Афонасей Пашков увез из Даур Никанские земли два иноземца, Данилка да Ваську, *а те люди вышли на государево имя в даурской земле в полк к казакам* (Авва́кум, Письма, с. 191). В приведенном примере (из «Записки о жестокостях воеводы Пашкова, приложенной к первой челобитной Алексею Михайловичу») существительное не повторяется, а заменено другим, более широким по объему (вместо «два иноземца» — «те люди»). Местоимение *те* указывает на близость понятий, почему мы и отнесли данный пример ко второму типу предложений.

Если в первом типе предложений нет никаких указаний на связь определяющей части с определяемой, кроме ясно выраженного смыслового единства, а во втором типе эти указания даже избыточны, поскольку повторяемое существительное может иметь при себе еще и указательное местоимение, то в третьем типе зависимость определяющей части от определяемой выражена употреблением местоимения *онъ*, отсылающего к существительному определяемой части.

Поскольку местоимение *онъ* выполняет функции связующего звена, его следует отнести к так называемым п о л у с а м о с т о я т ѳ л ь н ы м формам, хотя местоимение *он* не дублирует, как это имеет место в приведенных Л. Блумфилдом примерах иного типа, другое слово (имя существительное собственное) [210]. Этот тип

[210] «Особой разновидностью паратаксиса является также использование п о л у с а м о с т о я т е л ь н ы х форм, которые и грамматически, и по

предложений ближе всего к сложноподчиненным определительным предложениям.

Встречается он часто, при этом в памятниках различных жанров, но преимущественно в деловой письменности, иногда рядом с первым и вторым типом или с одним из них.

Приведем ряд примеров: далъ есми стму николи wчну свою вчастокъ свои. wрамыи земли и пожни. и братнѧ вчастка микитина половина во всемъ. на гори в лѣсномъ поли полоса земли. другаѧ полоса земли. в лѣсном же поли. *выменялъ ею. в селюши в павлова.* а далъ противу тое в романови вѣтѣи землю. и з закраиною конець селюшины. земли (Двинская духовная гр. XV в. Шахм., Исслед., № 7); пойдетъ ихъ насадъ съ солью, отъ манастыря, вверхъ рѣкою Двиною и Сухоною къ Вологдѣ, *а въ немъ четыре тысячи пудъ соли*, а съ Вологды тотъ ихъ насадъ пойдетъ съ манастырскимъ запасомъ, и запасу имъ везти на манастырь противъ тѣхъ же четерехъ тысячь пудовъ соли (Моск. гр. 1551 г. — АИ, т. I, № 156); а подъ Усадищемъ обжа съ третьею, да къ Усадищу въ Важенскомъ погостѣ въ Вонзерьѣ деревнями и со всѣми угодьи: деревнею Яхновымъ, *а въ ней обжа*, деревнею Сеншинымъ, *а въ ней обжа*, деревнею Васильевскою, *а въ ней обжа*, деревнею Филипповымъ, *а въ ней обжа без четверти*, да въ той же деревни пустошью четвертью обжы (Новг. гр. 1572 г. АИ, т. I. 183); Сказывалъ намъ, Волской казакъ Олешка Кумыченинъ, *а былъ онъ на Яикѣ съ Маринкою и съ Ивашкомъ Заруцкимъ, а пріѣхалъ въ Астарохань съ Гордѣемъ Палчиковымъ*, что Волоскіе казаки Треня Усъ да Возига съ товарищи хотятъ итти съ Яика на Иргискіе вершины (Рус. гр. 1614 г. АИ, т. III, 34); пожаловалъ есми. . . помѣстьемъ в Шелонской пятинѣ, въ Паозерскомъ погостѣ, деревнею Милославскимъ, *а въ ней три выти безъ трети выти*, да пустошью Дубровкою, *а въ ней обжа*, да въ Воцкой пятинѣ въ Креченскомъ погостѣ деревнею Стипиномъ, *а въ ней пять вытей съ осминою*, да въ Вотцкой же пятинѣ деревнею Виткою, *а въ ней полтрети выти*, **со крестьяны,** и съ бобыли, и съ сѣнными покосы, и со всѣми угодьи (Новг. гр. 1636 г. АИ, т. III, № 191); Уже бо возвеяша силнии ветри с моря на усть Дону и Непра, прилелеяша великиа тучи на Рускую землю, *из них выступают кровавыя зори, и в них трепещуть синие молнии* (Сл. о Кулик. битве, с. 36) [211]; Тогда былъ Патриархъ Ѳофилъ; а во Египтѣ

своему значению дублируют известные части тех форм, которые сочетаются с ними в паратаксисе: Iohn, he ran away «Джон, он убежал». Во французском языке это явление регулярно используется в некоторых типах вопросов; ср. Jean quand est-il venu? [žaⁿ kaⁿt ɛt i vny] «Жан, когда он пришел?» (Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, стр. 197).

[211] В сходном тексте в Слове о полку Игореве часть предложения *а въ нихъ...* не имеет такого отчетливого определяющего значения, как в Слове о Куликовской битве, и может рассматриваться как самостоятельное предложение: Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чрьныя тучя съморя идутъ, хотятъ прикрыти Д солнца; а въ нихъ трепещуть синіи млъніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго (Сл. о полк. Иг., с. 12).

Султанъ сіирѣчь, Царь, *имя ему Тотаръ*; а въ Домасцѣ Цембакъ: се имъ Срацинскія имена (Пут. Зосимы, с. 66); Во Индѣиской же земли кони ся у нихъ не родятъ, въ ихъ земли родятся волы да буйволы, *на тѣхъ же ѣздять и товаръ иное возять, все дѣлають* (Хож. Аф. Ник., л. 373) [212]; В Бедери же змии ходятъ по улицамъ, *а длина ея двѣ сажени* (Там же, л. 377); и не престану ти воистину докучати и до моеи смерти — понеже зело люблю тя — дондеже узрю тя лепшее тщаніе о семъ приложити и охоту въ сердцы твоемъ подвигнути, понеже въ томъ избавленіе наше належить, яко самъ Христосъ рече: Прочитаите, рече, писанія, *въ нихъ обрящете животъ вѣчныи*; и паки: Причитаите писанія, понеже тѣ свидетельсвуютъ а мнѣ (Письма Курб., с. 462); И онъ рекъ такъ сеитомъ своимъ і пашамъ, і молнамъ, і обызамъ: Пишется великая мудрость о благовѣрномъ цари Константинѣ в филосоѳскихъ книгахъ: иже родися источникъ мудрости воинскія, *от меча его вся подсолнечная не можетъ сохранитися*. (Пересветов, с. 71); Да тутъ же колода каменая, *пробиты у ней двѣ диры*, идѣже жидове наругались Господу, и клали ноги его въ колоду и замкнули замкомъ (Пут. моск. купцов, с. 139); А съ полуденную страну тояжъ горы Елеонскія стоитъ церковь, *а въ ней гробъ святыя Пелагеи, бывшей прежъ блудницы* (Там же, с. 147); и тут Господь воскреси его; и ту стоитъ церковь Воскресенія Христова, другая Лазаря, *а въ ней гробъ Лазаревъ, и сестры его Марѳы и Маріи* (Там же, с. 147); Былъ де во Египтѣ Царь нѣкто Чиркизской, *имя ему Гаврило*, а невѣріемъ сый Турчанинъ, вельми золъ на христіяны, злѣе нынѣшнихъ Турковъ, и имѣяше у себя врача жидовина хитра суща (Там же, с. 149); а повыше тѣхъ источниковъ течетъ источникъ, *имя ему Мерра, а вода въ немъ холодна и и горька добрѣ*; а отъ тѣхъ финиковъ, что Моисей насадилъ, отъ корени ихъ садъ великой расплодился, а тотъ садъ святыя горы Синайскія (Там же, с. 155) [213]; Предъ дверьми же св. Софіи столпъ стоитъ, *на немъ Царь Юстиніанъ стоитъ на конѣ*: конь мѣдянъ, и самъ мѣдянъ вылитъ, правую же руку держитъ распростерту, а зритъ на востокъ, а самъ хвалится на Срацинскіе Цари (Пут. Зосимы, с. 61); Тифлисъ же градъ въ державѣ Персидскаго шаха, *а въ немъ четыре града каменныхъ стоятъ на двое, а промежъ тѣхъ градовъ идетъ рѣка зовомая Кура, не мерзнетъ никогда* (Пут. Гогары, с. III) [214]; А ко Египту идучи, есть деревня отъ града 7 поприщъ, *имя ей Матарія, а по Гречески Марина* (Там же, с. 115); <што не устрашились>5000 страшных таких великих и и непобедимых сил царя турского, — 300 000 одной той ево описанной силы, окроме люду волново и черных мужиков, *а тех у нас*

---

[212] На месте местоимения *онъ* местоимение *тъ*.

[213] Две определяющих части третьего типа предложений.

[214] Определяющая часть *не мерзнетъ никогда* первого типа предложений относится к определяющей части второго типа предложений, которая в свою очередь является определяющей частью третьего типа предложений.

и щету нет и пописати такова их множества, яко травы на поле или песку на море (Пов. об азов, взятии, с. 65) [215]; въ 3, книгѣ, царствъ, 14, главѣ написано, что Саранъ царь арапскій противъ израилевыхъ людей находилъ, *аснимъ было десятьсотъ тысящь человѣкъ* (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 18) [216]; И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить в церковь — *имя ей Анастасия* (Аввакум, Житие, с. 59—60); Ну, старец, моево вяканья много веть слышал. О имени господни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову, как богородица беса тово в руках тех мяла и тебе отдала, и как муравьи те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова те сожег, и как келья та обгорела, *а в ней цело все*, и как ты кричал на небо то, да иное, что вспомнишь во славу Христу и богородице (Там же, с. 121); Истец лещ съказал: «Есть, господа, у нас люди добрыя, человек доброи, *а живет он в новгородкои области в реке Волохове, а зовут ево рыба сих* (Пов. о Ерше, с. 148); А другои доброи человек, *а живет он в немецкой области в реке Нероне, а зовутъ ево рыба ладога.* На тех, господа, из виноватых шлюся (Там же, с. 148); а грамота прислана *а в неи не написана что воеводе написана Никивору* (Н. Тинков А. И. Безобразову 16 декабря. — Памятники XVII в., № 182, с. 99); в прошлом гсдрь во РОД м году стоял ѕ меня сироты твоего елченин сын боярскои Емелян Ермолин снъ Боев и в то время приходил к нему Емеляну брат ево двоюроднаи Лаврентеи *а ѡтечество ему пропамятовал* і ѣа сирота твои стал говорит емѕ Емельяну что за члвкъ к тебѣ приходит (Челобитная, 13 января 1669 г. — Моск. дел. и быт., № 68, с. 79); на том моем дворе хоромного строеня горница с комтою на жилых потклетах в горнице и в комнате подволоки косяшные печи *в них мурамленые сени передние под ними подсенѧ рубленые* на сенях чердак рубленоі с окошками косяшными *перед неи крылцо* два чюлана в сенех в горнице и в комнате оконницы слюденые на переходах чюлан горница задняя болшая *перед нею на жилом подклете сени* в сенях чюлан другая горница на мылне *перед нею сени* два колодезя два погреба дубовые напогребица ледник на леднике анбар *на нем сушило двоиное* конюшня о шти стоилах поварня *в неи две печи* на комноте вышка *перед нею чердак в нем чюлан* ворота о трех щитах позади хором сад *в нем чердак дощатоі крыт тесом* (Купчая 1688 г. — Там же, № 56, с. 186—187); а приданого ѕа мною чепь золотая *на нѣи крестъ ѕолотои с ыскрами с лаловыми и с ыѕѕмрѕдами* (Сговорная запись 29 января 1698 г. — Там же, № 59, с. 189); и в Бѣлях жеребѣи купленои в селце Мерлине *а в немъ двор боярскои со всяким дворовым строением* (Сговорная запись, 29 января 1698 г. — Там же, № 59, с. 190); Тетратка

---

[215] На месте местоимения *онъ* местоимение *тъ*.

[216] Оторванность определяющих слов от определяемого слова придает им известную самостоятельность, позволяет рассматривать их и как присоединительное предложение. Это замечание относится и к следующему далее примеру из Жития протопопа Аввакума.

в полдесть, *а в неи написаны рѣчи о пятнице нареченнѡи*, а в концѣ тѣх речеи, написан крстъ в крѵгѵ (Роспись писем, написанных у М. Свашевского, декабрь 1676 г. — Там же, № 7г, с. 218); двѣ челобитные Кондратья Зыкова, Таганнои слободы с тяглецом с Артюшкою Даниловым, *а на них помѣта вмѣсто дѵмног дiака гсдрвъ указ* (Роспись писем, найденных у М. Свашевского, декабрь 1676. — Там же, № 7 г., с. 218); і покупку гсдрь купил Яков Іванович два осетра просолныхъ да осетръ свежеи да две семьги *а весу в них двѣнатцат гривенок* (Емельяну Романовичу от неустановленного лица. — Грамотки, № 41, с. 34); да ему шъ Василию ѡтдал ѡн Самоіла с товарищи ларчикъ жестеноі малинкаі *а въ нем две чепочьки серебрены со кресты два перьсня ѕалатых смена пернеі серебреных пят залатников жемчюгу россыпънова мелкова три портища пуговицъ серебреных* (М. Т. Сатин Анне Леонтьевне. — Там же, № 54, с. 41); росписал у книги и дѣло к себѣ взялъ Архипъ Сорокинъ *а сидитъ он в повытье у Івана Степана* (И. Мещеринов М. В. Голохвастову. — Там же, № 134, с. 76).

В числе приведенных нами примеров имеются случаи с постановкой местоимения *онъ* не в косвенном падеже, а в именительном падеже (Рус. гр. 1614 г. АИ, т. III, № 34; Пов. о. Ерше, с. 148, Там же, с. 148; И. Мещеринов М. В. Голохвастову. Грамотки, № 134, с. 76).

При отсутствии этого *онъ*, постановка которого не являлась обязательной, поскольку смысловые отношения между частями предложения достаточно отчетливы, мы отнесли бы пример к первому, а не к третьему типу предложений.

От примеров, которые приводит А. А. Потебня [217], наши примеры отличаются тем, что местоимение стоит не непосредственно после союза *а*, а после глагола-сказуемого, поэтому функции этого местоимения как связующего звена менее отчетливы. Местоимение представляется в какой-то степени излишним, его употребление является своеобразной уступкой другому типу предложений.

Контаминацию третьего и второго типов предложений видим в следующем примере, где местоимение *она* стоит в косвенном падеже, но имеется и существительное (с прилагательным при нем и зависящим от существительного другим существительным), отсылающее к определяемому слову: бьет челом холоп твои Мартинко Голохвастов на Петровых людей Алеѯѣева сна Головина да вдовы *а имени гсдрь еи не ведаю Ивановскои жены Головина* на людеи жа еѣ а имян гсдрь тем ихъ людем не ведаю жъ (Челобитная не ранее 11 января 1668 г. — Моск. дел. и быт., № 63, с. 76) [218].

В памятниках XVII в. мы находим все три рассмотренных выше типа предложений. У нас нет оснований сделать вывод о вытесне-

[217] А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 259.

[218] В примере и второй тип предложения: *на людеи жа а имян гсдрь тем их людем не ведаю жъ.*

нии даже в XVII в. одним типом двух остальных, в частности третьим, хотя в нем более заметна зависимость определяющей части от определяемой, чем в предложениях первых двух типов, и части предложения в предложениях этого типа более тесно соединены в единое целое.

Показательны следующие тексты из челобитных конца XVII в., где рядом встречаются различные типы предложений: в прошлом гсдрь во РОѲ м году августа въ 1 де по твоему великого гсдря ѹказу взято у меня сироты твоего товару на тебя великого гсдря в Посолскои приказ тритцат ѕолотников жемчюгу *цена по десяти рублевъ ѕолотникъ* да того ж числа взято в Посолскои же приказ сорокъ ѕолотников жемчюгу ж *цена ѕолотник по девяти рублевъ* да августа въ ѕ1 де взято на тебя ж великого гсдря у меня сироты твоего девяносто ѕолотых *цена по сороку алтнъ ѕолотои* да августа въ К де взято у меня ж сироты твоего пара яхонтовъ *цена тѣмъ яхонтомъ тритцат рублевъ* да августа въ КИ де взято ж у меня в Посолскои приказ пара яхонтов да пара лалов *цена тому сорокъ рублевъ* (Челобитная 6 октября 1675 г. — Моск. дел. и быт., № 100, с. 96) [219] а мнѣ рабѣ вшеи искат на нем Ларионе в том же приказе встрѣшно брани и безчестья своег да золотого персня с ызѹмрѹдом *взял передѣла[ть] в перстен же* да золотого червонного *цена тому персню с камнем пятнадцать рублевъ а золотому цена сорокъ алтнъ* (Челобитная 23 ноября 1683 г. 1683 г. — № 122, с. 111).

Рассмотренные нами бессоюзные определительные предложения сохраняются еще и в некоторых памятниках XVIII в., но являются уже пережиточными конструкциями. По подсчетам М. Н. Вьюковой, они не составляют даже одного процента от общего количества относительных предложений, наблюдаемых в исследованных ею произведениях XVIII в. Как отмечает автор, «сфера распространения паратактических конструций узко ограничена; они встречаются лишь в некоторых памятниках петровской эпохи (газета «Ведомости», реформы, уставы и законодательные акты Петра I, сочинения Посошкова и Татищева) и в произведениях устного народного творчества (сб. Кирши Данилова, сказки о Петре, Повесть о горе-злочастии). Паратактические предложения в народно-поэтических произведениях часто используются в качестве художественного средства и потому сохраняются в них сравнительно долго. В языке художественной литературы таких конструкций нет. Нет их в деловой речи второй половины XVIII в.» [220] Заслуживает внимания тот факт, что относительные конструкции с указательным местоимением и определяемым име-

[219] Последюю определяющую часть (цена тому сорокъ рублевъ) рассматриваем как случай с третьим типом определительных предложений, поскольку существительное не восстанавливается, местоимение его заменяет.

[220] М. Н. Вьюкова. Относительные предложения в русском литературном языке XVIII века (автореф. канд. дисс.). Томск, 1958, стр. 5.

нем более распространены, чем предложения с повторением одного определяемого имени, а предложения, в которых относительная связь осуществлялась при помощи указательного местоимения, в памятниках XVIII в. не встретились [221].

Таким образом, мы имеем основание сделать из наблюдений М. Н. Вьюковой вывод, что исчезли раньше всего те конструкции, которые по своей структуре ближе всего к ставшим господствующими сложноподчиненным предложениям с союзными словами-местоимениями: *который* (самое распространенное из союзных слов местоимение) *кой*, *какой*, *каковой* и др.

Пример из белорусского языка (из белорусской песни) с бессоюзным определительным предложением был отмечен Ф. Е. Коршем в его работе 1877 г., но был ошибочно объяснен им как результат небрежности, как исключение (см. об этом выше, в главе «Из истории изучения бессоюзных сложных предложений, сопоставляемых со сложноподчиненными предложениями»).

В работе Е. Ф. Карского «Белорусы» приведен не единичный случай, а ряд примеров с бессоюзным определительным предложением, из которых один из памятника XVI в., а остальные из белорусского фольклора: «. . . даже пояснение имени определительным предложением допускается посредством формально самостоятельного предложения: калита с поесом куплена за дванадцать грошей, а у калите было тры копы грошей (=в которой. . .) (Акты В. А. К., т. 36, 44 Мин. XVI в.); идзець ён поле, идзець другоя, на трецьця ўсходзя — на гэтым поли стоиць дворэц, а ў гэтом дворце поп живець (на гэтом=на котором) (Шейн Мат. II, 386 Борис.): видзев дзевку, воду́ с одного колодзежа ў другий пераливая, ды стариков — тын подпираюць (видзев дзевку, которая. . ., стариков, которые. . .) (Ром. IV, 33 Рогач.); падаюць две дудучки перяд им, незвестно ким зброшено их (которые н. к. сброшены) (Ром. VI, 486 Мстисл.); пры гэ́тых слова́х ена́ пакланíласа яку̑дзйсьци бо́чцэ, а з таíэ̑ (=из которой) только тырчыць аблíэ̑злая галава́ с синим но́сам (Сержп. 10 Слуцк.); бачыць, што там хрэст, а на ю̑дом (=на котором) Хрыстос (ib. 25 Мозыр.)» [222].

Как нами уже отмечено (в главе «Из истории. . .»), здесь даны примеры на все три группы бессоюзных определительных предложений.

Наши материалы дополняют то, о чем сказано у Е. Ф. Карского, в первую очередь в отношении старобелорусских памятников. Как и в старорусских памятниках, бессоюзные сложные определелительные предложения встречаем в старобелорусских памятниках там, где содержится описание людей, предметов, характерных для них признаков. Поэтому их много в таких памятниках, как «Список татар домовых. Из переписи войска литов-

[221] М. Н. Вьюкова. Указ. соч., стр. 6.

[222] К. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 460.

ского 1567 г.», Баркулабовская летопись конца XVI—начала XVII в.

Приведем ряд примеров с первым типом бессоюзных определительных предложений: и о тыхъ чесехъ былъ Па(нъ) Сенько Григорьевичъ, посольствомъ, панъ Митко Трухоновичь, панъ Евлашько Федоровичь, инъшии мещане, *с ними приехали да Куконоса, до того велебъного преосвещеннаго арьцибисъкупа Селивестра и святое сборъное Ризькое церкви* (Полоцк. гр. 1478 г. 22 июля, РЛА, № 265); тоу(ж) емоу кнѧ(ж)щю оу Киевѣ бы(с) же некто ѳома чернець Изоуѳовъ. *держа намесничество. ѿ митрополиемь дворѣ.* (Лет. Увар., л. 29 об.); <и бы(с)> в него сыновъ с>... пѧтыи Андрѣи Соуздалъскыи шесты кнзь велики Володимерскыи *постави цр҃квъ стоую Бц҃ю сборноую в Сюиждали. а дроугоую въ Володимери каменоу цр҃ковъ ѡ три верхи Рожество стои Бц҃и.* (Лет. Супр., л. 2 об. — 3); тоу(т) кнзю Ски(р)гаилѫ боудѫчи в Киеве. бы(л) жо некто в Киеве Хома черне(ц) Изоуѳо(в) *де(р)жа(л) намѣсницьство ѿ митрополита оу стое Соѳѣи* (Лет. Крас., л. 81 об.); Нѣхто па(к) бы(л) пере(д) ты(м) ѫ кнзѧ велико(г) ꙗ(л)кги(р)да паробо(к) нево(ль)ны(и) холопъ *звали его Во(и)дило(м) пе(р)во бы(л) пекаре(м) ѫ великого кнзѧ ꙗ(л)кги(р)да* (Лет. Рачин., с. 248)[223]; Лѣта Бо(ж) наро(ж) ҂а҃ф҃а, ѫме(р) в Торуню коро(ль) По(ль)ски(и) Їѡнъ ꙗльбра(х)тъ, *бы(л) королемъ Польски(м) лѣ(т) ѡсмъ и месецэ(и) ѡ(с)мъ*, вѣку своего року м҃ и месецъ а҃ (Там же, с. 276); Того жъ року, 86, о Святомъ Духу на Москву ехалъ и на Орши былъ Еремея, патриарха Антиохийский, *з своее земли до Москвы ехалъ рокъ* (Лет. Баркул., л. 142); У четвергъ заседали княжа воевода Киевский из сыномъ княжатемъ, воеводою волынскимъ, велми рано на свитанью до его милости пана воеводы троицкого, *а были тамъ годинъ зекгаровыхъ болшъ пяти под полудень* (Там же, л. 147 об.); Року 1594, на весне, заложена церковъ у Могилеве святого Спаса, у манастыри, *была велми иконами украшена* (Там же, л. 152 об.); Рок 1596. После Духа Святого поставленъ на владычество Полоцкое Григорий, протопопиничъ виленский, *названъ быст на владычестве Гермогеномъ* (Там же, л. 154 об.); Року 1600. Панове волынские, панове литовские, также козаки Запорозкие, змовившися и знявшися вси вкупе, Волохи отгамовали, войска Могилево побили, армату отняли; воевода Мултянский втекъ из Мигалем, *трохи не поймали*, и много за нимъ гонили, аж до границы Мултянское (Там же, л. 161 об.—162); Того жъ року 601 месеца августа пятого дня, преставился священникъ Юревский отецъ Тимофей Алексѣевичъ, *а справовалъ ерейства год. 4* (Там же, л. 163); И прихожувалъ до того Терешка часъ не малый, каждому забегаючи, послугуючи;

---

223 Две определяющих части: звали его (Во(и)дило(м); пе(р)во бы(л) пекаре(м) ѫ великого кнзѧ.

а мелъ на себе оденье плохое, кожухъ плохий, в лете в томъ ходилъ (Там же, л. 172) [224]; и ѡдна панна *носила королевича сына ее*, ушла в ложницу, а дитѧ почало плакати (Пов. о витязях, с. 10); Ѡная пани с того была велми смутна и пошла къ Либруну и рекла: Дождали есмо жалости и легкости: прыехали два рыцеры, *а стали передъ городом, а шлют ко мне говоречы*: Выиди вон из града, имаэт с тобою ѡдинъ з насъ любовъ мѣти (Там же, с. 124); Року 1589 на нове лето у насъ ту, въ повете новокгродскомъ, мужъ былъ барзо добрый Альбрехтъ Кавечинский; *отдаль разомъ на однымъ веселю три цорки свое замужъ*; который, сыновъ не маючи, одно цорекъ шесть, не фрасовалъ се намъ о то, и еще зознавалъ, же такъ мѹ лепей (Дневн. Евлаш., с. 149); Юсупъ Тахтымашевичъ *служить пану Остаѳью*, сына поставилъ, кляча, и з согайдакомъ (Сп. татар дом., с. 1355); Якуб Сюлеймановичъ з Глинищъ *въ пани Кишчиное пенези бралъ*, выслалъ слугу, кляча плоха (Там же, с. 1363); Тенешко Михайловичъ *пенези бралъ у пани Кишчиное*, выслалъ слуг(ъ), кони 2, одинъ конь добръ, а другая кляча (Там же, с. 1366); Абда Олѣевичь *гроши бралъ у Аликеча*, слугу выслалъ, кляча, согай., рогати (Там же, с. 1367); Ахмет Яскевич з Рогожное детина *отца дей убито, а брата старшого не маеть*, кляча, согай (Там же, с. 1368); Мѣсяца июля 27 дня Обдула Мортузичъ, а такъ Томашъ братъ его *не въ отдѣле дей живутъ*, кони 2, бехтер, каѳ., пр. согай., саб. (Там же, с. 1369).

Приведенные выше примеры имеют ту же структуру, что и соответствующие примеры в старорусских памятниках, в частности пример с неопределенно-личным предложением из Летописи Рачинского, с. 248: звали его Во(и)дило(м).

Пример из Дневника Евлашевского интересен тем, что на равных правах употреблены определяющая часть без союза и определяющая часть с местоимением *который* в роли союзного слова.

Что касается примеров из «Списка татар домовых», то связь между определяющей частью и определяемой не всегда достаточно ясна как связь определения и определяемого, предложение можно рассматривать как простое.

Более заметна связь между определяющей и определяемой частью как связь определения и определяемого в двух последних примерах; в первом благодаря употреблению безличного предложения в определяющей части, а во втором вследствие наличия *дей*, указывающего на передачу чужой речи (*дей* имеется и в первом примере).

Мы отметили выше, что второй тип бессоюзных определительных предложений находим в старорусских памятниках значительно реже, чем первый тип.

То же следует сказать и относительно старобелорусских памятников, где эти предложения встречаются редко: Тутъ же войско

---

[224] Две определяющих части. Первая часть относится к первому типу предложений, а вторая, определяющая первую часть, к третьему типу предложений (на месте местоимения *онъ* местоимение *тъ*).

литовское пана Радзивила троцкого, гетмана литовского, до Могилева у погоню за казаками притегнули люду рыцерского конного збройного, Татар 4000, Литвы 1400. *Над тымъ людомъ былъ гетманомъ на имя Миколай Буйвидъ* (Лет. Баркул., л. 153 об. — 154); Мѣсяца июля 23 дня Ахметь Ахвендѣевичъ конь, каѳ., согай, саб. Джанко Милькумановичъ коники 2, согай., кор., *одинъ съ купли зъ Ждановщины, а други з отчизны* (Сп. татар дом., с. 1367); и прышли ку ѡдной горе и убачыли на неи замок ѡдного великого кнѧжати; *имѧ тому городу Костел, а кнѧжати имѧ* Ꙋрыл (Ист. о Гвид., с. 156); а то была ѡтчына ѡдных трех братов, силных рыцэров, што перед тым были на земли наимоцнеишые рыцэры; имена имъ Либрун, Игрун, Марко, и два их были умерли, а Либрун был жывъ и держалъ тот город, *а имя тому городу Кесарыя, а велми былъ город давныи* (Пов. о витязях, с. 124); [Д]р҃ѵгого днꙗ р҃ѵшивши войско алеѯа^{н}дръ, приехалъ до ѡдного мѣ^{ст}ца, где были сто^{л}пы котори^{х} иракли^{ı} постави^{л}, ѡди^{н} *бы*^{х} *золоты*^{ı}, *а др҃ѵги*^{ı} *сребрены*^{ı}, высоко^{ст} ихъ была на к̄ локо^{т}, а широко^{ст} на два локти (Александрия, с. 87).

Пропуск имени существительного в определяющей части в примерах из «Списка татар домовых» (опущено дважды *коник*) и из «Александрии» (опущено дважды *столп*) лишь до некоторой степени сближает эти примеры с примерами на третий тип бессоюзных определительных предложений, поскольку в последних нет пропуска имени существительного (местоимение его заменяет).

Отметим, что в примере из «Истории о Гвидоне» одно из существительных (*замок*) не повторяется, а заменено близким по значению другим существительным (*город*). Местоимение *тому* указывает на близость понятий *замок* и *город*.

Пример можно сравнить с примером из «Писем протопопа Аввакума» (со стр. 191), приведенным нами при рассмотрении второго типа определительных предложений в старорусских памятниках.

Для старобелорусских памятников характерно стремление к устранению повторяющегося имени существительного, к постановке одного местоимения [225]. Это стремление сказывается в том,

---

[225] Мы не видим возрождения бессоюзных определительных предложений с повторяющимся именем существительным и местоимением (указательным, реже — относительным) при нем в тех примерах из произведений белорусских писателей, которые приведены в труде «Граматыка беларускай мовы» (г. II. Сінтаксіс, Мінск, 1966, стр. 708—709): Тут прайшоў конны атрад па чале з палкоўнікам, гэты атрад вёз цела Гунава (Э. Самулёнак, Будучыня); Почалася пябачаная у свеце вайна-у тон вайне звярыная люстасць дзіўна спляталася з прыгожай рашучай адвагай (М. Зарэцкі, Сцежкі-дарожкі); У вас валасы дужа мяккія — такія валасы больш у жанчын бываюць (Там же); Яна была тады со старэйшым братам — брат той вучыўся у кадэцкім корпусе (Там же) и др.
Здесь повторение существительного не служит целям объединения двух предложений в одно, сопоставляемое со сложноподчиненным определительным предложением. Повторение представляет собой ясно выражен-

что в памятниках различных жанров, чаще чем второй тип предложения, употребляется третий тип — с местоимением *онъ* или с местоимением *тотъ* (и *тои*) в определяющей части: Писанъ руками Мартиновыма зъ Лужка, *онъ жо то имѣлъ съ приказу* (Вил. гр. 1457 г., АЗР, т. I, № 61); и как дѧдка моего небожчика пана Васка съ того света бог душѫ собрал и панюю его дѧдиною мою, и тое имене верху писаное Тарасово на мене спало близкостью кром брати моее Мишка а Ивана, *а им иншии имена дѧтковы против того досталиса — бо небожчик дѧдко мой из жоною своею плодѫ дѣтей не мѧл* (Вил. гр. 1490 г.; Arch. Sang., т. I, № 94) [226]; и ѡнъ мовилъ передъ нами: што-мъ заплатилъ ему и его жоне девять пудовъ а полкопы грошей съ тыхъ данниковъ за три годы, а инший медъ давалъ есми съ тыхъ данниковъ плѣбану Видъскому, князю Миколаю, *далъ есми емѫ девять пудовъ за три годы* (Вил. гр. 1518 г., Лит. метр., т. I, кн. 3, № 11); бѣ бо некто моужь стареишина во земли жиръскои именемь Пелгоусеи. *пороучена же емоу бы(с) стража морскаꙗ* (Лет. Супр. л., 26 об.); и се мѫ(ж) Корсоунꙗни(н) именемъ Анаста(с) стрели написавь стреле кладꙗзь ꙗ(ж) соуть за тобою на оустоце *ис того вода идеть трѫбами оу городъ* (Лет. Увар., л. 87—87 об.); имѧше (ж) в нїхъ Тотарина имене(м) Товроу(л) *тои исповеда всю силоу ꙗ(ж) бѣху в ни(х) силны(х) воеводы* (Там же, л. 105 об.) [227]; Року 1589 месяца мая 30 дня, по запустахъ святого Петра и Павла у пятницу ее милость кнежна Богдановая Соломерецкая, княгина Евдокия Баркулабовна Корсаковна, у замку Кричевскомъ за старостваа князя малжонка своего породила сына именемъ Исакия Долматского по прозвищу князь Богданъ, *а крестилъ его старецъ убогий* (Там же, л. 144—144 об.); Того жъ року 1601, за господаря кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Потея отщепенца, за вселенского патрiарха Киръ Рафаила, постановлено на владычество Гедиона, *а первой звано его Миколаемъ*; и тотъ отщепенецъ (Там же, л. 163); Того жъ року 601 были у Швеции козаки запорозкие люду четыри тисечи, *над ними былъ гетманомъ Самуель Кошка* (Лет. Баркул., л. 163 об.); И прихожувалъ до того Терешка часъ не малый, каждому забегаючи, послугуючи а мелъ на себе оденье плохое, хожухъ плохий, *в лете в томъ ходилъ* (Там же, л. 172) [228]; Племенида Дружненна тое чувшы рекла Бову: Пане, улѣзьмо в тот луг, иж за нами ѡдин дъıболъ ѧвныи, *имѧ ему ест Пулкан*, ѡт пса и ѡт жоны рожон ест и много конников погубил, и нетъ чоловѣка на свете, который бы сѧ ему спротивилъ; ꙗ тебе прошу, улезмо у тотъ лугъ (Там же, с. 154);

ный прием стиля, вызвано желанием выделить, подчеркнуть определяющую часть, придать ей известную самостоятельность.

[226] В составе определяющей части имеется придаточное предложение причины.

[227] В составе определяющей части придаточное определительное.

[228] Определяющая часть третьего типа предложений поясняет определяющую часть первого типа предложений: а мелъ на себе оденье плохое.

а Терызу в Задонии в сарацынской земли дал богъ сына ѡт царевны Малъгорэи, *имѧ ему Кгвидон*, и тот был у великом панстве, а у Кгвидона ещо был сынъ, *имѧ ему было дѣдово Терыз, а матка его была Спэрра* (Там же, с. 171); и на голос тое дѣвки прыехали два витези, *ѡни были кревные и близкие королю Мелиѧдушу* (Пов. о витязях, с. 6); Рек Мерлинъ: Маетъ быти трех рыцэровъ наибольшыи рыцеръ велми твердого жывота, и многимъ будет потребен, и не даи его в опеку никому толко Говорнару изъ Галиуша, *то ест человѣкъ велми добрыи и верныи, тот сѧ имъ мает добре ѡпекати* (Там же, с. 8)[229]; Потом идѵчи пре^{з} ѡны^{ı} лѣсъ, видѣли ѡдно дерево велми высокое, *на не^{м} седѣлъ птахъ велики^{ı}*, а тое дерево ани ли^{ст}а, ани ѡвочу жадного не мѣло Александрия, с. 106).

Выше, при рассмотрении первого типа бессоюзных определительных предложений, мы привели ряд примеров из «Списка татар домовых», в которых нет повторения определяемого существительного, нет и местоимения, заменяющего имя существительное.

Отметим, что во многих сходных случаях, в том числе и в случаях с *дей*, указывающим на передачу чужой речи, в определяющую часть включено местоимение *самъ*. Этих примеров значительно больше, чем примеров без *самъ*. В примерах *самъ* субстантивируется, пропуска определяемого существительного после местоимения нет, и восстанавливать его не представляется необходимым, так как оно только что названо. Местоимение *самъ* указывает на это названное существительное, выделяет его в тексте. Возможностью при помощи *самъ* выделить в тексте упомятутое в документе лицо и объясняется постановка в предложении именно этого местоимения, а не местоимений *онъ* или *тотъ*, *той*.

Значение интерпозитивной части как определяющей не вызывает сомнений, оно представляется значительно более ясным, чем в сходных примерах без *самъ*.

Мы относим помещенные ниже примеры к случаям с третьим типом бессоюзных определительных предложений: Щастный Темешковичъ *самъ дей малъ летъ не доросъ*, выслалъ слугу Юрья,

---

[229] Выделенная курсивом определяющая часть является в свою очередь бессоюзным предложением, в котором слова *тот сѧ имъ мает добре ѡпекати* не только служат определением, но и указывают на следствие, результат из сообщенного ранее.

Этот пример, в котором первое из двух указательных местоимений употреблено в форме им. п. ед. ч. среднего рода, благодаря чему не представляется возможным предполагать опущения имени существительного, можно сопоставить с примерами из Смоленской грамоты 1229 г., приведенными в нашей работе «Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение» (стр. 91): се орудиѥ. исправили. оумнии коупчи. регньбодѣ. дѣтѧртъ. адамъ. *то были горожане. на гочкомь березе* (Смол. гр. 1229 г., сп. А. Сум. и Лоп., с. 25. См. также сп. В, С); ‹се ороудиѥ. исправили› тиндрикъ. цижикъ из бремьнъ. албрахтъ слоукъ. бернѧртъ. ѡдѣ валтърь. ѡдѣ албрахтъ фоготь. *то были горожане оу ризѣ*. и инехъ много оумныхъ добрыхъ людѣи (Смол. гр. 1229 г., сп. А. Сум. и Лоп., с. 25).

кляча, рогат., мечъ. Ѳурсъ Юхновичъ *самъ дей збитъ*, выслалъ сына Яхна детину, оказалъ коней 5, пнцр. 4, пр., согай., саб., рогат.. (Сп. татар дом., с. 1355); Асанъ Улановичъ, маршалокъ того хоружства, *самъ дей позванъ мандатомъ*, выслалъ слуг[ъ], коней 4; три кони з отчизны, а четвертый з ымѣнья женнего, кони добри валахи, пнцр., пр., согай., кор. (Там же, с. 1355—1356) [230]; Яхъя Нурумовичъ *самъ дей ѳоръ*, выслалъ слуг[ъ], коники 2, согай., кор., а потомъ коня третего приставилъ (Там же, с. 1356); Тансарай Данцовичъ а Казимъ з двохъ дымовъ, *сами дей слепы*, выслали одного слугу, кляча, согай., саб. (Там же, с. 1356); Сепъянъ Канъсубовичъ *самъ дей малъ*, выслалъ слугу Матыса з дыму, кляча, согай., саб. (Там же, с. 1356); Яско Минбулатовичъ *сам пенези бралъ*, выслалъ слуг[ъ], коней 4, клячи 2, пнцр. 1, согай. во въсехъ, саб. 2, кор. 2 (Там же, с. 1361; там же еще сходный пример); Янъ Чура Ромодановичъ *самъ служить пану подканцлѣрому*, выслалъ слугу, кляча, саб. (Там же, с. 1362); Олишко Петрашевичъ з Болтяковъ *самъ гроши бралъ у пани Кищиной*, выслалъ брата своего Олѣя, конь, согай., кор. (Там же, с. 1362. См. там же еще сходный пример); Мѣсяца августа 21 дня. Джанко Ясеневичъ *самъ пенези бралъ въ роте Аликечовой*, выслалъ слугу тотарина, мерынъ, согай., саб. (Там же, с. 1363); Моркуза Миткевичъ *самъ служить въ пана Гайка*, выслалъ слугу, конь 1, пнцр., согай., саб. (Там же, с. 1366); Казимеръ Щастновичъ *самъ пенези бралъ у пана гетмана*, выслалъ кони 2, слуга одинъ на кони, а другой на клячи, согай., саб. (Там же, с. 1367; см. там же еще сходный пример); Богданъ Азкевичъ *самъ дома ѳорого кажуть*, выслалъ слугу на имя Матея, конь, пнцр., пр., согай., кор. (Там же с. 1369), Обдула Аѳгимъ Бердѣевичъ *самъ пенези бралъ у Шех-Манцера*, выслалъ сына Алѣя, конь, согай., саб. . . (Там же, с. 1369); Лягим-Бердей, молла татарский, то естъ попъ· ихъ, з дворца закупного з Мондина, *самъ дей старъ*, выслалъ наймита Андрейца, кляча, согай., саб., рогат. . (Там же, с. 1370; см. также сходный пример на с. 1373); Обдула Адамовичъ *самъ пенези бралъ у Иѳлянтехъ*, выслалъ слугу Богдана, коникъ, согай., кор., рогат. (Там же, с. 1371); Нур—Довлеть Алеитевичъ *самъ дей хворъ*, выслалъ сына Ибрагима детину, кляча, согай., саб., з Вилковщины (Там же, с. 1372); Олѣй Сюнжуковичъ зъ Радуни, *самъ служить пану старосте Жамоитскому*, выслалъ брата своего Богуша, конь, согай., кор. (Там же, с. 1373).

В записях диалектной белорусской речи [231] встретились все три типа бессоюзных определительных предложений: 1) без повторения имени и без местоимения на месте имени; 2) с повторением имени; 3) с местоимением на месте имени.

---

[230] В примере имеется и определяющая часть, характерная для второго типа бессоюзных определительных предложений.

[231] Имеем в виду записи, помещенные в кн.: «Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі». Пад рэд. Р. І. Аванесава і М. В. Бірылы. Мінск, 1962.

Случаи с повторением имени, видимо, составляют в диалектной речи исключение. Мы можем отметить только один пример: Мы н'е на ву́л'ицу бро́силис'а, а на двор, двор бы́ў абн'е́сены пастро́йкам'и, ул'е́з'л'и у кало́дз'иц у адз'ин ус'е во́с'им чалав'е́к (Витебская обл., с. 9).

Чаще находим бессоюзные определительные предложения без повторения имени и без местоимения на месте имени: у тым до́м'а йос'ц' тъка́йа жанчы́на — ра́зъмъ н'е́кал'и дз'аво́ччыну гул'а́л'и — дз'е́ўкъй была́ на́тта хварс'и́стьйа (Витебская обл., с. 51); Ну, вот, у шко́лу вы́прыв'ила ма́тка. Ла́нц'и но́выйа, ану́чк'и б'е́лыйа, св'и́тка се́рыйа. Пр'ишл'и́, с'адз'и́м. Ма́шка йе́та (са мно́йу ра́зым пышла́) спужа́лыс'а: чо́рныйа па́рты, йа н'а бу́ду (Могилевская обл., с. 97); У Во́йстам'е — тры в'арсты́ адге́тул' — стайа́л'и н'е́мцы (Гродненская обл., с. 126); По́тым н'е́йкуйу сус'е́дз'и ха́тку збудава́л'и, мы там жыл'и́ (Там же, с. 141).

Шире представлено употребление бессоюзных определительных предложений с личным местоимением 3-го лица на месте имени[232]: Пашл'и́ мы адз'и́н рас с сы́нам (йаго́ ружйо́ ц'ип'е́р у р'амо́нц'и), смо́тр'им — хо́дз'иц' па по́л'у л'ис'и́ца (Витебская обл., с. 40); Н'идал'о́ка жыў цар, у йаго́ прыгажэ́йшайа ад ус'и́х дачка́ (Гродненская обл., с. 125); Тады́ пазнайо́м'илас'а там з адны́м хло́пцам (йон ге́та быў ру́ск'и) (Минская обл., с. 158); Стайи́ц' б'аро́за б'ал'а́вайа, А на йе́й л'и́с'ц'а кудра́выйа, А на йе́й л'и́сц'а ружо́выйа, А пад йе́й жо́нк'и мужо́выйа (Там же, с. 184—185); Йос', дз'аўча́тка, у м'ан'е́ хлапча́к, два́ццац' шес'ц' гадо́ў уже́ йаму́ (Там же, с. 186); И там была́ адна́ ру́скайа, маладайа шче; у йайе́ муш быў майо́рам (Там же, с. 211); Прышо́ў чолов'е́к, йон застайе́ у ман'е́ и хл'е́б, бо́чку про́со, карто́пл'у (Гомельская обл., с. 265); Молоды́х встреча́йе ба́т'ко з д'и́жкойу, а на йий хл'иб и сыл' (Брестская обл., с. 313). Пры цар'и́ був тут пом'е́шчык, зва́лы його́ Ган (Там же, с. 316);

Как правило, определяющая часть в предложениях с местоимением располагается в постпозиции к определяемой части, и это придает ей известную самостоятельность[233]. Однако наличие союза *а*, связывающего части предложения (примеры: Минская обл., с. 184—185, Брестская обл., с. 133), лишает данные предложения их некоторой самостоятельности.

Приведенный нами диалектный материал позволяет сделать вывод, что и для диалектной речи (см. сказанное выше о старобелорусских памятниках) характерно стремление к устранению повторяющегося имени существительного, к постановке одного местоимения.

В староукраинских памятниках также находим все три типа бессоюзных сложных определительных предложений.

---

[232] В числе примеров два из фольклора: Гродненская обл., с. 125 (сказка); Минская обл., с. 184—185 (старая песня о женской доле).

[233] Только в одном примере (Витебская обл., с. 40) определяющая часть в интерпозиции.

Приведем ряд примеров с первым типом предложений: Видє(л) [тє(ж)] єсми Ла(в)рика бу(д)ника, в ы(с)тє(б)цє лєжачого, збитого, *ногою лєвою нє (в)ладає(т), голє(н) вся синя* (АКЖ, Акт № 3); Пото(м) жє выкрадєно, дє(и), школу жидо(в)скую, в которо(и) украдєно бляху срєбрєную, *коштова(л)[а] дви гривни* срєбра; свє(ч) тры вєлики(х), *коштовали по(л)торы копы грше(и) лито(в)ски(х)*; завєсик кита(и)чаны(и), *коштова(л) ко(п) три лито(в)ски(х)*; скатє(р)тъ цвилиховая, *коштова(л)[а] золоты(и) полъски(и)* (АКЖ, Акт № 15); пла(т)я бєлого того (ж) часу побрано, то єсть: кошу(л) хлопскихъ, колє(н)скихъ — чотыри, *коштовали копъ двє грошє(и) литовски(х)*, просты(х) кошу(л) — дє с є(т), *коштовали копъ по(л)торы грош(є)и ли(тов)скихъ*, убра(н)я полотє(н)ны(х) — шєстєро, *коштовали копу грше(и) ли(тов)скихъ* (АКЖ, Акт № 65); ѡнѣм же стрѣлающимъ и камение мещющимъ на гражаны *изнемогахоу жажею водною не бѣ бо воды в нi* (Ипат. л. (Гал. — Вол.), л. 251)[234]; По сем же сонмѣ миноувшоу лѣтоу ѡдиномоу и во ѡсень оубитъ бы великии кнзь Литовьскии Миньдовгъ. *самодержечь бы во всеи земли Литовьскои.* оубиство же его сиче скажемь (Там же, л. 285 об. — 286); А на его мѣсце обрано царемъ брата его молодшого, Петра Алексеевича, у молодихъ у девяти; *наступилъ на панство мѣсяця мая 6 дня*, которому бояре присягли, а стрелци московскіе не хотѣли присягати за для того, же старшій братъ зоставалъ у лѣтъ осминадцяти, царевичъ Іоанъ Алексѣевичь з першой жони, и того стрелци хотѣли царемъ (Лет. Сам., с. 152—153); Также того ж часу Дубровную Оршу, Шкловъ, Копись повиймано, Могилевъ поддался его царскому величеству, — *и тамъ воевода зоставалъ и Поклонскій полковникъ*, — и інные многіе городы литовскіе Бѣлая Русь (Там же, с. 38); Если при томъ хотятъ отступникове наши вѣдати и о новыхъ учителехъ святое церкви всходной, которыи южъ по оторванюся заходнихъ отъ неи жили и книги писали, особливе противъ блудомъ папескимъ и отмѣнамъ костела заходнего, тыхъ по имени ихъ, значнѣйшихъ покладаю:... преподобный Никонъ въ Чорной Горѣ (*въ лѣта Іоанна патриархи Антіохійского, написалъ книгу*),... Іоаннъ Кантакузенъ, царъ (который зоставши монахомъ, написалъ книгу)... (Палин. Копыст., с. 911—912).

В последнем примере на равных правах употреблены определяющая часть без союза и определяющая часть с местоимением *который* в роли союзного слова (ср. с приведенным выше примером из Дневника Евлашевского).

В староукраинских памятниках второй тип предложений (как с местоимением при имени существительном, так и без местоимения) тоже встречается не часто: ‹надаю› Городище И з лесами

---

[234] Определяющая часть бессоюзного сложного предложения — сложноподчиненное предложение причины.

Драгꙋшо[в]скими И зо всею зе[м]лею На[д] рекою рꙋсавою *По ѡбохъ сторонахъ Тое реки землѧ Лежачаѧ* Какъ ее Про[д]кове В широ-кои[ст] И дого[л]сти з дꙋбровами сеножами[т] И ре[ч]ками Малими Впадаючими (Прилук. гр. 1459 г., Укр. гр., № 93); Господину и отцу нашему филарету Архимандриту Печерскому я пани Настасья пана Родивона Чижевая исъ своимъ синомъ. паномъ Семеномъ Чижевичемъ били єсмо челомъ єго милости штобы єго милость пожаловалъ далъ намъ землю церковную на сей сторонѣ Бобрика *а у той земли наши двѣ доли а церковная третяя доля* и єго Милость пожаловалъ далъ намъ тую третину земли церковную [!] вѣшно[!] и непорухомо (Гр. Анастасии Чижевой 1499 г., Укр. гр. XV ст., № 5); Кри(ш)тофа Мазура, по(д)лѣ буды по(и)ма(в)ши, збили, змо(р)довали, а с(є)рмягу, кожух, сокеру, рукавици, ша(п)ку, поя(с) з ножами, калитою ѡ(т)ня(л), *в калитє была копа грошє(и) лито(в)скихъ*, што, дє(и), всє ко(ш)товало три копы и соро(к) г(р)шеи (АКЖ, Акт № 3); А у Миха(л)ка взято сермягу новую, за которую дано по(л) копы грошє(и), шапка[!], за которую дано грошє(и) шє(ст) ‹,›, поя(с) з калитою и з ножами, и з ѡгнивомъ, *а в калитє было грошє(и) три(д)цат*, поя(с) з калитою и з ножами уго(р)ски(ми), *а в калитє грошє(и) по(л)третя(д)ца(т)* (!] (АКЖ, Акт № 55. В акте еще два сходных примера); люто бо бѣ бои оу Чернигова. ѡже и таранъ на нь поставиша. меташа бо каменемь. полтора. перестрѣла. *а камень ѩкоже можахоу .д. мужи силнии подъѧти* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 261 об.); И под часъ бытности своей с козаком значнимъ переясловскимъ, з Іваномъ Ілляшемъ (*тотъ Ілляшъ барзо зичливимъ билъ королевѣ его милости*) и упросили писмо албо привилей на роблення челновъ на море, мимо вѣдомость гетмановъ коронныхъ, що и одержавши, тое скрито держали отъ полковниковъ въ Переяславлю (Лет. Сам., с. 6); Где войска коронніе з ордами гетмана Хмелницкого оступили, и тамъ маючи потребу, не дали ся скупити з Шереметомъ, и мусѣли згоду приняти з войскомъ короннимъ и королевѣ присягнули з войскомъ своимъ; *а тая згода стала под Слободищами* (Там же, с. 62); Того жъ року и лѣта на Москву приехали два патриярхи: александрийский и антіохийский Паисій; а то на жадання и поселство его царского величества, патриярху московского судити Никона. При которихъ патриярхахъ соборъ билъ на Москвѣ, *и на томъ соборѣ патриарху московского зложили з патрияршества в простіе черници и в заточеніе послали, а на его мѣсце иншого патриярху посвятили* (Там же, с. 96—97); Того жъ року, сентеврия 14, на Воздвиженіе честного креста, у Стародубѣ запаленъ дворъ нѣкоторого москвитина, з которого и церковъ барзо коштовная святого Николая згорѣла и звониця з звонами коштовними и дворовъ немало; *а церковъ била уся маліованая и желѣзомъ бѣлимъ покрита* (Там же, с. 179; Прото, молю вас, спасайтеся образом Лота,

избѣгша из Содомы во Сигорѣ, — *Сигор ж ест покаяние и очищение от грѣха* — сицевым образом, яко ту послѣди о очищении церкви реклося, наидете (Виш. Книжка, с. 7); Мовячи теды Христосъ до Петра, по Сирьску такъ мовитъ: «ты естесь кіфа, *а на томъ кіфѣ збудую церковь мою*»: по Руску рекши: «ты естесь опока, *и на той опоцѣ збудую церковь* мою». Петръ прсто есть той камень, на которомъ Іисусъ Христосъ церковь свою збудовати обѣцалъ (Палин. Копист., с. 380).

Ответим, что в последнем примере рядом с двумя бессоюзными определительными предложениями имеется и сложноподчиненное определительное предложение с союзным словом *который*.

В двух приведенных выше примерах (Лет. Сам., с. 62 и 179) определяющая часть стоит в конце предложения и отделена от определяемого слова не зависящими от него членами предложения. Поэтому определяющую часть можно рассматривать и как присоединительное предложение.

Количество встретившихся нам примеров с местоимением *онъ* в определяющей части примерно такое же, как и примеров с повторяющимся именем существительным, причем в ряде случаев сходный текст.

Приведем примеры из памятников различных жанров: Ла(в)рика з буды взя(в)ши, зби(л), змо(р)дова(л), а сє(р)мягу, кожу(х), сокиру, ша(п)ку и черезъ с пизми ѡ(т)ня(л), *в нє(м) было двє ко[пє] и дєсє(т) грошє(и) лито(в)ски(х)*, што всє ко(ш)товало пя(т) ко(п) и грошє(и) три(д)ца(т) пя(т) лито(в)ски(х) (АКЖ, Акт № 3); Сє(н)ка Рєбу(ж)ку, з буды [вз]я(в)ши, зби(л), змо(р)дова(л), а сє(р)мягу, кожу(х), сокиру, ша(п)ку, поя(с) з ножами, с калитою, *в нє(и) было грошє(и) соро(к) лито(в)ски(х)*, ѡ(т)ня(л); то, дє, всє ко(ш)товало три копы и пя(т) грошє(и) лито(в)ски(х) (АКЖ, Акт № 3. В том же акте еще много сходных примеров); Данилъ созда градъ. именемь Холмъ. *создание же его. иногда скажемь* (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 251 об.); ‹Данилъ› пивъ почюти раноу на телеси своемь. *во брани не позна ѥѧ. крѣпости ради моужьства возраста своѥ. бѣ бо дерзъ и храборъ. ѿ главы и до ногоу его. не бѣ на немь порока*[235] (Там же, л. 253); А его царское величество, на Москву з'ехавши, знову войска великіе собравъ, и армати построили, — *на нихъ спѣжъ четвертую часть звоновъ со всего панства московского з церквей и монастырей з'бирано*, и усе споражено, якъ надлежитъ до войни (в списке Юзефовича нет последних слов: «и усе споражено, якъ...» и пр. — *В. Б.*). (Лет. Сам., с. 201—202); А въ-посредъ костела, межи обѣма сторонами духовенства, передъ св. столомъ або олтаремъ, поставленный былъ маестатъ найцуднѣйшій, велце оздобный и прибраный золотомъ и шарлатомъ: на немъ сидѣлъ великій и справедливый судіа, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, то естъ святая его ѥѵангеліа, *а по обу ей сторонахъ лежали головы св. апостоловъ Петра*

[235] Определяющая часть — сложноподчиненное предложение причины.

и Павла, и лямпы горячіи передъ ними (Палин. Копыст., с. 700); ‹припомяну› Святого Ierофея, епископа Асинейского, *той былъ на соборѣ ономъ апостолскомъ на успеніе Пресвятой Богородици первымъ межи апостолами* (Там же, с. 1158—1159)[236].

Записи украинского фольклора, сделанные во второй половине XIX столетия[237], позволили исследователям синтаксической системы украинского языка, в первую очередь А. А. Потебне, установить, что бессоюзные сложные определительные предложения отнюдь не составляют исключение в народной украинской речи. Отметим, что данные предложения представлены главным образом в сказках, т. е. в том виде устного народного творчества, который ближе всего к устной разговорной речи, когда в этой речи содержится повествование о каких-либо событиях.

Приведем примеры из названных двух выпусков сборника И. Рудченко «Народные южнорусские сказки». В этих выпусках встретились три типа бессоюзных сложных определительных предложений.

Бессоюзные определительные предожения без повторяющегося имени существительного или заменяющего его местоимения представлены рядом примеров[238]: Десь назнала лисиця у лісі пастку (вовковню), и там мъясо було положено (Рудч. вып. I, с. 21); Був собі чоловік — Остапом звався, Боялися його черті, що всім похвалявся. . . (в. I, с. 63); Йде тай йде — коли й зострічає чоловіка — йде кудись: чи на охоту, чи з охоти, бо и ружжє було на возі (в. I, с. 90); Приходить до дому, тай росказує змійі: — бачив одного чинця, коло манастиря ходив (в. I, 148); Вона так и зробила, а сама стала втікати, и догнала чумаків — из рибою ишли — и заховалась під рибу (в. I, с. 204); Кажуть: «Бачили якусь дівчину, од криниці водицю несла». Така, кажуть, гарна! тільки трошки кривенька (Рудч., вып.. II, с. 33); Було в якомусь княжестві три княжецькі дочки — зостались од батька, од матері, а в другому княжестві був князь удовець (в. II, с. 89—90); и стойіть там млин, на дванадццять камінівв мелицця, и с-під камінів гаряче молоко біжить! (в. II, с. 96)[239]; От, та и зайшов уже аж у тридесяте царство, в тридесяте государство, — аж стойіть хатка на курячій нізці, очеретом підоперта, а то б

---

[236] *Той* на месте *онъ*.

[237] А. Метлинский. Народные южнорусские песни. Киев, 1854; М., Т. Номис. Українські приказки, прислів'я і таке інше. СПб., 1864; И. Рудченко. Народные южнорусские сказки, вып. I—II. Киев, 1869—1870; «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, снаряженной Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собр. П. П. Чубинским», т. I—VII. СПб., 1872—1878; Я. Головацкий. Народные песни Галицкой и Угорской Руси, ч. I—III. М., 1878.

[238] Сохраняем в текстах принятую в сборниках орфографию.

[239] Но на стр. 95 иначе: и ще там за церковою стойіть млин и на дванаццят камінів мелец(ц)я, и як мелецця, то с-під камінів гаряче молоко біжить (Рудч., вып. 2, с. 95).

розвалилася. . . (в. II, с. 105); Був собі один чоловік багатенький, мав собі корів доволі (в. II, с. 167).

Больше всего в сказках бессоюзных сложных определительных предложений с повторяющимся именем существительным, причем, как правило, при этом существительном стоит местоимение: Ото він колись пішов од нейі, — ходив по лісі, тай наглядів яму, а в тій ямі було дванадцять чортів (Рудч., вып. I, с. 57); Колись, як ще були люде паньскі, и в одного пана служив чоловік, и того чоловіка пан дуже любив за те, що він був исправний (в. I, с. 60); Иде, да йде, да знайшов аж у чужу землю. Коли — хата стойіть, а а в тий хаті — його сестра (в. I, с. 85); Прийихав у такий-то город, и на ввесь город той одна криниця, и в тій криниці сидить змій з дванадьцятьма головами (в. I, с. 126); А там близько був морований стовп, и в тім стовпі була йійі дочка замурована (в. I, с. 145); И той чоловік був силно богатий, и мав великого садка, а в той садок до яблук занадився сокіл каждоі ночі объйіда яблука (в. I, с. 153); И в того чоловіка був сад, а в той сад занадився дикий кобанъ (в. I, с. 156); Дай каже свому товаришові: «ходім, брате, осюдою: ту є слоботка; а в тій слободці єсть люде мені знакомі» (в. I, с. 208); Коли зачав його вітер приносить до якогось берега, а под берегом була дуже здорова пуща (Рудч., вып. II, с. 19); От и зійшли вони на такий пустирь, що буръян аж у чоловіка, и на тім пустирі стойіть груша, а на йій груші — та такі терпкі та кислі, що й не можна! (в. II, с. 24); Повів. Веде та й веде, — коли ліс, а в лісі пуста хатка стойіть (в. II, с. 66); Йде — коли друга хата стоіть, а в тий хаті друга сестра сидить (в. I, с. 85); Йде, да йде, — коли третя хата стоіть, а в тій хаті сама меньша сестра сидить (в. I, с. 86); Йде, да йде, — коли — стоіть хата, и в тий хаті баба — юга — залізна нога (в. I, с. 87); Мати його учила читать и писать; а як новчився він уже писать, то закопав високій стовп и на стовпі таблицю прибив и на ті таблиці написав так: кто сюдою буде йіхать, то непремінно, щоб зайіхав; а як не зайіде, то не останецця и живим, бо тут багатир живе — такий-то (в. II, с. 92); «За морями, каже, єсть золотой сад и золотою оградою огорожений, и там стойіть золотий стовп, а на тому стовпі кіт сидить: у гору йде-гарні пісні співає, а вниз иде — дуже гарні казки каже; то туди пойідьмо!» (в. II, с. 94); Стойіть, мось — пане, собі золотий сад и золотим барканом обгорожений, а в саду золотий стовп, на тому стовпі кіт сидить, и в гору йіде — гарні пісні співає, а в низ иде — дуже гарні казкі каже (в. II, с. 94); и в саду стойіть золотий стовп, а на тому стовпі кіт сидить (в. II, 95); там и там через море лежить золотий міст, а на тому мосту різни дерева стоять (в. II, с. 95); а в саду стойіть золотий стовп, и на тому стовпі кіт сидить (в. II, с. 96); а потім на морі лежить золотий міст, а на тому мосту різні дерева стоять (в. II, с. 96); а пойідьмо ми, каже, луч(ч)е туди, де за морями, на острові, де є двір, а в тому дворі живе баба, и в нейі єсть вісім синів-соколів (в. II, с. 96—97); А це: махнула правим рукавцем, що шматочки кидала — став

сад, у тому саду стовп, и по тому стовпу кіт ходить: у гору йде — пісні співа, а в низ иде — казки каже (в. II, с. 103); Танцювала — танцювала — далі махнула й лівим рукавцем — у тім саду стала річка, а на ріцци лебеді плəвають (в. II, 103); От пішов Иван-царевич по тій стезци — аж серед лісу така гарна долина, а на тій долині шклянний дворець стойіть (в. II, с. 106); От, як повів його Ох, та й повів, аж на той світ, під землю, та привів до зеленої хатки, очеретом обтиканої; а в тіи хатці усе зелене: и стіни зелені, и лавки зелені, и Охова жінка зелена, и діти, сказано — усе, все. . . (в. II, с. 108); — Чом не бачили ? бачили, — кажуть: серед степу церков — така стара, аж порохня сиплецця, — и в ті церкви піп (в. II, с. 122); Ото найшли конюшню, а в ті конюшні повно коней и возів, а в возах повно грошей (в. II, с. 181).

Значительно реже встречаются бессоюзные сложные определительные предложения с местоимением в определяющей части: Був собі дід та баба, а в йіх було жорно и півничок (Рудч., в. I, с. 35); Був собі чоловік та жінка, був у йіх син, — звали його Климцем. (в. I, с. 67); Иде — коли будинкі, а в йіх людей — видима-невидима! (в. I, с. 75); Була собі цариця и в йійі не було дітей из роду (в. I, с. 81); Колиж був там собі йіден генорал, а в його була дочка, тай улюбилась вона у того чоловіка (в. I, с. 150); Не знаю в якимсь — то царстві, жив собі чоловік, а у його було три сини (Рудч., вып. II, с. 12); Був собі дід та баба, а в йіх не було дітей (в. 2, с. 38); Ото дойіжає до яблуньки, а на йій так рясно яблук, що нігде курці клюнуть, та такі гарні-срібні та золоті (в. 2, с. 60); Ище дальше йідуть: біля дороги кровать золотая, а на йій перина біла, та мъяка, та така гарна, що й сказати не можна (в. II, с. 77); Був собі дід и баба, а у них було три сини: два розумних, а третій дурнии (в. II, с. 78); и там стойіть церков, и в ній що дня правиц(ц)я (в. II, с. 95); и стойить там церква, в ній що-дня правиц(ц)я (в. II, с. 96); а в тому дворі живе баба, и в нейі єсть вісім синів-соколів (в. II, с. 97); Десь-не-десь, в де-якімсь царстві, в де-якимсь государстві, жив собі царь та цариця; а у них — три сини, як соколи (в. II, с. 99); Жив собі убогий чоловік з жинкою, а у них був одним один син, та й той не такий, як треба (в. II, с. 107).

В просмотренных нами текстах в книге Ф. Т. Жилко «Нариси з діалектології української мови» встретилось только два примера с повторяющимся именем существительным, причем в обоих случаях при имени стоит указательное местоимение.

Первый пример из песни, второй из сказки: Шо й на гар'е камóра стайáла, А у туй камóрэ Марýс'а лижáла (Сумская обл., с. 227); а ў це ўрéмйа | прийíха до пáна дрýгий пан || а ў того́ пáна та гро́ш'і ўкрáдэно || (Там же, с. 285).

По-видимому, именно фольклор сохраняет названный тип бессоюзных сложных определительных предложений. В первую очередь это относится к сказкам с их неторопливым повествованием, в котором особенно выделяются, подчеркиваются отдельные слова.

Такому подчеркиванию способствует их повторение, особенно тогда, когда при повторении повторяющиеся слово имеет при себе указательное местоимение.

Пример с местоимением на месте имени существительного тоже из фольклора (из сказки); собра́лос'а ў па́на гу́л'бишче || коли́с' оно́ зва́лос'а бал || пйут' | гул'а́ут' | музи́ка ото (Харьковская обл., с. 285).

Из трех примеров без повторяющегося имени существительного и без заменяющего его местоимения один (первый) из сказки, остальные из рассказов о далеком прошлом: загл'а́нула ў пи́чку | там були́ пирожк'і́ | да й украла оди́н (Киевская обл., стр. 219); коли́с' не було́ жил'ізни́ц'і, і бага́т'і мужики́ | це були́ замо́жн'і | йі́здили ў Крим по с'іл' | ри́бу купл'а́ли там || (Днепропетровская обл., с. 295); а на боло́т'і було́ стра́шно | води́ләс' воўки́ || ча́сто кра́ли ў л'уде́й посл'і́дн'у худо́бу | і Оле́на р'іши́ла пәрәбра́ц'ц'а на бугбр || (Сталинская обл., с. 299).

Как нами отмечено в начале главы, судьба бессоюзных сложных определительных предложений в восточнославянских языках была сходной: они сохранились в фольклоре (все три типа), в живой диалектной речи (преимущественно первый тип). В устной разговорной речи — в просторечии встречается только первый тип предложений, но он представляет собой новое явление языка, имеющее лишь внешнее сходство с данной конструкцией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный материал старорусских, старобелорусских и староукраинских памятников позволяет сделать вывод о сходстве и даже полном совпадении структуры бессоюзных сложных конструкций, сопоставляемых со сложноподчиненными, в старорусском, старобелорусском и староукраинском литературных языках.

Это объясняется тем, что данные бессоюзные сложные предложения в главнейших своих чертах сложились еще в древнерусский период, а также и тем, что в них весьма большую роль (бóльшую, чем в сложноподчиненных предложениях) играют смысловые связи.

Мы смогли отметить различия между старорусскими, старобелорусскими и староукраинскими памятниками лишь в степени употребительности тех или иных бессоюзных сложных предложений и некоторые отличия в употреблении соотносительных слов.

Бессоюзные сложные предложения не были вытеснены (за редкими исключениями) сложноподчиненными предложениями.

Писатель XV—XVII вв. имел возможность выбрать, в целях стилистических, или бессоюзное сложное предложение, или сложноподчиненное и, таким образом, использовать различные синтаксические конструкции для выражения той или иной мысли.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аванесов — 4, 41, 77, 99, 115, 140
Арциховский 89

Бевзенко 16, 58, 107
Беспалько 20
Бирилла 4, 41, 77, 99, 115, 140
Бойчук 4
Блик 107
Блумфильд 128, 129
Булахов 19
Булаховский 32, 54, 55, 107
Буслаев 5, 6, 7, 9, 10, 118

Варлакова 94, 95, 104
Васильева 20, 21, 22, 23, 110, 118
Вьюкова 24, 25, 133, 134

Георгиева 18
Герман 67, 103
Гильфердинг 91
Глаголевский 75
Глинкина 3, 17, 20, 21, 22, 23
Головацкий 145
Груцо 64, 76, 96, 98, 104, 105

Даль 32, 91, 94, 95, 104
Даниленко 32
Дротвинас 93

Едлинская 20

Жилко 4, 41, 60, 67, 78, 103, 117, 147
Журавский 19

Зелепукина 74, 75, 111

Истрина 13, 55

Карский 12, 13, 38, 63, 64, 69, 70, 76, 92, 95, 96, 98, 104, 105, 106, 112, 114, 134
Качевская 23—25, 118
Кедайтене 3
Кершиене 3
Копецкий 74
Коротаева 15, 16, 44, 118
Корш 7, 8, 9
Котков 4

Лавров 13, 14, 81, 91, 92, 94, 106
Лавровский 5
Лапов 19
Лаптева 124
Ломоносов 46
Ломтев 14, 15
Лопатина 3
Лосева 74, 92, 95, 112

Мансикка 73, 74, 75, 111, 125
Метлипский 145
Мешковская 125
Молотков 108
Морозова 3

Номис 145
Носович 49

Овчинникова 74, 111
Орешников 4

Палагина 74, 75, 95, 111, 125
Панкратова 4
Пелих 67, 117
Петровская 111, 125
Пешковский 56
Попов 48
Поспелов 110, 111
Потебня 7, 9, 10, 11, 12, 118, 119, 124, 132, 145
Преображенская 3

Руднев 27, 56
Русановский 4
Рудченко 145

Санников 3, 29
Сиротинина 74, 95, 111, 125

Собинникова 40, 74, 94, 95, 111, 112, 125, 126
Соколова 16, 17
Сорокина 3
Спринчак 17, 26
Стеценко 17, 18, 118
Сумкина 24, 25, 118

Тарабасова 4
Тихомирова 91
Троицкий 26, 27, 28, 118, 126

Устинова 18, 19

Федорова 92
Филиппова 4
Фортунатов 30
Франчук 3

Харпалева 3
Хмелевская 24, 25, 118
Хренова 3

Чередниченко 26
Чубинский 145

Шапиро 40, 63, 74, 75, 92, 95, 111, 125
Шахматов 56
Широкова 23, 24, 118

Щерба 27

Янковский 4, 40, 78, 99, 100, 105, 106
Ятрополо 3

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Аввакум. Житие — Житие протопопа Аввакума. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения». Под общей ред. Н. К. Гудзия. М., Гослитиздат, 1960.
Аввакум. Письма — Письма протопопа Аввакума. — Там же.
АЗР — см. Гр., 1.
АИ — см. Гр., 2.
АКЖ — см. Гр., 3.
Акты, собр. АН. — см. Гр., 4.
Александрия — Александрия по Ленинградскому списку. «Александрыя». Мінск, Выд-во АН БССР, 1962.
Арц. — см. Гр., 5.
Арц. и Борк. — см. Гр., 6.
Арц. и Тих. — см. Гр., 7.
АЮБ — см. Гр., 8.
АЮЗР — см. Гр., 9.
Вез. цнот — Везерунок цнот Е. Плетенецкого 1918 г.. «Зап. Українського наукового товариства в Киеві», 1909, кн. VI.
Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг. — Вестовые отписки Оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского, 1573—1574 — АЗР, т. III, № 58. СПб., 1848.
Вирши о Желт. битве — В кн.: Хрестоматія довньої української літератури (до кінця XVIII ст.). Упорядкував акад. О. І. Білецький. Вид. 3, доп. Вид-во «Радянська школа». Київ, 1967.
Вирши Саковича. — Вирши Саковича. — Там же.
Виш. Зачапка — Зачапка мудраго латынника з глупым русином. — В кн.: И. Вишенский. Сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1955.
Виш. Книжка — Книжка. — Там же.
Виш. Ответ Скарге — Краткословный ответ Петру Скарге. — Там же.
Виш. Позорище — Позорище мысленное. — Там же.
Виш. Послания — Послание Домникии. Послание львовскому братству. Послание Иову Княгиницкому. — Там же.
Вос. Укр. с Рос. — см. Гр., 10.
Грамотки — Грамотки XVII—начала XVIII века. Изд. подготовили Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., изд-во «Наука», 1969.

Гр. — Грамоты. В исследовании использованы грамоты по следующим изданиям:

1) АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собр. и изд. Археограф. комиссиею, т. I—V. СПб., 1846—1853;
2) АИ — Акты исторические, собр. и изд. Археограф. комиссиею, т. I—III. СПб., 1841—1842;
3) АКЖ — Актова книга Житомирського міського уряду кінця XVI ст. (1582—1588 рр.). Підготував до видання М. К. Бойчук. Київ, вид-во «Наукова думка», 1965;
4) Акты, собр. АН — Акты, собр. в библиотеках и архивах Российской империи Археограф. экспедицею имп. Акад. наук, т. I. СПб., 1836.
5) Арц. — А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954 (№ 11—83); Он же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., Изд-во АН СССР, 1963 (№ 319—405);
6) Арц. и Борк. — А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958 (№ 84—136); Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958 (№ 137—194); Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963 (№ 195—318);
7) Арц. и Тих. — А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок (1951 г.). М., 1953 (№ 1—10).
8) АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 1—3. Изд. Археограф. комиссиею под ред. Н. Калачова. СПб., 1857—1884.
9) АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собр. и изд. Археограф. комиссиею, т. I—II. СПб., 1863, 1865.
10) Вос. Укр. с Рос. — Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы (в 3-х томах). Ред. колл. — П. П. Гудзенко и др. М., 1953.
11) Дух. дог. гр. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
12) Лит. метр. — Литовская метрика. См.: РИБ, т. XX, XXVII, XXX, XXXIII.
13) РИБ — Русская историческая библиотека, изд. Археограф. комиссиею, т. XX, СПб., 1903; т. XXVII, СПб., 1910; т. XXX, Юрьев, 1914; т. XXXIII, Пг., 1915.
14) РЛА — Русско-ливонские акты, собр. К. Е. Напьерским. Изд. Археограф. комиссией. СПб., 1868.
15) Сум. и Лоп. — Смоленские грамоты XIII—XIV веков. Подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., Изд-во АН СССР, 1963;
16) Укр. гр. — В. Розов. Українскі грамоти, т. I. Київ, 1928,
17) Укр. гр. XV ст. — Українськи грамоти, XV ст. Підготовка тексту, вступна стаття і коментарі В. М. Русанівського. Київ, вид-во «Наукова думка», 1965;
18) Шахм. Грамота — А. А. Шахматов. Грамота псковского князя Ивана Александровича. «Изв. ОРЯС», 1912, т. XVII, кн. 3;

19) Шахм. Исслед. — А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3. СПб., 1903.

20) Шахм. О языке — А. А. Шахматов. О языке новгородских грамот XIII и XIV в. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895.

21) Arch. Sang. — Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie, wydane nakładem właściciela pod kirownictwem L. L. Rodzimińskiego, т. I—IV. We Lwowie, 1887—1890.

Дневн. Евлаш.. — Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевского (1564—1604). «Киевская старина», т. XIV, январь, 1886.

Домострой — Домострой, XVI в. — А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. Изд. ОРЯС. М., 1908.

Дума о Берест. звыч. — Дума о Берестейском звыченстве. — В кн.: Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.).

Дух. дог. гр. — см.: Гр., 11.

Инт. Гаватовича — Интермедии к драме Я. Гаватовича, 1619 г.

Ипат. л. (Гал.-Вол.) — Галицко-Волынская летопись ок. 1425 г. — ПСРЛ, т. II. Изд. 2. Под ред. акад. А. А. Шахматова. СПб., 1908.

Ист. о Атыле — История о Атыле короле угорском. Изд. А. Н. Веселовским. «Из истории романа и повести. Материалы и исследования», вып. II. Славяно-романский отдел. «Сб. ОРЯС», т. 44, № 3. СПб., 1888.

Ист. о Гвид. — История о княжати Кгвидоне. Изд. А. Н. Веселовским. — Там же.

Ист. о Флор. соборе — История о разбойничьем Флорентийском соборе, изд. клириком Острожским в 1598 г. «Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. III. — РИБ, т. XIX. СПб., 1903.

Источники XVII — начала XVIII в.—С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., изд-во «Наука», 1964.

Летописец 1619—1691 гг. — Летописец 1619—1691 гг. — ПСРЛ, т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., изд-во «Наука», 1968.

Лет. сказ. Петра Золотарева — Летописное сказание Петра Золотарева. Там же.

Лет. Авраамки — Западнорусская летопись по Виленскому списку («Летопись Авраамки»). — ПСРЛ, т. 17. Изд. 2. СПб., 1907.

Лет. Акад. — Западнорусская летопись по Академическому списку. — Там же.

Лет. Баркул. — Баркулабовская летопись. «Киевские университетские известия», год. 38-й, № 12, 1898.

Лет. Крас. — Западнорусская летопись по списку гр. Красинского. — ПСРЛ, т. 17. Изд. 2. СПб., 1907.

Лет. Рачин. — Западнорусская летопись по списку Рачинского. — Там же.

Лет. Сам. — Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Изд. Киевскою Временною Комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1878.

Лет. Супр. — Супрасльская летопись. — ПСРЛ, т. 17. Изд. 2. СПб., 1907.

Лет. Увар. — Уваровский список летописи. — Там же.

Лит. метр. — см. Гр., 12.

Лит. ст. 1529 г. — Старый литовский статут 1529 г. По копии с рукописи XVII в. «Временник имп. Московского Общества истории и древностей российских», кн. 18. М., 1854.

Лудольф — Г. В. Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 — Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica Oxonii A. D. MDCXCVI. Ed. by B. O. Unbegaun. Oxford, 1959.

Моск. дел. и быт. — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Изд. подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., изд-во «Наука», 1968.

Моск. лет. св. конца XV в. — Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ, т. 25. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Отв. клир. Острож. — Ответ (отпис) клирика Острожского Ипатию Потею, 1598 г. «Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. III. — РИБ, т. XIX. СПб., 1903.

Палин. Копыст. — Палинодия Захария Копыстенского, 1621 г. «Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. I. — РИБ, т. IV. СПб., 1878.

Памятники XVII в. — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). Изд. подготовили С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., изд-во «Наука», 1965.

Пересветов — Пересветов. — В кн.: В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в. М., 1908.

Переспорога — Переспорога И. Борецкого (1605—1606 гг.), во Львове. — АЗР, т. IV. СПб., 1851.

Перло многоценное — Перло многоценное. — В кн.: Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.).

Песня про казака и Кулину — Песня про козака и Кулину. — Там же.

Письма Ив. IV — Письма Ивана Грозного А. Курбскому. «Соч. князя Курбского», т. I. —РИБ, т. XXXI. СПб., 1914.

Письма Курб. — Письма А. Курбского. — Там же.

Пов. Кат.-Рост. — Повесть Катырева-Ростовского. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». Изд. 2. — РИБ, т. XIII. СПб., 1909.

Пов. о витязях — Починаеться повесть о витезях с книг сэрбъских. Изд. А. Н. Веселовским. «Из истории романа и повести. Материалы и исследования», вып. II.

Пов. О Ерше — Повесть о Ерше Ершовиче. — В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.

Пов. о куре и лис. — Повесть о куре и лисице. — Там же.

Пов. о Рос. царстве — Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени».

Пов. об азов. взятии — «Историческая» и «поэтическая» повести о взятии

Азова в 1637 г. «Воинские повести древней Руси». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Пословицы XVII в. — Сборник пословиц XVII века. — В кн.: П. К. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. «Сб. ОРЯС», т. 66, № 7. СПб., 1899.

Пословицы XVII—XVIII вв. — Пословицы Петровского времени (конца XVII—начала XVIII столетия). — Там же.

Пут. Гогары — Путешествие по святой земле дьякона Гогары в 1634 г. «Сказания русского народа, собр. И. Сахаровым», т. 2, кн. VIII. СПб., 1849.

Пут. Зосимы — Путешествие иеродиакона Зосимы в Царьград и Иерусалим в 1420 г. — Там же.

Пут. моск. купцов — Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова по святым местам в 1582 г. — Там же.

Разговорник 17 в. — Русский рукописный разговорник 17 века. — Historisk-filosofiske Meddelelser ungivet af Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Bind 39, № 8. Ein russisches Handschriftliches Gesprächbuch aus dem 17. Jahrhundert. Mit Kommentar von Hans Christian Sørensen. København, 1962.

РИБ — см. Гр., 13.

РЛА — см. Гр., 14.

Сатиры о пьянстве — Сатиры о пьянстве. — В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века.

Сказ. о Гр. Отрепьеве — Сказание о Гришке Отрепьеве, по сп. XVII в. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени».

Сказ. про Бову — Сказания про храброго витязя, про Бову королевича. — В кн.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. Изд. 7. М., Учпедгиз., 1962.

Сл. о збур. пекла — Слово о збуреню пекла. — В кн.: Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.).

Сл. о Кулик. битве — Слово о Куликовской битве Софония Рязанца (Задонщина). «Воинские повести древней Руси». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л.,, Изд-во АН СССР, 1949.

Сл. о плк Иг. — Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Смол. гр. 1229 г. — см. Гр., 15.

Спис. пр. люторов — Списание против люторов. «Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. III. — РИБ, т. XIX. СПб., 1903 [1].

Сп. татар дом. — Пописъ татаръ домовыхъ Великого Князства Литовъского.— «Пописъ войска Литовского 1567 г.» — РИБ, т. XXXIII. Пг., изд. Археограф. комиссии, 1915.

Стефан-воевода — Стефан-воевода. — В кн.: Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.).

---

[1] Из двух помещенных здесь редакций (первая — 1580 г., вторая — самого начала XVII в.) исследована более ранняя — XVI в.

Стоглав — Стоглав. Царьския вопросы и соборныя ответы о многоразличных церковных чинех. М., 1890.

Страсти Христовы — Страсти Христовы в западнорусском списке XV века. «Памятники древней письменности и искусства», № 140. СПб., 1901.

Суд. Ив. IV — Судебник Ивана IV. «Акты исторические, собр. и изд. Археограф. комиссиею», т. I (1334—1598). СПб., 1841, № 153.

Суд. 1497 г. — Судебник 1497 года. — Судебники XV—XVI веков. Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952.

Суд. 1589. — Судебник 1589 года. — Там же.

Сум. и Лоп. — см. Гр., 15.

Укр. гр. — см. Гр., 16.

Укр. гр. XV ст. — см.: Гр., 17.

Улож. 1649 г. — Соборное Уложение царя Алексея Михайловича, изд. 1649 г.

Уч. и хитр. ратн. стр. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, изд. 1647 г.

Хм. лет. — Хмельницкая летопись (1636—1650 гг.). — «Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического», Изд. Киевскою Временною Комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1878.

Хож. Аф. Ник. — Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472 гг. Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.

Хронология Рымши, 1581 г. — Хронология Рымши, 1581 г. — В кн.: Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.).

Шахм. Грамота — см. Гр., 18.

Шахм. Исслед. — см. Гр., 19.

Шахм. о языке — см. Гр., 20.

Arch. Sang. — см. Гр., 21.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

От автора 3

Из истории изучения бессоюзных сложных предложений, сопоставляемых со сложноподчиненными предложениями 5

Типы бессоюзных сложных предложений, сопоставляемых со сложноподчиненными предложениями с союзами и относительными словами . . 29

Вводные замечания 29

Бессоюзные сложные предложения со значением причины или пояснения во второй части 33

Бессоюзные сложные предложения со значением следствия во второй части 60

Бессоюзные сложные предложения со значением цели 68

Бессоюзные сложные предложения времени 71

Бессоюзные сложные предложения условия 80

Бессоюзные сложные уступительные предложения 103

Бессоюзные сложные дополнительные предложения 107

Бессоюзные сложные определительные предложения 117

Заключение. 149

Указатель имен. 150

Источники и принятые сокращения 152

www.ruslang.ru

Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков

Бессоюзные сложные предложения сопоставляемые со сложноподчиненными

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Л. М. Гаврилова*

Художественный редактор *Т. П. Поленова*

Технические редакторы *А. М. Сатарова, В. И. Зудина*

Сдано в набор 13/XII 1971 г. Подписано к печати 14/IV 1972 г. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 2600 экз. Бумага № 2. Тип. зак. 722. *Цена* 82 *коп.*

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21.

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12